
Воспоминанія о протоіерей Александрѣ Алексѣевичѣ Лебедевѣ.

Обстановка дѣтства и семинарія. Отецъ мой Александръ Алексѣевичъ Лебедевъ родился 4-го августа 1833 г. въ селѣ Васильевскомъ, что подъ Коломною Московской губ. ¹⁾). Но священствовавшій здѣсь отецъ его Алексѣй Ивановичъ Лебедевъ вскорѣ перешелъ въ Троице-Сергіевскій посадь къ церкви Вознесенія. Здѣсь собственно и прошло дѣтство Ал. Ал.—ча до 15 лѣтъ.—Мѣсто это въ то время было очень небогатымъ, семья же о. Лебедева была значительная, такъ что жили они бѣдно,—дѣти видали бѣлый хлѣбъ только два раза въ годъ—къ Рождеству и къ Пасхѣ,—когда одна купчиха-прихожанка присылала имъ калачей и нѣскольکو фунтовъ баранокъ.

Около 1848 г. Алексѣй Ивановичъ перешелъ настоятелемъ

¹⁾ Семейныя воспоминанія самого Алексѣя Ивановича напечатаны въ „Душеполезномъ Чтевіи“ за 1910 г., №№ 2—4.—Онъ вачинаеть ихъ съ своего прадѣда Никиты Ивановича Лебедева, который былъ родомъ изъ Тульскихъ дворянъ и поступилъ во священники; сыновъ его Алексѣй Никитичъ былъ при отцѣ причетникомъ, а потомъ занялъ его мѣсто; священникомъ (въ селѣ Вихарѣ) былъ потомъ и отецъ Алексѣя Ивановича. Супруга Ал. Ив-ча, мать моего отца Пелагея Александровна, урожденная Попова,—тоже изъ духовной среды; въ дѣтствѣ я слышала какъ-то разъ, будто родъ ея былъ грузинскаго происхожденія, но узнать про это точнѣе мнѣ въ прежніе годы не удалось, и оно осталось въ моей памяти подъ сомнѣніемъ, развѣ только типъ ея можетъ говорить въ пользу южныхъ элементовъ крови: между тѣмъ какъ дѣдушка и отецъ мой имѣли типичный великорусскій обликъ—открытое лицо съ яснымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ (хотя и разнаго выраженія), бабушка имѣла глаза каріе, и особенно типично было лицо младшаго ея сына Феодора Алексѣевича—чернаго, смуглаго, съ ея глазами, съ тонко очерченными, рѣзко исполобья обозначеннымъ носомъ, красиваго въ этомъ своемъ типѣ.

въ женскій Хотьковъ монастырь, гдѣ дожилъ потомъ и до 50-лѣтняго юбилея своего священства и, скончавшись въ 1878 г., нынѣ покоится на площадкѣ между обоими монастырскими соборами.

Въ Хотьковѣ жизнь семейства постепенно стала зажиточною:—полное сельское хозяйство, одна-двѣ коровы, лошади, куры, два огорода, въ саду ягодные кусты, яблони: для хозяйства жили работникъ и молоденькая работница, помогавшая бабушкѣ и дочерямъ ея въ стряпнѣ и по дворовому хозяйству. За домомъ два сѣнокосныхъ лужка убирались общими семейными силами; помню и еще, какъ работникъ везъ пасъ дѣвочекъ, —меня и двоюродную сестру, —на высокомъ возу сѣна тоже дѣдушкина сѣнокоса изъ-подъ одной сосѣдней деревни. Была у А. И—ча и пахатная земля,—помню его въ рясѣ и съ іерейскимъ посохомъ въ рукахъ степенно, какъ патріархъ, возвращающагося съ обхода своихъ зрѣющихъ полей. Были у дѣдушки и улыи,—сначала, кажется, въ собственномъ саду, а потомъ пасѣка у крестьянъ одной изъ сосѣднихъ деревень.

Вывнеся тяжелыя воспоминаія отъ собственной жизни въ бурскѣ, Ал. Ив. не захотѣлъ отдавать сыновей въ духовное училище, а прямо подготовилъ ихъ къ поступленію въ Виѣанскую семинарію, гдѣ отецъ мой и окончилъ курсъ въ 1854 г. 4-мъ ученикомъ въ 1-мъ разрядѣ. Старшіе отцовы братья Петръ и Михаилъ, кончили во 2-мъ разрядѣ въ 1848 и 52-мъ г.г., а младшій Федоръ Алексѣевичъ въ 1-мъ разрядѣ выпуска 1862 г.

Хотя семья въ это время жила въ достаткѣ, но достатокъ, какъ обыкновенно, заключался болѣе въ натуральномъ хозяйствѣ, а не въ деньгахъ. Были, правда, и доходы, такъ какъ къ монастырю были приписаны сосѣднія деревни, но доходы эти собирались копѣйками;—помню, какъ разъ послѣ какого-то славленья по деревнямъ, Алексѣй Ивановичъ принесъ въ цестромъ носовомъ платкѣ узелъ мѣдныхъ денегъ. Конечно, мѣдные доходы эти уходили на многія нужды, на обученіе сыновей, и карманныя деньги давались молодымъ людямъ въ крайне скудномъ количествѣ,—уже не помню теперь, не полтора ли рубля въ треть, причемъ еще, кажется, кромѣ своекоштнаго чаепитія, они должны были дѣлать себѣ на это и сапоги.

Изъ семинаріи на праздники мальчики приходили домой, и отецъ мой вспоминалъ, какъ разъ, еще въ младшемъ классѣ, ихъ съ братомъ Михаиломъ отпустили осенью, кажется, на Покровъ, такъ поздно, что они стемнали въ пути и плутали, руками нащупывая дорогу, чтобы не сбиться на жнитво и пашню. Они постучались у своихъ воротъ, когда Алексѣй Ивановичъ уже вернулся домой послѣ долгой все-нощной,—путь же въ тѣ времена осенью и въ темноту былъ не безопасенъ отъ волковъ;—дѣдушка встрѣтилъ ночныхъ путниковъ невольнымъ восклицаніемъ: „Есть ли голова на плечахъ у вашего начальства, что отпускаютъ ребятъ въ такое время!“

Изъ своего семинарскаго житія-бытія отецъ вспоминалъ плохой столъ, оставившій слѣды на организмъ: когда онъ потомъ пріѣхалъ въ Петроградъ, у новыхъ родныхъ его явилось подозрѣніе въ зачаткахъ у него чахотки; отецъ считалъ, что прочное выздоровленіе пріобрѣлъ онъ за одно лѣто плаванія своего въ Балтійскомъ морѣ. Иногда, особенно въ посты, пища была такая, что воспитанники, въ общемъ неприхотливые по воспитанію, не могли ѣсть ея, а питались чаемъ съ баранками; когда же эта прѣсная пища пріѣдалась до нестерпимости, „мы“, рассказывалъ отецъ, „дадимъ бывало, ректорскому повару въ складчину 20 коп., чтобы онъ изготовилъ намъ густую селянку ¹⁾, да просимъ такую, чтобы ротъ ободрало“.—Причиной плохого стола была не столько суровость семинарскаго строя, сколько столъ обычныя злоупотребленія завѣдующихъ;—разъ выловлена была изъ щей цѣлая мышь и торжественно представлена по начальству,—кажется, самому ректору; но дѣло не получило особыхъ послѣдствій,—вѣроятно, только завѣдующіе на короткій срокъ немного подтянулись.

Въ семинаріи отецъ мой,—всегда и послѣ любившій заниматься поздними вечерами,—крѣпко спалъ по утру, и товарищи утромъ нерѣдко будили его возгласомъ: „инспекторъ идетъ!“ Наконецъ онъ привыкъ къ этому и пересталъ вѣрять. Разъ кричатъ ему: „инспекторъ идетъ!“ А онъ имъ: „врите, молъ!“ и продолжалъ спать. Инспекторъ же на этотъ разъ былъ въ самомъ дѣлѣ у его постели, и отецъ мой былъ

¹⁾ Запеченная кислая капуста съ соленой рыбой и перцемъ.

наказанъ:—едва ли не это и былъ тотъ единственный разъ, когда онъ поставленъ былъ на колѣни;—онъ вспоминалъ про это наказаніе благодушно, но съ осужденіемъ воспитателей за униженіе человѣческаго достоинства во взрослыхъ уже воспитанникахъ.

Въ курсѣ ученія отецъ отличался любовью къ философскимъ наукамъ и успѣшными сочиненіями,—онъ писалъ иногда на ту же тему по два, по три сочиненія,—одно за себя, другія за товарищей. Слабымъ же мѣстомъ его были языки.

Изъ наставниковъ своихъ онъ имѣлъ потомъ дружественныя сношенія съ преосв. Виссаріономъ, епископомъ Костромскимъ, въ его время преподавателемъ церковной исторіи Вас. Петр. Нечаевымъ. Преосв. Виссаріонъ посылалъ ему всѣ свои сочиненія, а въ 1896 г., когда мы, проѣздомъ по Волгѣ, останавливались въ Костромѣ, отецъ мой ѣздилъ къ нему на дачу одинъ, а потомъ по приглашенію владыки—и со всѣми нами.—Но особенно тѣсныя дружескія отношенія сохранились у отца съ протоіереемъ Сем. Григ. Вишняковымъ, преподававшимъ въ семинаріи логику, психологію, патристику и латинскій языкъ, а потомъ священствовавшимъ въ Москвѣ. Самая сердечная переписка велась между ними до кончины послѣдняго.—Вѣроятно, отецъ хранилъ благодарную память и къ А. Е. Невскому, преподавателю исторіи, потому что, издавая свое сочиненіе противъ католичества въ 80-хъ годахъ, послалъ ему экземпляръ, о чемъ имѣется благодарственное письмо А. Е. Невскаго.

Изъ товарищей отецъ былъ впоследствии особенно дружественно близокъ съ Павл. Ив. Горскимъ-Платоновымъ, съ которымъ вмѣстѣ поступилъ и въ Академію.

Академія. Когда отецъ мой въ 1854 г. поступилъ въ Московскую Дух. Академію, разница почувствовалась рѣзкая: „мы, какъ въ рай попали послѣ семинаріи“, выражался онъ. Кромѣ, конечно, новой постановки научнаго дѣла, рѣзкая перемена была и во внѣшней обстановкѣ, и въ столѣ. Эту похвалу академическому содержанію высказалъ разъ отецъ мой при митрополитѣ Сергіи, бывшемъ инспекторѣ Академіи за тѣ годы. „А вы, кажется, о протоіерей, были тогда недовольны“. съ нѣкоторымъ уколomъ замѣтилъ владыка.—„Ваше Высокопреосвященство“, отвѣчалъ отецъ: „мы не столомъ были не-

довольны, который въ Академіи былъ отличный, а будучи очередными по кухнѣ, вступались за совершавшееся на глазахъ нашихъ обмѣриваніе студенческихъ мисокъ положенными на кашу ложками масла, и под.—Академическую гречневую кашу отецъ мой вспоминалъ всю жизнь, говоря, что нигдѣ уже потомъ такой не пробовалъ.

Въ Академіи составился студенческій кружокъ по выискѣ журналовъ и текущей литературы, и отецъ завѣдывалъ распредѣленіемъ и обмѣномъ получавшихся книгъ между товарищами.

Воскресные и однодневные праздничные дни отецъ мой проводилъ въ тѣсно дружественной, родственной ему по матери, семьѣ о. Михаила Ильича Звѣрева, священника Вознесенской церкви ¹⁾, преемника своего отца. Оба, какъ самъ о. Звѣревъ, такъ и жена его были прекрасные люди: Нат. Як. Звѣрева была замѣчательная женщина, обладавшая природнымъ умомъ, нравственно-серьезная, дѣльная, характера ровнаго и не терявшая своей природной веселости среди трудовъ довольно скуднаго вначалѣ хозяйства;—она умерла задолго до мужа своего. Старшимъ у нихъ былъ мальчикъ-сынъ, а всѣ три ихъ маленькія дочки считали себя невѣстами Александра Алексѣевича. „Бывало“, говорятъ онѣ, „придетъ онъ изъ академіи, а мы всѣ замазанныя: онъ заберетъ насъ подъ рукомойникъ и всѣхъ умоетъ;—и насъ нисколько не смущало, что мы заразъ всѣ три его невѣсты“. Когда впоследствии Ал. Ал. пріѣхалъ уже съ молодой женой, невѣсты его, которымъ было 8, 6 и 4 года, сильно обидѣлись и спрятались всѣ подъ кровать. Измѣнившій женихъ подошелъ къ нимъ: „Что же“, говоритъ, „кочергой мнѣ васъ что ли вытаскивать?“—а мы, рассказываютъ онѣ, ни съ мѣста,—очень ужъ обидѣлись.—Но передъ видомъ привезенныхъ имъ въ подарокъ Е. П. Лебедевой игрушечныхъ зайцевъ отвергнутыя невѣсты не устояли,—вылѣзли изъ-подъ кровати и тутъ же рѣшили, что молодая жена ихъ жениха очень добрая.

Съ товарищами въ Академіи у отца моего отношенія были

¹⁾ Бывшаго впоследствии протоіереемъ въ Москвѣ у Троицы на Грязяхъ на Покровкѣ, и скончавшагося послѣ 60-лѣтняго священнослуженія въ 1909-мъ году, проведя только нѣсколько мѣсяцевъ въ отставкѣ.

дружественныя, сердечныя,—„его любили“, какъ выражено въ одномъ товарищескомъ письмѣ, „за честность характера и благородное добродушіе“. Съ теченіемъ времени разобщенность жизни естественно стала ослаблять товарищескія связи: иные товарищи, какъ бывшій близкимъ Н. П. Крыловъ, умерли, другіе разошлись кто куда. Только то, что оставалось въ Академіи, поддерживалось до конца, подновляемое частыми поѣздками отца въ Москву,—такъ прежде всего дружественныя отношенія съ ближайшими товарищами— П. И. Горскимъ-Платоповымъ и Е. Е. Голубинскимъ.

Иногда жизнь вновь случайно сводила товарищей, и эти жизненныя встрѣчи бывали обыкновенно запечатлѣны самыми теплыми чувствами. Такъ въ 70-хъ годахъ гостилъ или жилъ въ Петроградѣ Руфианъ Павловичъ Ржаницынъ съ женою,—они бывали у насъ. Въ 75-мъ году въ Франценбадѣ лечился товарищъ отца Казанскій профессоръ М. Я. Красинъ;—это дало случай обновленію сердечныхъ товарищескихъ отношеній: М. Я. Красинъ на обратномъ пути пять дней гостилъ у отца въ Прагѣ и потомъ послалъ ему свою книгу съ надписью: „Его Высокопреподобію о. протоіерею Ал-ру Ал-чу Лебедеву, лучшему товарищу самыхъ лучшихъ лѣтъ жизни“. Свиданіе дало поводъ къ послѣдующей перепискѣ.

Въ 1885 г. пріѣзжалъ лѣтомъ въ Петроградъ, гостилъ у насъ и на дачѣ въ Финляндіи товарищъ отца А. П. Нарбековъ, преподаватель Тульской семинаріи (кажется, по французскому языку); отношенія у отца съ нимъ были самыя сердечныя, отразившіяся потомъ въ долгой перепискѣ.

Еще особенно близко жизненныя условія свели отца моего съ Протогеномъ Вонифатьевичемъ Кокшаровымъ, служившимъ въ Петроградѣ въ канцеляріи Оберъ-Прокурора начальникомъ отдѣленія. П. В. Кокшаровъ гостилъ у насъ даже и въ Прагѣ за-границей,—послѣ того какъ отецъ мой выручилъ его изъ какого-то лечебнаго заведенія подъ Вѣной, гдѣ больной чуть не извелся отъ разныхъ страховъ и сомнѣній, будучи жертвою не то эксплуатаціи, не то собственной своей больной мнительности.—Въ припоминаніяхъ академическаго житья-бытья отецъ мой любилъ пенять Пр-ву В-чу за двѣ вины его: первую, что тотъ въ Академіи, проходя черезъ ихъ номеръ, всякій разъ забывалъ запереть за собою двери, вторую такого рода: отцу моему изъ дому

въ Академію прислали какого-то деревенскаго гостинца вродѣ масла или домашнихъ лепешекъ; Кокшаровъ, Московскій баричъ, сынъ зажиточнаго Московскаго священника попросилъ подѣлиться съ нимъ гостинцемъ, обѣщая за это угостить его сардинками, которыя ему нѣрѣдко высылались изъ Москвы. Отецъ мой подѣлился съ нимъ, а тотъ сардинокъ не далъ. „Да пойдемъ ко мнѣ, я тебя угощу“, улыбался Пр. В.—„Нѣтъ, братъ! теперь у меня у самого есть!“ возражалъ отецъ.

Кромѣ своего курса Ал. Ал. имѣлъ дружественныя отношенія и съ курсомъ послѣдующимъ;—тамъ окончилъ курсъ третьимъ магистромъ очень любимый отцомъ родственникъ его Паревій Лук. Репловскій, бывшій потомъ діакономъ въ придворной церкви въ Штутгартѣ, затѣмъ доцентомъ Кіевской Дух. Академіи и несчастно скончавшійся въ 1870 г. Мать моя рассказывала, какъ П. Л., отправляясь за-границу, говорилъ отцу моему, скромному тогда приходскому діакону въ Петербургѣ: „Теперь мы васъ за уши вытянемъ“. Но жизнь явила обратное.—Безвременно, кажется, сошелъ со сцены и первенецъ курса П. М. Хупотскій, человекъ, какъ пришлось слышать, очень симпатичнаго душевнаго облика. Въ обоихъ случаяхъ въ гибели талантовъ главнымъ образомъ замѣшано было вино.—Изъ цвѣта этого курса съ достоинствомъ прошелъ свое служеніе протоіерей Ал. Мих. Ивановъ-Платоновъ;—отецъ мой уважалъ и самого его лично, и цѣнилъ печатные труды его; помню, какъ онъ выразился о сборникѣ его проповѣдей, что онъ „съ помазаніемъ“. Они временами переписывались.

Изъ предыдущаго академическаго курса у отца до конца были самыя дружественныя сношенія съ Ив. Алекс. Ненарокомовымъ,—несмотря на возраставшее вліятельное положеніе послѣдняго до директора Канцеляріи Оберъ-Прокурора; мнѣ помнятся только какіе-то разговоры съ сожалѣніемъ, что женитьба Ив. Ал-ча на важной генеральской дочкѣ нарушила близость семейнаго отношенія.

Ал. Ал. окончилъ курсъ кандидатомъ въ 1858 г. и впоследствии уже печатными трудами своими приобрѣлъ магистерство.—Учился онъ въ Филаретовское время и, конечно, великая личность митрополита Московскаго не могла не оставить въ немъ яркаго впечатлѣнія. Отмѣчая и тѣневныя

стороны величаваго облика Московскаго святителя,—какъ-то большую его властность, часто подавляющую то, что стояло около, и въ умственномъ, и въ служебномъ отношеніи,—отецъ мой тѣмъ не менѣе высоко цѣнилъ и свято чтилъ его имя и память, называя его на первомъ мѣстѣ въ числѣ лицъ, которымъ обязанъ своимъ богословскимъ развитіемъ и направленіемъ, и бывая въ Лаврѣ, никогда не опускалъ поклониться съ благоговѣніемъ его гробницѣ и служилъ надъ нею панихиды.

Съ академическими наставниками своими и вообще со всею родною Академіей отецъ поддерживалъ постоянныя живыя сношенія. Особенно живы они были въ первые 15—16 лѣтъ по окончаніи курса, когда отецъ мой чуть не ежегодно ѣздилъ съ семьей на лѣто къ отцу своему въ Хотьковъ. Хотьковскіе наши родные даже ревновали насъ къ Сергіевскому посаду, куда мы часто уѣзжали отъ нихъ въ родной домъ о. Звѣрева; а тамъ отецъ проводилъ много времени въ родной академической средѣ. Съ ранняго дѣтства слышала я въ семьѣ нашей окруженныя ореоломъ благоговѣйнаго почитанія имена прот. Ѳ. А. Голубинскаго, прот. П. С. Делицына, прот. А. В. Горскаго.—Очень чтилъ отецъ мой проф. Викт. Дм. Кудрявцева, и тотъ отвѣчалъ ему самымъ дружественнымъ расположеніемъ; Викт. Дм. пріѣзжалъ даже въ Хотьковъ, а въ 80-ые уже годы, помню, былъ у насъ въ Петроградѣ.

Тѣсныя дружественныя отношенія лично и семейно соединяли отца моего съ проф. Александромъ Ѳед. Лавровымъ. А. Ѳ. Лавровъ, слышала я рассказы, былъ съ самой молодости человѣкомъ очень благочестиво настроеннымъ и пажобянымъ, такъ что всѣ ждали, что онъ приметъ монашество, и вдругъ, къ удивленію всѣхъ, онъ изъ одной побывки на родинѣ въ Ярославлѣ, вернулся съ молодою женою. Марья Ник. Лаврова была очень красива и пріятна лицомъ; рассказывали, что наружность ея поразила даже Государя, увидѣвшаго ее въ церкви въ бытность свою въ Лаврѣ, и онъ спросилъ: „кто это?“ Настроеніемъ своимъ М. Ник. подходила къ мужу и жили они душа въ душу, имѣя единственную дочь. А. Ѳ., по душевному настроенію, хотѣлъ искать священства, и у нихъ уже, говорили, заготовлены были рясы. Но вышло иначе. Сначала у нихъ умерла

11-лѣтняя дочка ихъ Сашенька,—одинъ изъ сверстниковъ ея игръ, сынъ Ф. А. Сергіевскаго, подалъ ей напитокъ холоднаго квасу, и она схватила смертельный дифтеритъ. Горе родителей было велико, и они взяли потомъ на воспитаніе двухъ племянницъ Ал. Ѡ—ча, Мартыновыхъ, тоже Сашеньку и Анюту ¹⁾. Во второй половинѣ 70-хъ годовъ М. Ник. захворала,—говорили тогда, что при переѣздѣ на другую квартиру носильщики ушибли ее въ грудь угломъ шкапа; у нея сдѣлался ракъ, отъ котораго, кажется, она и скончалась, должно быть, въ 1877 г.; А. Ѡед. принялъ монашество.

Дружественныя отношенія его къ отцу моему не прекращались и послѣ его архіерейства: онъ принималъ насъ у себя на Саввинскомъ подворьѣ, когда мы проѣзжали Москвою; въ 80-хъ годахъ, когда онъ былъ на чередѣ въ Петроградѣ, личныя отношенія обновились. Помню я одинъ, очень для всѣхъ насъ пріятный семейный обѣдъ, когда приглашенъ былъ высокопреосвященный Алексій, а для сообщества ему — преосв. Антоній, тогда еще ректоръ Академіи, и инспекторъ архимандритъ (послѣ епископъ) Михаилъ Грибановскій; еще были прот. П. А. Смирновъ, настоятель Псаакіевскаго собора, товарищъ преосв. Алексія по Академіи, и Влад. Карл. Саблеръ. Отецъ мой, а также и мы бывали тоже у владыки Алексія на Ярославскомъ подворьѣ, гдѣ онъ жилъ и гдѣ гостили у него тогда его воспитанницы-племянницы. Въ 1889 г. отецъ мой съ матерью, возвращаясь съ заграничнаго леченія, заѣзжали къ нему въ Вильну, и онъ удивительно сердечно принималъ ихъ у себя на архіерейской дачѣ въ Триноплѣ и, прощаясь, проводилъ земнымъ поклономъ. Мать моя рассказываетъ, что разъ напомнили они ему свою просьбу поминать сестру мою, ихъ дочку Сашеньку, умершую у насъ тоже 11-ти лѣтъ и тоже отъ дифтерита; преосв. Алексій вмѣсто отвѣта вытянулъ изъ-за обшлага подрясника своего полоску папки съ записанными именами и показалъ среди нихъ имя нашей маленькой покойницы, сказавъ: „мнѣ всѣ Сашеньки дороги“.—Потомъ отецъ съ нами, двумя дочерьми, былъ въ Вильнѣ уже на погребеніи владыки въ 1890 г.

¹⁾ О нихъ см. въ „Академическихъ письмахъ А. В. Мартынова къ отцу“ („Б. В.“, 1915, Окт.—Нояб. Дек., стр. 277 сл.). *Ред.*

Задушевными были и отношенія отца съ Дмитріемъ Федоровичемъ Голубинскимъ: замѣтно было какое-то особенно любовное отношеніе воспитанника къ профессору своему и къ его предмету (физикѣ) въ нераздѣльной слитности; и такое отношеніе замѣчала я не у одного отца моего;—причиною, думается, было то, что предметъ, интересный самъ по себѣ, служилъ для молодыхъ душъ реакціей, на которой онѣ отдыхали послѣ духовно серьезныхъ, часто аскетическихъ предметовъ прочаго курса; съ другой же стороны и профессоръ, являвшій своему предмету беззавѣтную преданность, возбуждалъ этимъ, и всѣмъ своимъ нравственнымъ обликомъ, запечатлѣннымъ глубокою скромностію, общія симпатіи; приходилось слышать рассказы, какъ воспитанники подтрунивали иногда надъ нѣкоторою наивностію приемовъ преподаванія и ученыхъ симпатій и антипатій Дм. Ф.—ча, но и самые эти юмористическіе рассказы передавались съ любовью; въ отцовскомъ же отношеніи не звучало даже и этого юмора. Помню, какъ были мы въ Посадѣ въ 1883 г. и отецъ мой водилъ насъ въ Академическій физическій кабинетъ, гдѣ Дм. Ф. съ радушною готовностію показывалъ намъ физическіе приборы и заставлялъ свѣтиться гейсселевы трубки.

Поддерживая сношенія съ М. Академіей, отецъ мой входилъ тамъ въ новыя знакомства. Помню, какъ въ 90-хъ, должно быть, годахъ сидѣлъ у насъ за семейнымъ чайнымъ столомъ пріѣхавшій въ Петроградъ проф. Алексѣй Петр. Лебедевъ, и бесѣдовалъ съ отцомъ, какъ уже близкій знакомый.

Въ 1882 г. отецъ мой вѣдилъ въ Академію для полученія магистерской степени за сочиненіе свое о латинскомъ догматѣ Непорочнаго Зачатія. Въ 1892 г. были мы—я и сестра моя—съ отцомъ на 500-лѣтніи памяти преп. Сергія и сидѣли на торжественномъ актѣ въ Академіи, гдѣ всѣ, кажется, профессора здоровались съ отцомъ, какъ съ знакомымъ. Въ послѣдній разъ отецъ мой посѣтилъ Академію въ нашу поѣздку въ 1896 г.

Женитьба. Оканчивая курсъ, Ал. Ал. не располагалъ принимать на себя священный санъ. Но вышло иначе. Въ іюлѣ 1858-го г. скончался отъ холеры въ Петроградѣ діаконъ Екатерининской, что въ Екатерингофѣ, церкви Петръ Павловичъ Свѣязевъ, оставивъ послѣ себя безъ средствъ семью—

вдову съ троици дѣтьми, изъ которыхъ только старшая дочь была взрослая—21-го года;—бабушка рассказывала мнѣ потомъ, что осталась она съ 5-ю рублями въ карманѣ. Какъ водилось въ тѣ времена, вдовѣ позволено было приискать жениха къ дочери для замѣщенія должности покойнаго мужа. Супруга для молодой особы желали съ высшимъ образованіемъ; въ Петербургской Академіи годъ былъ не выпускной, и рѣшено было обратиться въ Академію Московскую. Съ этимъ дѣломъ поѣхалъ въ Москву дядя невѣсты К. П. Петровъ. Собираясь въ путь, дядя, самъ еще молодой и большой шутникъ, спросилъ у невѣсты, какого она жениха хочетъ. Невѣста предъявила очень скромныя требованія: чтобъ былъ высокій и не рыжий.—Но въ Московской Академіи оказалось, что всѣ воспитанники уже разѣхались, и искателю указанъ былъ адресъ одного А. А. Лебедева, какъ жившаго по близости,—въ Хотьковѣ.

Одновременно съ этимъ одинъ родственникъ невѣсты протоіерей С. А. Галаховъ обратился въ Москву письменно съ тѣмъ же дѣломъ къ знакомому своему священнику Ансерову, братъ же послѣдняго былъ женатъ на родной сестрѣ отца моего. И вышло такъ, что предложеніе мѣста и брака пришло къ отцу моему одновременно и совершенно независимо съ двухъ сторонъ—письменно отъ зятя изъ Москвы и лично отъ Петроградскаго свата черезъ Академію; отецъ, всегда и послѣ старавшійся въ событіяхъ жизни усматривать Промыслъ Божій, принялъ это совпаденіе за Божіе указаніе и поѣхалъ въ Петроградъ. Фотографической карточки у невѣсты не было, — распространеніе фотографіи только начиналось, — но былъ небольшой масляный портретъ какого-то доморощеннаго любителя, который хотѣли было дать свату;—отецъ мой, смѣясь, говорилъ потомъ, что если бы ему показали его, бнѣ низачто бы не поѣхалъ.

На послѣдней станціи передъ Петроградомъ, невѣста встрѣтилась въ поѣздѣ съ дядей;—она возвращалась съ богомолья отъ свят. Николая Чудотворца въ Колпинѣ и, конечно, догадалась, кто этотъ „случайно встрѣтившійся“ молодой человекъ, котораго ей дядя представилъ.

Невѣста была пріятна и миловидна лицомъ, достаточно хорошо по тому времени образована (въ одномъ французскомъ пансіонѣ),—и дѣло поступленія Ал. Ал.—ча на мѣсто

покойнаго тестя состоялось ¹⁾.—Если онъ принималъ этотъ бракъ съ мыслию объ указаніи Промысла Божія, то и невѣста выходила за чужого человѣка подѣ впечатлѣніемъ семейнаго горя,—она очень любила своего отца, человѣка добрѣйшаго и баловавшаго ее;—для этого брака ей сверхъ того пришлось разстаться съ нѣкоторыми личными, только что начинавшими намѣчаться симпатіями.

И бракъ этотъ былъ счастливъ;—у меня изъ дѣтства отъ жизни родителей моихъ сохранился въ представленіи идеаль тихой и свѣтлой семейственности и взаимной супружеской любви. Однако позднѣе изъ немногихъ намековъ пришлось узнать, что это семейное счастье далось все же не сразу: двумъ людямъ, не связаннымъ поначалу никакимъ чувствомъ, все же пришлось сживаться другъ съ другомъ съ извѣстными усиліями. Мать моя говорила потомъ, что супружескимъ своимъ счастьемъ, она считаетъ себя обязанною наставленіямъ архимандрита Феодора Бухарева, съ которыми они тогда, на первыхъ же порахъ, познакомились и у котораго она была на исповѣди. Отецъ же мой разъ высказался, что ему тяжело было отъ постоянно заявлявшихся передъ нимъ правилъ „бонтонности“ и „комильфотности“;—вѣроятно, въ семьѣ была нѣкоторая гордость внѣшнимъ лоскомъ свѣтскаго воспитанія, желавшаго дать почувствовать свое превосходство;—бабушка моя была медальщицей Смольнаго Института, превосходно владѣла французскимъ и нѣмецкимъ языками, такъ что во вдовствѣ открыла пансіонъ; я знала ее уже удрученною жизненными испытаніями и любила, и уважала въ ней уже совсѣмъ другой обликъ; но сама она сознавалась мнѣ, что въ молодости была гордою. Какъ бы-то ни было, только отецъ мой очень быстро

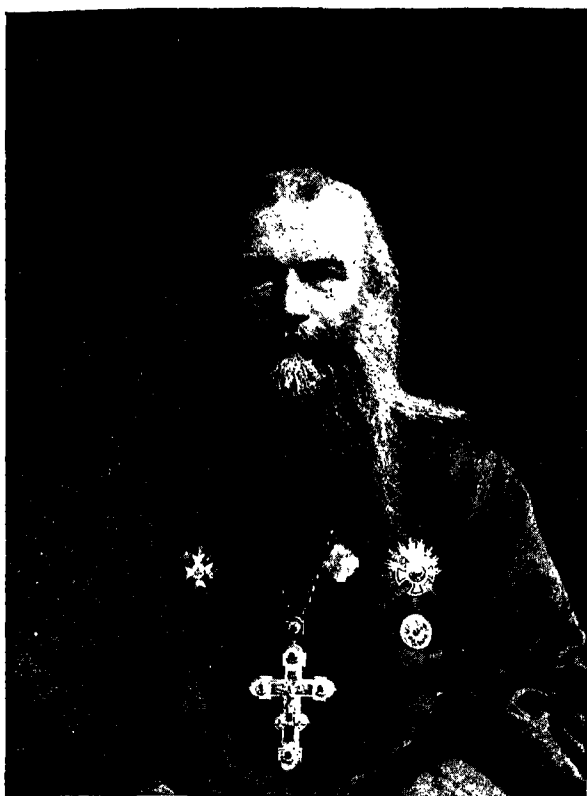
¹⁾ Отецъ моей матери былъ сыномъ протоіерея Павла Петровича Свизева при Владимірской въ Петроградѣ церкви; фамилія Свизевы указываетъ на возможные инородческіе элементы въ своемъ происхожденіи: моего двоюроднаго брата, мальчика, лежавшаго въ больницѣ, и короткоостриженнаго, какая-то дама-посѣтельница, проходя, обидѣла вопросомъ: „чы татаринъ?“ Дѣдъ моей матери по женской линіи о. Петръ Васильевичъ, священникъ съ селѣ Матоксѣ на границѣ Петроградской губерніи съ Финляндіей, происходилъ отъ кореннаго русскаго рода Вѣдлерскихъ іереевъ, супруга же его Александра Петровна происходила родомъ отъ скандинавскаго (или датскаго?) выходца при Петрѣ I—Бухватова, извѣстнаго въ исторіи подѣ именемъ „перваго солдата“.

вышелъ побѣдителемъ изъ этихъ семейныхъ треній: едва я начала сознавать себя въ дѣтствѣ, какъ уже нашла вокругъ себя совсѣмъ иное: отношеніе бабушки къ отцу моему носило уже оттѣнокъ какого-то благоговѣйнаго почитанія, и онъ платилъ ей свойственнымъ ему простосердечнымъ отношеніемъ родственной любви, уваженія и вниманія. Бабушка сама мнѣ рассказывала, какъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ея вдовства одинъ родственникъ спросилъ ее: „Чѣмъ-то вы теперь будете гордиться, Надежда Петровна?“ А я, говорить, отвѣтила ему: „Зятьями!“¹⁾

21-го сентября была свадьба. На нее пріѣхали изъ Хотькова родители жениха,—глубоко почтенный отецъ Алексѣй Ивановичъ и матушка Пелагея Александровна. На свадебномъ пиру, который былъ скромнымъ изъ-за недавняго траура, гостей все же было много, и среди нихъ немало почетныхъ, такъ какъ покойный о. діаконъ былъ сыномъ столичнаго протоіерея о. Павла Свѣзева, служившаго при Владимирской церкви. Увидя, что для молодежи готовятся танцы, дѣдушка Алексѣй Ивановичъ, подойдя къ сыну, сказалъ: „Александръ! неужели ты будешь танцевать?!“—Но этого и не предполагалось: новобрачнаго заставили только пройти въ первой парѣ съ молодою супругою подъ музыку въ видѣ полонеза, чтобы этимъ открыть танцы для прочей молодежи.

Годы діакон- 5-го октября А. А. Лебедевъ рукоположенъ былъ
снаго служе- во діакона. Не смотря на то, что у отца моего не
нія. было требуемаго любителями діаконскаго баса (его
голосъ былъ высокій баритонъ),—прихожане полюбили новаго о. діакона: „не взялъ голосомъ, да взялъ обычаемъ“, выражались про него. Къ служенію своему онъ относился благоговѣйно: въ послѣдствіи, давая наставленія новопоставляемымъ діаконамъ, онъ убѣждалъ ихъ служить литургію всегда съ приготовленіемъ, чтобы за нею пріобщаться, указывая на собственный примѣръ.—За богослуженіями молодой о. діаконъ нерѣдко произносилъ составляемыя имъ проповѣди.

¹⁾ Второй зять бабушки П. П. Преображенскій тоже былъ глубоко почтеннымъ человѣкъ; онъ былъ преемникомъ отца сначала по діаконству, а потомъ въ Кронштадтѣ, гдѣ и скончался заслуженнымъ протоіереемъ 1905 г.



Ваше Превосвщенство! Простите, что
дурного Вас! - Скажите ему помя-
нуть, нашему писновоодителю, в ка-
кой подходящий дни и дома? -

Приветливый илю иБог,
машин

24 Сент. 1897

Портрет и автограф
протоіерея Александра Алексѣевича Лебедева.

Служба въ церкви была ежедневная, діаконовъ былъ одинъ. Было у отца еще нѣсколько уроковъ Закона Божія, унаслѣдованныхъ отъ покойнаго тестя; остальное же свободное время онъ сталъ посвящать любимымъ имъ литературнымъ занятіямъ. За эти годы было помѣщено нѣсколько статей его въ Странникъ (начавшемся въ 1860-мъ году), и еще онъ участвовалъ въ изданіи Духа Христіанина, гдѣ велъ отдѣлъ критики и библіографіи; по письмамъ къ товарищамъ за это время видно, какъ онъ старался привлекать въ журналъ статьи и сотрудниковъ.

Къ этому времени относится начало знакомства отца моего съ архимандритомъ Θεодоромъ Бухаревымъ, имѣвшимъ громадное вліяніе на выработку богословскихъ и духовно-нравственныхъ взглядовъ у молодого о. діакона. Отецъ мой послѣ м. Филарета называлъ о. Θεодора въ ряду своихъ учителей и иногда выражался про людей, усвоившихъ идеи послѣдняго,— „бухареvцы“, „теодоровцы“,—разумѣя и себя въ числѣ ихъ.

Въ Московской Академіи отецъ мой не засталъ уже лекцій о. Θεодора,—послѣдній какъ разъ предъ поступленіемъ туда отца былъ переведенъ въ Казанскую Академію,—но тамъ еще жила слава его. Съ 1858 г. о. Θεодоръ находился уже въ Петроградѣ, переведенный туда изъ Казанской Академіи цензоромъ. Ал. Ал. не упустилъ случая познакомиться съ столь извѣстнымъ бывшимъ профессоромъ своей Академіи;—случай этотъ представился черезъ протоіерея В. В. Гречулевича, редактора-основателя журнала „Странникъ“, бывшаго въ свойствѣ и близости съ новой петроградской родней отца моего.—Изъ предѣловъ отдаленной Екатеринбургской окраины хаживали пѣшкомъ въ Александрo-Невскую Лавру молодые о. діаконовъ съ женой и ходили часто, потому что духовная связь установилась быстро, чтобы продолжаться уже до кончины А. М. Бухарева;—я, такъ сказать, съ пеленъ выросла въ атмосферѣ почитанія родителями моими этой свѣтлой личности.—Молодая хозяйка носила глубоко-чтимоу духовноу отцу скромныя гостипны своего издѣлія; но у непрактичнаго о. архимандрита, пребывавшаго въ сферѣ духовныхъ интересовъ, не долго удерживалось приносимое.

¹⁾ Въ „Бог. Вѣст.“ напечатаны письма послѣдвяго къ о. А. А. Лебедеву (1915 г. Октябрь—Ноябрь).

Съ огорченіемъ вспоминала мать моя, какъ къ нему ходило одно семейство тоже его почитателей, и гостя, мать семейства, безцеремонно распоряжалась шкафомъ хозяина, а дѣти скушивали варенье, со всѣмъ усердіемъ принесенное матерью моею для личнаго употребленія уважаемаго наставника.— Посѣщенія эти проводились въ духовныхъ бесѣдахъ о. Θεодора, увлекавшихъ и вдохновлявшихъ слушателей; — мать моя говорила, что насколько труденъ слогъ писаній о. Θεодора, настолько доступны были его устныя бесѣды,—малодѣтя могло понять ихъ.—Архим. Θεодоръ съ своей стороны тоже посѣщалъ Екатеринбургскаго о. діакона.

Исторія этихъ петроградскихъ лѣтъ о. Θεодора,—его столкновение съ редакторомъ Домашней Бесѣды В. И. Аскоченскимъ—обстоятельно и ярко изложена въ печати въ статьѣ проф. П. В. Знаменскаго „Богословская полемика 60-хъ годовъ“ (Правосл. Собесѣдникъ 1902 г.),—равно какъ и участіе въ ней моего отца съ его книжкой „Приемы, знаніе и безпристрастіе редактора Дом. Бесѣды В. И. Аскоченскаго“. Прибавлю только, что отецъ мой и самъ чуть не пострадалъ по службѣ въ связи съ этой исторіей. Про отца моего донесли митрополиту Исидору, что онъ сказалъ будто бы: „остригу бороду и пойду въ театръ“. Помню имя Суровцева, называвшееся въ связи съ этимъ ¹⁾; это былъ ревнитель въ духѣ редактора Домашней Бесѣды;—кажется, именно онъ и принесъ Митрополиту этотъ навѣтъ. Отецъ мой про людей такого направленія говаривалъ: „Избави Богъ отъ этихъ „христіолюбцевъ““.—Замѣчу кстати, что отецъ мой не болѣе 3—4 разъ былъ въ театрѣ,—женихомъ ему удалось быть съ невѣстой на Ревизорѣ въ прекрасномъ исполненіи (едва ли не Самойлова) и еще на какой-то плохой пьесѣ, а въ бытность свою студентомъ Академіи, попалъ онъ на балетъ „Эмеральда“, о которомъ вспоминалъ съ улыбкой, отмахиваясь, а мать моя поддразнивала его.

Митрополитъ Исидоръ отнесся къ навѣту серьезно,—призывалъ настоятеля церкви о. Николая Фасанова и спрашивалъ о проповѣдяхъ и о личности діакона Лебедева. О. Фа-

¹⁾ По словамъ А. С. Вухаревой, этотъ Суровцевъ много доставилъ не-пріятностей о. Θεодору, она же знала его, какъ знакомаго дяди своего Θεодос. Ив. Радышевскаго, служившаго въ Петербургѣ.

сановъ, всегда и потомъ любившій моего отца, далъ наилучшій отзывъ; его единодушно подтвердилъ и мѣстный благочинный, да едва ли Митрополитъ не потребовалъ и самыя проповѣди на собственный просмотръ.—Это раскрытіе напраслины какъ-то разъ навсегда расположило м. Исидора въ пользу отца моего, и митрополитъ оставался до конца неизмѣнно отечески къ нему благосклоненъ.

Архим. Ѳеодоръ, какъ извѣстно, подвергся опалѣ;—его хотѣли, силою монашескаго послушанія, просто заставить замолчать. Между тѣмъ его основная идея была—необходимость проведенія христіанства во всю нашу жизнь,—личную, семейную, общественную и народную,—во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ; онъ *не могъ* молчать о томъ, настаивать на чемъ благовременно и безвременно онъ считалъ своимъ нравственнымъ и духовнымъ долгомъ. Онъ рѣшилъ сложить монашество; сложивъ же его, онъ, для проповѣданія этой своей основной идеи, желалъ тѣснѣе и ближе войти въ мірскую среду и ея условія,—отчужденіемъ отъ Христа обрекаемая нами на язычество,—а потому говорилъ, что „если сложу санъ, то и женюсь“.

Въ 1861 г. онъ былъ посланъ на жительство въ Никитскій монастырь въ г. Переяславль-Залѣсскомъ; а въ 1863 г. отецъ мой съ матерью ѣздилъ уговаривать его не снимать сана. Мать моя рассказывала, что о. Ѳеодоръ, слушая, молчалъ, а прощаясь съ ними, плакалъ и далеко, до самой часовни, что въ верстѣ отъ монастыря, провожалъ ихъ, и все не могли проститься. Конечно, онъ видѣлъ, что близкіе люди, друзья не понимаютъ его, и для его любви къ нимъ это было особенно тяжело. Уже только впоследствии, когда смерть запечатлѣла своею завершительною печатью его жизненное дѣло,—оно открылось ихъ глазамъ, какъ одно цѣлое съ его идеей.

Годы въ Отецъ мой естественно смотрѣлъ на свой діакон-Кронштадтскій санъ, какъ на переходную ступень къ священству; только мечты его по части священническаго мѣста были очень скромныя. Но вотъ весною 1864 г. его призвалъ митрополитъ Исидоръ и сказалъ, что желаетъ назначить его законоучителемъ въ Кронштадтское Штурманское (позднѣе Морское Техническое, еще позднѣе Морское Инженерное) Училище. Отецъ мой отвѣчалъ, что не можетъ бросить тещу съ

семьей: митрополитъ, освѣдомясь о лѣтахъ свояченицы, которой былъ уже 18-ый годъ, обѣщалъ, если отецъ мой поидетъ въ Кронштадтъ, устроить сироту на томъ же отцовскомъ мѣстѣ. Такъ это и состоялось—кандидатомъ представленъ былъ давно ходившій въ домъ студентъ Петроградской Дух. Академіи П. П. Преображенскій, и митрополитъ даже разрѣшилъ ему принять санъ еще студентомъ, съ тѣмъ чтобы ему потомъ оканчивать свой курсъ, (проходимый имъ въ первомъ разрядѣ), а за себя нанимать замѣстителя.—3-го мая 1864 г. отецъ мой былъ посвященъ во священника.

Замѣщеніе должности священника и законоучителя въ Штурманскомъ Училищѣ, принадлежавшемъ къ числу высшихъ учебныхъ заведеній, имѣло въ глазахъ начальства особенное значеніе: тамъ требовалось общее обновленіе,—заведеніе, застоялось и содержало въ себѣ нездоровую закваску засидѣвшихъ чуть не по десяти лѣтъ, неуспѣшныхъ молодыхъ людей, уже бородатыхъ и внушительной зрѣлости. Чуть ли не одновременно или немного ранѣе туда назначенъ былъ и новый начальникъ, сравнительно еще молодой и энергичный адмиралъ¹⁾ А. И. Зеленой. У него, говорили, былъ свой кандидатъ на эту должность, и потому онъ встрѣтилъ моего отца не очень сочувственно; но былъ онъ человѣкъ прямого, благороднаго характера, человѣкъ стариннаго склада, русскій, вѣрующій, православный и, познакомившись съ отцомъ моимъ, сошелся съ нимъ, такъ что наилучшія отношенія сохранились не только за все время совмѣстной службы, но и потомъ;—А. И. Зеленой съ супругой и младшими сыномъ и дочерью посѣтили насъ даже за-границей, а затѣмъ дружественное знакомство возобновилось въ Петроградѣ.

Для служенія отца моего на повомъ мѣстѣ характеренъ слышанный мною отъ матери эпизодъ изъ первой поры его тамъ дѣятельности. Въ Училищѣ случились безпорядки: воспитанники, недовольные столомъ, произвели шумъ на эконома, бросали, кажется, тарелками, а одинъ бросилъ и ножомъ. Законы военноучебнаго заведенія строги,—молодой человѣкъ посаженъ былъ подъ арестъ, и судьба его, вѣроятно, была бы печальною. Но отецъ мой попросилъ его себѣ

¹⁾ Вѣроятно, полного адмирала онъ тогда еще не имѣлъ.

у начальника для увѣщанія. Молодого человѣка привели на квартиру священника подѣ конвоемъ каптенармуса, и тотъ долженъ былъ оставаться при опасномъ арестантѣ. Но отецъ мой немедленно отпустилъ служителя и принялъ молодого человѣка, какъ гостя;—день былъ воскресный, у матери моей испеченъ былъ пирогъ съ морковью, гостя посадили за столъ, и гостепріимная хозяйка усердно угощала его всѣмъ праздничнымъ учрежденіемъ. Отецъ мой разговаривалъ съ молодымъ человѣкомъ просто, на разныя темы, нисколько не касаясь прискорбнаго событія, и тотъ, вернувшись, немедленно принесъ раскаяніе и извиненіе, передъ кѣмъ было нужно. Этимъ была покончена и вся исторія.

Вообще корпорація заведенія была дружная;—мѣсто этого училища представляетъ собою островъ, обведенный съ трехъ сторонъ каналами, а четвертой примыкающей уже къ заливу гавани; большинство воспитателей и преподавателей (если не всѣ) имѣли квартиры въ стѣнахъ заведенія и сплотились въ тѣсную семью. Простота отношеній была большая. Помню, какъ разъ начальникъ пришелъ къ отцу моему въ формѣ, по дѣлу; а отецъ въ единственной изъ трехъ нашихъ комнатъ просторной, гостиной, въ подрясникѣ и косичкахъ, на коврѣ съ маленькими дѣтьми,—со мною трехлѣтней и съ моей годовой сестренкой,—строилъ на полу изъ деревянныхъ чурочекъ узорныя и высокія башни, которыя мы, дѣти, потомъ съ восторгомъ разрушали;—кромѣ няни, прислуга была только одна, на кухнѣ, ни о какомъ докладѣ не было и помину.

Были и комическіе эпизоды изъ области этой простоты. Взяли родители мои въ прислуги молоденькую дочь одного изъ училищныхъ служителей, только что взятую изъ деревни, корелку, плохо говорившую по-русски. Разъ отецъ мой послалъ ее сходить за дьячкомъ,—дьячокъ былъ изъ простыхъ и жилъ въ казармахъ. Прислуга вернулась и доложила, что самого дьячка нѣтъ дома, а жена обѣщала, что придетъ. Черезъ нѣсколько времени является преподаватель Училища офицеръ П. А. Дьячковъ въ полной формѣ. Отецъ мой съ недоумѣніемъ встрѣчаетъ его, а тотъ въ свою очередь спрашиваетъ его: „Что, батюшка, вамъ отъ меня было угодно?“ — Оказывается, прислуга наша пришла къ нимъ и строго наказала его женѣ: „Смотри: какъ придетъ

домой, батюшка велѣлъ, чтобъ сейчасъ же пришелъ“. — Можно себя представить, какъ неловко было отцу моему; но доброе отношеніе сослуживца безъ остатка покрыло недо-разумѣніе.

Подобный же случай былъ у той же прислуги съ о. благочиннымъ, соборнымъ протоіереемъ о. П. Трачевскимъ. Онъ пришелъ разъ по дѣлу; отецъ былъ въ классахъ на урокъ, мать моя, бывшая стѣснительною и довольно нелюдиною, заперлась у себя, а стиравшая на кухнѣ та же Ирина съ мыльными руками загородила входъ изъ прихожей, заявляя, что никого нѣтъ дома. Тщетно о. благочинный убѣждалъ ее пустить въ кабинетъ только положить принесенный указъ, — придверница была неумолима. Онъ вышелъ было, и опять вернулся, — и вотъ мать моя слышитъ возгласъ: „А! ты опять туда ползла!“ — дѣвушка по чухонскому складу языка придавала мужскимъ словамъ окончанія гласныя и наоборотъ. Отцу и тутъ пришлось извиняться. Но по простотѣ и искренности жизни и характеровъ, всѣ эти исторіи, сами по себѣ непріятныя, никакихъ непріятныхъ послѣдствій не оставляли.

Простота жизни была такова, что отецъ мой, по совѣту врача, отъ застоевъ крови рубилъ дрова у нашего крыльца на огромномъ внутреннемъ дворѣ училища въ виду всѣхъ его обитателей. Мы держали куръ; мать на нѣкоторое время заводила корову. Жалованье отца было очень скромное — 800 р. въ годъ, — меньше діаконскихъ его доходовъ въ Петроградѣ, гдѣ онъ получалъ не менѣе 1000 руб. Но зато была дешева тогда и жизнь: прислуга прямо съ лодокъ на пристани приносила, случалось, за 10 коп. цѣлое ведро съ плавающими, трепещущими ершами; рябчики зимой продавались изъ первыхъ рукъ отъ 15—25 коп. за пару. — Благодаря этому мы жили въ довольствѣ, столъ былъ сытный и здоровый, но простой, безъ роскоши; посты у насъ соблюдались, — если не считать, что мнѣ, ребенку, и въ посты давалась урочная порція молока. Помню я, какъ въ домѣ начальника, куда я вначалѣ почти ежедневно, а потомъ по праздникамъ, ходила играть съ его дочерью, старшіе братья послѣдней забавлялись со мною пяти-шестилѣтнимъ ребенкомъ, и помню, спрашивали меня, что у насъ было за обѣдомъ. Дѣло было, должно быть, въ Великомъ посту. Я говорю: „рѣдька съ квасомъ“. Въ слѣдующій разъ опять

спрашиваютъ, а у насъ опять была рѣдка съ квасомъ,—отецъ это кушанье любилъ; молодежь смѣется. Я передала про эти разговоры дома, и мать бранила меня, зачѣмъ я рассказывала. — Лакомства у насъ были простыя, — яблоки, орѣхи, изюмъ, пастила и мармеладъ, мятныя пряники, — но и это все, за исключеніемъ яблокъ, подавалось только въ праздники при гостяхъ, а безъ времени я лакомствъ не видала; конфеты же появились на нашемъ гостинномъ столѣ впервые уже въ бытность нашу въ Петроградѣ, — и то во дни чрезвычайныхъ собраній.

Жизнь въ Кронштадтѣ была тихая, разнообразившаяся поѣздками нашими гостить въ Петроградъ къ бабушкѣ и дядѣ съ тетей, преемнику моего отца; ѣздили обыкновенно на Рождествѣ, на Масляной, — пріѣзжали и они къ намъ. Зимній путь былъ прямокомъ на лошадахъ въ кибиткѣ по морю, — по желѣзной дорогѣ на Ораніенбаумъ стали ѣздить ужъ на моей дѣтской памяти. — Остальное время мы жили довольно уединенно: отецъ былъ общителенъ, и у него еще сослуживцы бывали, мать же моя чуждалась знакомствъ и гостыбы и съ знакомыми дамами обмѣнивалась больше одними визитами. Впрочемъ внѣ училища у насъ было преемственно два знакомыхъ дома, — сперва одного доктора, потомъ одного священника — о. Іосифа Вас. Бѣлкина, — гдѣ бывала и мать моя.

Торжественно справлялся нами храмовой училищный праздникъ — Николинъ День 6-го декабря: изъ Петрограда пріѣзжалъ для служенія архимандритъ, — помню о. Макарія цензора, преемника о. Θεодора, бывшаго тоже въ дружескихъ съ отцомъ моимъ отношеніяхъ; затѣмъ архимандрита Геласія, тоже лично знакомаго съ отцомъ; — архимандритъ привозилъ съ собою и келейника; помню, какъ одинъ келейникъ помогалъ на кухнѣ; въ другіе разы приглашался длястряпни поваръ, а мать моя наканунѣ изготовляла миндальное и клюквенное сладкое. Застолье у насъ въ этотъ день было большое, — обѣдали начальство, сослуживцы, кажется, и мѣстныя городскія власти, бывшія у обѣдни.

Вечерніе досуги свои родители мои проводили въ тѣсномъ единеніи, — гуляли вдвоемъ и со мной, читали вмѣстѣ; въ самыя ранніе годы помню бумажки съ записями игры въ пикетъ, но потомъ это какъ-то прекратилось. Читали они

текущую литературу и читали много,—обыкновенно читала вслухъ мать моя, имѣвшая пріятную дикцію, а отецъ слушалъ, ходя по комнатѣ;—отецъ выписывалъ Русскій Вѣстникъ, Отечественныя Записки; выписано имъ было изданіе Стелловскаго—новѣйшіе тогда беллетристы: Достоевскій, Толстой, Крестовскій и др. въ первыхъ своихъ произведеніяхъ. Отецъ слѣдилъ и за теченіями научной мысли,—книжныя этажерки понемногу заполнялись тщательно переплетенными Боклемъ, Миллемъ, Дренеромъ, Исторіей литературы Шерра, Ульрици, Логикой Гегеля, и по естественнымъ наукамъ всѣми выходившими тогда популярными изданіями: Космосъ Бенера, Геологическія картины Коста, Тропическій Міръ Гартвича и под. и под. Конечно, къ ознакомленію съ естественнонаучнымъ вѣдѣніемъ должно было побуждать отца новое его положеніе, какъ законоучителя въ высшемъ учебномъ заведеніи и притомъ реалистическаго направленія; но отецъ мой и безотносительно питалъ живой интересъ къ знанію и наукѣ.

Удѣлялъ отецъ мой время и дѣтямъ, и я такъ любила своеобразныя забавы его изобрѣтенія: помню, какъ расплавлялъ онъ и лилъ для меня въ формочки накопленные обрывки оберточнаго или бутылочнаго свинцу;—разъ онъ влилъ его въ красивую глиняную формочку, въ которой застуживали кисель,—формочка лопнула, и отцу досталось отъ матери, такъ что мы съ нимъ съ виноватымъ видомъ ушли изъ кухни. Еще устраивалъ онъ любопытный насосъ изъ вымоченнаго рыбаго пузыря, складывалъ на шесткѣ костерокъ изъ лучинокъ и потомъ изъ насоса заливалъ разгорѣвшійся пожаръ. Помню и позднѣе,—какъ въ одно лѣто отецъ мой дѣлалъ фейерверки, приготовляя ихъ, кажется, изъ сѣры, селитры и угля; какъ сдѣлалъ мнѣ приведшую меня въ восторгъ деревянную мельницу. Нерѣдко вечеромъ, въ видѣ отдыха отъ писательства, которымъ занимался онъ, стоя, у своей конторки, носилъ онъ меня по темной гостиной, напѣвая иногда свѣтское—„Въ темномъ лѣсѣ“,—иногда духовное,—помню, любила я стихиры Пасхи: „Пасха красная“..

Отъ этихъ то лѣтъ жизни въ Кронштадтѣ у меня, ребенка, и составилъ идеаль свѣтлаго супружества и семейственности: осуществлялось то, въ чемъ наставлялъ о. Теодоръ Бухаревъ,—взаимообщеніе супруговъ въ духовныхъ интересахъ

и даже участіе жены въ дѣятельности мужа: помню, какъ отецъ поручилъ матери моей заняться съ вышеупомянутой дѣвушкой-прислугой для приготовленія ея къ первому говѣнію;—оказалось, что она, будучи православною, до 16 л. не говѣла,—у нихъ де въ деревнѣ считали, что до 16 лѣтъ нѣтъ грѣховъ. Возможно, что это было вліяніе сосѣдняго лютеранства съ его конфирмаціей.

Я не хочу всѣмъ этимъ сказать, чтобы семейная жизнь моихъ родителей протекала вовсе безъ столкновеній; но послѣднія были такъ ничтожны, что терялись въ общемъ свѣтломъ фонѣ взаимной привязанности супруговъ. Въ столкновеніяхъ родителей я бывало обыкновенно на сторонѣ отца: у матери характеръ былъ горячій, у отца ровный и уступчивый, и едва ли не руководился онъ библейскимъ Божиимъ повелѣніемъ Аврааму при одномъ случаѣ: „сдѣлай, какъ желаетъ Сарра“. — Но вотъ разъ отецъ мой, вернувшись, должно быть, усталый со службы въ праздникъ, вспылить, когда, разломивъ пирожокъ, нашелъ тамъ муху,—онъ отбросилъ отъ себя пирожокъ. Тутъ я чуть не въ единственный разъ встала на сторону матери.—дѣтское сердце почувствовало несправедливость гнѣва на непріятную, но все же случайность, такъ какъ хозяйство вообще велось у насъ тогда опрятно. Столкновение родителей быстро кончилось и было ими забыто; но я, шестилѣтній приблизительно ребенокъ, придя по обыкновенію, въ гости въ домъ Зеленыхъ, тамъ расплакалась отъ вынесеннаго дома впечатлѣнія и на разспросы гостепріимныхъ хозяевъ не могла удержать въ себѣ дѣтскаго горя. Изъ той силы впечатлѣнія, какую произвела эта ничтожная сценка, можно видѣть, насколько рѣдки и непривычны были для ребенка домашнія сцены.

Вліяніе о. Θεодора, въ это время уже А. М. Бухарева, продолжалось и теперь черезъ переписку. Когда, ужѣ послѣ смерти отца, перечитывала я письма А. М.—ча, меня поразило одно изъ нихъ¹⁾: въ 1866 г. мать моя ожидала прибавленія семейства; а какъ въ Кронштадтѣ пугали ходившей оспой, то она и рѣшила на время нездоровья уѣхать къ своимъ сестрѣ и матери въ Петроградъ; но тамъ ребенокъ, родившійся вполне благополучно, будучи уже 5-ти недѣль.

¹⁾ 63-е. „Бог. Вѣстн.“ 1915 г. Окт.—Дек.; стр. 516.

былъ покормленъ грудью теткой своей, у которой раньше была вѣтряная оспа,—и умеръ именно отъ оспы, отъ которой мать спасалась изъ Кронштадта. Оказывается, А. М. Бухаревъ изъ-далека своего совѣтовалъ тогда матери не уѣзжать, чтобы въ трудное время разрѣшенія не быть вдали отъ мужа,—и совѣтовалъ онъ это, конечно, по вѣрѣ въ духовную дѣйственность благодати брака,—но страхъ передъ оспой взялъ у матери верхъ.

А. М. Бухаревъ съ супругою своею Анной Сергѣевной прѣзжали къ намъ въ Кронштадтъ,—именно въ годъ прѣзда принцессы Дагмары (Государыни Императрицы Маріи Теодоровны), каковой всѣ и ходили тогда смотрѣть въ подозрную трубу на училищную вышку.—Время ихъ гостыбы проходило въ бесѣдахъ, длившихся за полночь, причемъ, помню, Анна Сергѣевна сидѣла на скамеечкѣ или на коврѣ у ногъ мужа. Содержаніе бесѣды я, по малому своему тогда возрасту, не помню, но впечатлѣніе отъ свѣтлой личности А. М.—ча, въ связи съ уваженіемъ, съ какимъ относились къ нему родители мои, осталось у меня глубокое, на всю жизнь. Это былъ уже не первый ихъ прѣздъ,—первый, котораго я не могла помнить, былъ вскорѣ по святини о. Теодоромъ сана—въ Петроградъ, еще въ бытность отца моего діакономъ.

Спрашивали у меня въ послѣдніе годы, вѣренъ ли рассказъ, будто о. Іоаннъ Кронштадтскій, при встрѣчѣ тогда съ А. М.—чемъ, поцѣловалъ у него руку?—Не могу этого сказать, потому что отъ отца моего слышать этого не приходилось. Но это совпадаетъ по впечатлѣнію, съ другимъ слышаннымъ мною про о. Іоанна рассказомъ, будто онъ, встрѣтивъ въ Казанскомъ соборѣ одного уважаемаго человѣка, снявшаго по личнымъ обстоятельствамъ діакоискій санъ, сказалъ ему: „здравствуй, отецъ діаконокъ!“

О. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ былъ не на много старше отца моего по академіи и по службѣ; онъ былъ близко и дружественно знакомъ съ отцомъ моимъ, заходилъ къ намъ по пути на свои уроки въ мужской гимназіи, бывшей рядомъ съ Штурманскимъ Училищемъ за мостомъ,—и мать моя даже угощала его иногда завтракомъ. Помню, я лежала разъ, кажется нездоровая, въ гостинной на диванѣ, а отецъ мой съ о. Іоанномъ ходили въ бесѣдѣ взадъ и впередъ по діагонали комнаты,—и мнѣ почему-то рисовалась среди нихъ

фигура ходящаго съ ними Христа Спасителя въ бѣломъ одѣяніи,—какъ рисуютъ Его иногда среди Эммаусскихъ путниковъ,—рисовалась, разумѣю, воображенію, а не глазамъ. Мать моя и тогда уже чтילה о. Іоанна, не имѣвшаго позднѣйшей извѣстности, и разъ, помню, была я больная, въ дѣтской моей кроваткѣ,—о. Іоаннъ, случайно зашедшій къ намъ, благословилъ меня и положилъ мнѣ руку на голову. По уходѣ его мать сказала отцу: „Теперь я спокойна, Катя выздоровѣетъ,—о. Іоаннъ благословилъ ее“. — О. Іоаннъ въ свою очередь сохранялъ къ намъ неизмѣнное благорасположеніе всегда и послѣ.

Кромѣ уроковъ въ Училищѣ по Закону Божію, отецъ мой взялъ и оказавшіеся свободными уроки по русской словесности. Имѣя вообще живые литературные интересы, онъ преподавалъ предметъ съ охотою и любовію. Проходя съ воспитанниками Гоголя, онъ, съ помощью и другихъ сослуживцевъ, организовалъ у нихъ постановку двухъ пьесъ,—„Женитьбы“ и „Тяжбы“, и, помню, какъ воспитанники являлись къ нему за руководствомъ съ своими ролями. Спектакль былъ исключительно семейный,—въ столовой залѣ училища собрались всѣ наставники съ семьями своими; былъ, конечно, и отецъ мой съ матерью и со мною.

Имѣлъ онъ въ Кронштадтѣ и еще уроки въ одномъ пансіонѣ, уроки въ Школѣ Торговаго Мореплаванія и, кажется, какія-то бесѣды съ матросами.

Въ 1865 г. издалъ онъ свою книгу „Святитель Тихонъ Задонскій“, а въ 1866 г. „Изложеніе православной Христовой вѣры въ бесѣдахъ“, по руководству святителя же Тихона, для общенароднаго употребленія.

Живое участіе принималъ отецъ мой въ учрежденіи въ зданіи училища дѣтской для г. Кронштадта библиотеки,—едва ли не было это по почину офицера-преподавателя училища Арт. Ив. Ризникова, автора небольшого томика дѣтскихъ повѣстей, съ которымъ отецъ мой былъ друженъ. При открытіи отецъ держалъ къ дѣтямъ вступительную бесѣду, очень мнѣ, помню, понравившуюся, кажется, и прочимъ маленькимъ слушателямъ. Бесѣды велись и потомъ, не только духовныя, но и по физикѣ съ опытами, и по ботаникѣ.

Въ 1869 г. (и едва ли не въ слѣдующемъ за нимъ, вторично) отецъ, по вольному соглашенію, плавалъ съ воспи-

танниками Морского Корпуса на прежнемъ фрегатѣ „Громобой“. Среди воспитанниковъ ѳзидилъ, великій князь Константинъ Константиновичъ, бывшій, должно-быть, если судить по фотографіи, лѣтъ 12-ти. Отецъ мой участвовалъ въ закладкѣ, а затѣмъ и освященіи Гангудскаго памятника-креста, въ честь побѣды Петра Великаго у этого мыса.—Мы съ матерью были у отца на фрегатѣ и видѣли его крошечную каюту. Помню, какъ разъ пронеслось извѣстіе, что Громобой разбился въ бурю у острова Готланда, и какъ безпокоилась мать, но слухъ оказался совершенно ложнымъ. — Морское плаваніе оказало, по убѣжденію родителей моихъ, благопріятное вліяніе на здоровье отца, раньше страдавшаго неправильностью пищеваренія; — онъ, кажется, по совѣту врача, пилъ по утрамъ натошакъ по стакану соленой морской воды.

Время лѣтнихъ наникулъ.— Кромѣ этого лѣта, проведеннаго семьей въ Кронштадтѣ, мы на лѣтніе мѣсяцы уѣзжали куда-нибудь. — Хотьковъ. — будь съ отцомъ, обыкновенно въ Хотьковъ, полныи поэзіи не только для меня, ребенка, но и для матери моей, — она говорила, что Хотьковъ затмилъ у нея даже дорогія воспоминанія дѣтства, любимую Матоксу, село на границѣ Финляндіи, гдѣ она гашивала по лѣтамъ у своихъ дѣда и бабушки.

Въ первый разъ отецъ мой повезъ молодую жену въ Хотьковъ къ родителямъ, кажется, въ 1860-мъ году. Тамъ для пріема столичной невѣстки пригласили даже повара изъ Москвы, и хозяйка-бабушка съ сжимавшимся сердцемъ смотрѣла, какъ поваръ десятками разбивалъ яйца, копившіяся изо дня въ день, и не щадя, изводилъ запасы собственными трудами сбитаго масла;—но все это приносилось въ жертву ради наилучшаго пріема молодой невѣстки. Между тѣмъ мать моя изъ родной Матоксы, гдѣ священствовалъ ея дѣдъ, вынесла вкусы ко всему неподдѣльно сельскому, къ простымъ деревенскимъ блюдамъ и припасамъ; она надѣялась найти это въ Хотьковѣ, и вдругъ тамъ оказалась поварская кухня. Дѣло это выяснилось очень быстро, и къ полному обоюдному удовольствію повара благополучно возвратили во свояси.

Вообще пріемъ молодой невѣстки былъ самый задушевный. Свекоръ встрѣтилъ ее сердечнымъ: „Здравствуй, дочь!“ и мать моя живо оцѣнила эту ласку. Отношенія со свекромъ такъ и оставались ничѣмъ не омраченными до конца. Дѣ-

душка, много горевавшій о прочихъ сыновьяхъ, губившихъ все здоровье и природныя способности слабостью къ вину, видѣль свою радость и гордость въ отцѣ моемъ и какъ-то однажды сказалъ матери моей: „спасибо тебѣ, дочь, что сберегла его!“—Конечно, отца моего сберегла и напряженность духовныхъ интересовъ, которыми онъ жилъ, но мать моя, сама выдавшая горе отъ вина въ родной своей средѣ, была дѣйствительно всегда заклятымъ врагомъ послѣдняго;—ее поразило въ Москвѣ, въ первую ихъ поѣздку, что вездѣ, куда они, молодые, ни являлись съ визитомъ, на столъ неизбѣжно подавали водку и селедку.

Но раньше, чѣмъ вполне увѣриться въ семейной обстановкѣ сына, дѣдушка Алексѣй Ивановичъ былъ однажды сильно напуганъ,—это было въ первые годы нашей жизни въ Кронштадтѣ. Въ Кронштадтѣ пріѣхала одна монахиня изъ Хотькова и пришла къ намъ, привезя, конечно, родственные поклоны. Отецъ мой и мать приняли ее съ радостью, какъ гостью изъ дорогихъ мѣстъ, и постарались угостить лучшимъ, что имѣли, — подано было на столъ ради гостыи и красное вино. Монахиня, вернувшись въ Хотьковъ, съ соболѣзнованіемъ сообщила родителямъ, что все бы хорошо, да вотъ красное вино не сходитъ со стола, пьютъ оба—и сынъ, и невѣстка. Дѣдушка Ал. Ив., настолько обезпокоился, что собрался въ дальній путь, взявъ съ собою младшую дочь-дѣвицу и зятя, мужа старшей дочери. Помню живо, удивленіе моихъ родителей, когда неожиданно мимо окна проѣхалъ на извозчикахъ дѣдушка со своими спутниками. Пріѣхавъ, онъ ничего не сказалъ, и только погостивъ и увѣрившись своими глазами, рассказалъ про причину пріѣзда. Монахиню, конечно, больше не принимали, и отецъ мой шутливо рассказывалъ это другимъ, посѣщавшимъ насъ, монахинямъ: вотъ вы, молъ, какія!

Съ женской половиной Хотьковского дома у матери моей бывали тренія, но въ общемъ незначительныя, — разъ, напримеръ, изъ-за привезенной или тамъ нанятой нами прислуги. А то бабушкѣ не нравилось, что я, безъ дозволенія матери, не принимала отъ нея никакого баловства, что мать не давала мнѣ больше одной чашки съ молокомъ чаю. Мать сравнивала отношенія къ ней съ отношеніемъ къ невѣсткѣ въ Семейной Хроникѣ Аксакова; но въ Хотьковѣ все это

было проще и не шло въ глубь; — такъ что не только мы всегда, но и всѣ наши петроградскіе родные и знакомые, прїѣзжавшіе въ Хотьковъ, встрѣчали безупречно-радушный прїемъ.

Въ гостепрїимномъ домѣ Ал. Ив-ча вообще бывало большое застолье, особенно, по словамъ матери, въ болѣе ранніе годы: тамъ кромѣ, членовъ собственной семьи, гащивало много молодежи изъ разныхъ концовъ многочисленнаго родства, тамъ устраивалась и судьба нѣкоторыхъ. Все это было весело и оживленно. На моей памяти былая молодежь начала уже смѣняться внучатами. Помню я, какъ мы, дѣти, сидѣли за послѣднимъ концомъ стола и ѣли изъ общей миски, а, на переднемъ концѣ, взрослымъ подавались тарелки. Раньше дѣдушки никто не садился, а онъ сначала прочитывалъ „Отче нашъ“. За взрослымъ концомъ у дѣдушки съ сыновьями велись серьезные разговоры. Помню одинъ споръ съ нимъ отца моего;—спорили объ ангелахъ: отецъ мой утверждалъ, что имъ присуща тѣлесность, дѣдушка оспаривалъ; я, помню, была тогда на сторонѣ дѣдушки и какъ бы удивлялась мнѣнію отца—только впоследствии поняла я отцовское воззрѣніе, прочла и у св. Макарія Великаго развиваемую ту же мысль, что одинъ Богъ есть чистый Духъ, все же сотворенное и самые ангелы обладаютъ извѣстной тѣлесностью ¹⁾.

Въ 1863 г. родители мои были въ Хотьковѣ уже со мною, но мнѣ не было еще и двухъ лѣтъ. Затѣмъ изъ 1865 года для меня уже выступаютъ отдѣльныя черты. Въ этомъ году мы были въ Лаврѣ въ прїѣздъ митрополита Филарета; мать моя, чтившая его, хотѣла подойти къ нему подѣ благословенія со мною и годовою моею сестрой. Довольно ярко врѣзалась въ моей памяти картина: отъ Троицкаго Собора до крыльца къ митрополичьимъ покоямъ тѣсными шпалерами стоитъ народъ; мы стали уже на лѣстницѣ;—не помню, какъ насъ съ матерью—благословилъ ли особо Владыка, но на крошку-сестренку мою на рукахъ у няни онъ обратилъ вниманіе, положивъ ея руку на головку, и какъ-то задумчиво взглянулъ на нее при проходѣ;—фигура и обликъ Митропо-

1) Непрїемлемость этого взгляда для многихъ основывается, думаю, на ождествленіи понятія тѣлесности съ представлеіемъ физической плътности или нашей матеріальности.

лита запечатлѣлись у меня, хотя мнѣ не исполнилось еще и четырехъ лѣтъ.—Въ концѣ лѣта сестренка моя захворала въ Хотьковѣ; ее привезли въ Посадъ лечить къ доктору Страхову; но онъ не помогъ ей, и малютку похоронили на Вознесенскомъ кладбищѣ въ могилу отцовыхъ малолѣтнихъ братьевъ и сестры. Помню, какъ убивалась мать и какъ отецъ посадилъ на могилкѣ четыре березы и тополь;—теперь это огромныя деревья, но уже не всѣ цѣлы.

Кромѣ поѣздокъ въ Хотьковъ съ обязательнымъ, конечно, заѣздомъ въ Москвѣ къ Кремлевскимъ святынямъ, мы и еще много путешествовали, отецъ мой любилъ это, и путешествія съ нимъ были какъ-то особенно поэтичны. — Кажется, въ 1866 г., мы по пути въ Хотьковъ, заѣзжали въ Новый Іерусалимъ и въ Звенигородъ. Ѣздили туда въ то время со станціи Крюково Николаевской жел. дороги, на линейкахъ съ продольнымъ боковымъ сидѣньемъ, очень неудобнымъ. Въ Звенигородѣ были мы у старшаго брата отца моего, дяди Петра Алексѣевича, бывшаго тамъ инспекторомъ или помощникомъ смотрителя;—онъ былъ горбатъ съ первыхъ дней своего существованія, такъ какъ былъ уроненъ нянькою;—онъ такъ и оставался одинокимъ. Человѣкъ онъ былъ прекрасной, благородной души, но слабость къ вину, хотя и не доходившая у него до прямого алкоголизма, все же постепенно вліяла на его здоровье,—онъ умеръ преждевременно послѣ бани ударомъ, доставивъ всѣмъ этимъ горе пережившему его дѣдушкѣ Ал. Ив-чу. Мы были у него потомъ еще разъ въ 1872-мъ, кажется, году.—отецъ мой съ младшимъ дядей моимъ и я съ одною родственницею, гостившею съ нами въ Хотьковѣ. Помню, какъ, не смотря на прозаичную обстановку холостой квартиры дяди П. А-ча, вѣяло поэзіей отъ ландышей, стоявшихъ у него на столѣ, и отъ его рассказовъ о лѣсныхъ птицахъ, которыхъ онъ зналъ и по виду, и по голосу; подъ его окномъ жили ласточки, чуть ли не влетая въ комнату, а за рамкой одной картины осы устроили гнѣздо, и онъ оставлялъ окно пріоткрытымъ, чтобы они могли свободно влетать.—Дядя П. А. прекрасно игралъ на гусяхъ, которыя стояли въ углу дѣдушкиной гостиной; всѣ мы бывало, слушали,—и я, хотя была ребенкомъ и не обладала музыкальностью, сохранила впечатлѣніе ни съ чѣмъ не сравнимаго наслажденія.

Въ 1867 г. мы ѣздили изъ Хотькова въ Ростовъ къ А. М. и А. С. Бухаревымъ. Желѣзной дороги туда еще не было, ѣхали отъ Троицы по шоссе; помню нашу повозку въ одну, кажется, лошадь и крестьянина-извозчика; мать моя тяготилась тряской ѣздой, и возчикъ нашъ захватилъ по пути съ одного поля связку свѣжей ржи и положилъ въ нашу повозку. Въ Ростовѣ смутно помню катанье по озеру съ нашими хозяевами.

Въ 1868-мъ, кажется, году мы были въ Хотьковѣ съ Петроградской моей бабушкой. Отношенія обѣихъ сватѣй были самыя дружественныя;—помню, какъ обѣ бабушки со мною на колѣняхъ ѣздили на одноколкѣ въ сосѣднюю деревню на пасѣвку, причемъ Хотьковская бабушка правила. Онѣ какъ-то пополняли другъ друга: Хотьковская бабушка не была образована, но обладала природнымъ умомъ и какимъ-то эпическимъ даромъ рѣчи; она съ степеннымъ достоинствомъ рассказывала и показывала все своей сватѣ, а Петроградская бабушка, выросшая въ институтскихъ стѣнахъ горожанкой, съ удовольствіемъ слушала все и спрашивала.

Бабушка моя оставалась одна гостить въ Хотьковѣ, пока родители со мною ѣздили къ святителю Тихону въ Задонскъ. Это богомолье было едва ли не по обѣщанію; во всякомъ случаѣ оно стояло въ связи съ изданнымъ въ предыдущіе годы сочиненіемъ отца моего объ этомъ новоявленномъ тогда святителѣ: до Воронежа мы ѣхали съ двумя неудобными пересадками по желѣзной дорогѣ, а оттуда до Задонска на перекладныхъ; изъ новыхъ впечатлѣній поразило насъ обиліе полевой клубники, которой намъ продали за 5 коп. цѣлое блюдо, и отецъ мой насыпалъ ее въ скуфейку.—Въ Воронежѣ отецъ съ нами былъ у мѣстнаго владыки,—кажется, епископа или архіепископа Θεодосія,—поившаго насъ чаемъ и при видѣ меня вспоминавшаго о своей дочкѣ, гдѣ-то учившейся. Въ Задонскѣ отецъ тоже заводилъ насъ къ какому-то монашествующему лицу.

Въ этомъ самомъ, должно быть, году мы были у А. М. Бухарева на ихъ московской въ то время квартирѣ. Но уже навѣрное въ этомъ году Александръ Матвѣевичъ съ Анной Сергѣевной и съ малюткой своей Сашенькой, проѣзжая изъ изъ Москвы, заѣзжали между поѣздами въ Хотьковъ;—помню положенную на постель крошку, кротко лежавшую съ ка-

кими-то глубокими задумчивыми синими глазками,—малютка умерла у нихъ позднѣе, 11-ми мѣсяцевъ. Осталось у меня впечатлѣніе какой-то тѣни, промелькнувшей между отцомъ моимъ и его родными по поводу прїѣзда Бухаревыхъ, особенно въ виду имѣвшейся малютки;—родные, кажется, и не выходили къ гостямъ. Но по письмамъ А. М-ча видно, что отецъ мой и мать повидались потомъ съ нимъ, какъ слѣдуетъ, уже въ Лаврѣ.

Служба въ 1-й Осенью 1870 г. отецъ мой вернулся изъ Петро-
гимназіи въ града съ законоучительскаго (или епархіальнаго) Петроградѣ съѣзда съ извѣстіемъ объ открывшемся со смертію законоучителя о. Орлова мѣстѣ въ 1-й Гимназіи, что у Пяти Угловъ. Онъ подалъ туда прошеніе и былъ утвержденъ. Здѣсь прослужилъ онъ неполныхъ четыре года и, въ связи съ новой законоучительской дѣятельностью, составилъ свой учебникъ по Исторіи Церкви, выдержавшій при немъ два изданія.

Послѣ ухода отца моего изъ 1-й Гимназіи, въ Гражданинѣ того времени ¹⁾ помѣщено было письмо одной матери, характеризующее обликъ отца моего на его новой дѣятельности.

„Я со страхомъ“, пишетъ она, „думала, каковъ-то будетъ законоучитель въ гимназіи? Между экзаменомъ и днемъ поступленія (сына) пришелся праздникъ. Я пошла въ гимназическую церковь и была поражена представительною и почтенною внѣшностью законоучителя, которая не послѣднее дѣло для педагога...—Счастливою случайностью, содержаніе было въ полной гармоніи съ формой. Такого умнаго такта, такой мягкой гуманности трудно встрѣтить у другихъ! Не останавливаясь на голословныхъ похвалахъ, приведу въ примѣръ нѣсколько случаевъ и отзывовъ учениковъ. „Батюшка“, говорили они, „это каменная гора. Нашалимъ, прибѣжимъ къ нему, онъ разсудитъ, пожуритъ, но никогда, никогда не выдастъ“. Когда кто не выучитъ урока, онъ не придирается, не кричитъ, какъ другіе. Онъ вовсе не ставитъ балла и говоритъ: „Ты не могъ выучить, или не подумалъ, какъ не хорошо не знать урока закона Божія? Я увѣренъ, что этого не будетъ въ другой разъ“. И не бывало. У него учились прекрасно.

¹⁾ 1874 г. № 41.

Учитель, можетъ быть нечаянно, сдѣлалъ несправедливость! Учитель нелюбимъ за разныя странности и особенности, подмѣчать которыя дѣти мастера. Ученикъ, побойчѣе другихъ, устроилъ ему *каверзу*; выпачкалъ стулъ мѣломъ, или накидалъ бумажекъ въ его шляпу, или что-то въ этомъ родѣ. Учитель поднялъ цѣлую исторію. Мой сынъ возвратился взволнованный:—завтра весь классъ будетъ наказанъ, если не найдутъ виноватаго.—Что же вы рѣшили?—Конечно, товарища не выдавать, хотя онъ дрянъ. Мы рѣшили посоветоваться съ батюшкой“. И всѣмъ классомъ обратились къ батюшкѣ.—Разсказали они ему не только эту проказу, но все, что думали объ учителѣ, все, что накопилось досады и злости въ молодыхъ сердцахъ, и высказали горячо, со слезами, приговаривая: „Только не говорите никому, батюшка!“ О. Лебедевъ все выслушалъ, все выспросилъ, все понялъ, строго выговорилъ, убѣдилъ ихъ въ полной ихъ виновности, виновности всего класса, отвѣчающаго за такія выходы отдѣльнаго своего члена, и рѣшилъ, что весь классъ долженъ подчиниться наказанію безропотно, напомнивъ имъ заповѣдь Блаженствъ. Они не только вынесли назначенное наказаніе, но еще извинились передъ учителемъ, опять-таки по совѣту батюшки. „Чтите вашихъ наставниковъ“, сказалъ онъ, и задушевно сказанное слово попало прямо на мягкія, впечатлительныя сердца и принесло плодъ.

„Учитель-педаггъ, задавая уроки не по силамъ большинству класса, выходилъ изъ себя, сыпя нулями. Наконецъ мѣра терпѣнія была превзойдена, что дѣлать? Идти къ батюшкѣ. Это естественное прибѣжище во всѣхъ скорбяхъ. Приходитъ батюшка въ классъ, его окружаетъ толпа взволнованныхъ мальчиковъ, говорятъ, что требованія учителя чрезмѣрны, что выполнить ихъ могутъ только четыре или пять человекъ изъ всего класса, хорошо приготовленныхъ дома и проходившихъ дальше и больше обязательной программы,... говорятъ, что и знающіе ученики не сдѣлали урока, чтобы не пострадали незнающіе товарищи. Батюшка потребовалъ тетради, посмотрѣлъ, разспросилъ всѣ подробности претензіи и обѣщался переговорить съ суровымъ учителемъ. Успѣхъ переговоровъ превзошелъ всѣ ожиданія: учитель сталъ совѣтъ иной.

„Скупой на улыбки и слова, но съ сердцемъ, полнымъ

теплаго участія къ дѣтскому горю, къ дѣтской заботѣ, проходилъ онъ однажды по залѣ изъ церкви, весенними сумерками, и, помню, въ дверяхъ залы его обступали ребятишки, доврчиво прижимаясь къ его рукѣ, глядя на него во всѣ свои честные глаза.

— Тише, дѣти, сторонитесь, дайте пройти, говорилъ онъ негромко, и въ простомъ жестѣ, которымъ онъ отодвинулъ съ моей дороги двухъ мальчугановъ, нѣжно захвативъ въ одну отеческую руку плечи одного и курчавую головенку другого, сказалося то отношеніе пастыря къ паствѣ, которое заповѣдовалъ Христосъ...

„Кстати. Классъ готовился говѣть. Было задано повторить нужныя молитвы и заповѣди. Одинъ изъ учениковъ, сынъ одного изъ „передовыхъ дѣятелей“, смѣясь, сказалъ товарищамъ:—охота вамъ долбить такъ усердно. Все это вздоръ, говоритъ мой отецъ, и никакого Бога нѣтъ.—Эти слова были до того странны и новы большинству мальчиковъ, что они, по своей привычкѣ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгать къ священнику, и тутъ обратились къ нему. Какъ разъ слѣдующимъ урокомъ былъ Законъ Божій. Батюшка! Батюшка! представьте, N. N. говоритъ, что Бога нѣтъ! .

„Священникъ останавливаетъ взглядъ на N. N. и задумывается. Всѣ боятся и думаютъ: напрасно сказали, батюшка разсердился и будетъ бранить, пожалуй накажетъ N. N. Но въ слѣдующую же минуту батюшка говоритъ, тихо и спокойно, какъ и всегда.—„Васъ не должно поражать, что онъ сказалъ. Вы учитесь исторіи и географіи и знаете, что на большей части земного шара живутъ люди дикіе, невѣжественные, неспособные вовсе понимать Бога-Духа, какъ мы, христіане, Его понимаемъ. Вы знаете, что такіе темные, несчастные люди, лишенные пониманія Бога, называются язычниками, идолопоклонниками. Мнѣ грустно только, что между вами есть одинъ, настолько неразвитый и несчастный. Но будемъ надѣяться, что со временемъ и онъ сподобится свѣта истины. Будемъ всѣ вмѣстѣ молиться о немъ“.—И только: ни упрека, ни выговора. Затѣмъ урокъ шель своимъ чередомъ. N. N. не подвергая никакому взысканію. Случай не вышелъ за стѣны класса и не повліялъ ни на положеніе N. N. *junior'a* въ заведеніи, ни на общественное положеніе его отца, что легко могло бы случиться при иныхъ

отношеніяхъ къ этой выходкѣ. Но между товарищами Н. Н. прослылъ *язычникомъ*. Къ его странной пропагандѣ отнеслись съ тѣмъ добродушнымъ юморомъ, который такъ свойственъ русскому челоуѣку. Начнетъ онъ, съ отцовскихъ необдуманыхъ словъ, свою пропаганду, ему зажимаютъ ротъ смѣхомъ и кричатъ: „молчи ты, язычникъ, дикарь!“ Язычникъ пересталъ пропагандировать и сдѣлался однимъ изъ лучшихъ учениковъ священника.

„Еще нѣсколько словъ о томъ, какъ о. Лебедевъ приготовлялъ своихъ питомцевъ къ говѣнью и исповѣди. Это была не сухая, догматическая мораль, съ педантическимъ требованіемъ исполненія всѣхъ формальныхъ предписаній церкви. Не знаю, что и какъ онъ говорилъ, но привожу впечатлѣнія, вынесенныя моимъ сыномъ.

— „Мама, батюшка приказалъ, кому здоровье позволяетъ, поститься. Только онъ сказалъ, кто не можетъ, не надо. Или поститься серьезно, *какъ слѣдуетъ по-русски*, добровольно и усердно, или не надо. Богъ добрый. Онъ все прощаетъ, но Онъ все видитъ, и притворяться, обманывать Его нельзя. Я сказалъ батюшкѣ, что я, думаю, цѣлую недѣлю не могу поститься, а можно три дня: передъ исповѣдью, въ день исповѣди и въ день причащенія? Онъ сказалъ: можно.“— И мой мальчикъ самымъ серьезнымъ и сосредоточеннымъ образомъ эти три дня постился, *какъ слѣдуетъ по-русски*, вѣлъ хлѣбъ съ водой и овощи съ солью. Вернулся съ исповѣди веселый, какъ птичка, и только сказалъ: „ахъ, мама! Какой батюшка славный!“

„Передъ исповѣдью они всѣ собрались въ своемъ классѣ. Пришелъ батюшка и сѣлъ между ними на скамейку, и говорилъ съ ними.—Что же?—Не могу тебѣ передать, мама, отвѣчалъ взволнованный мальчуганъ, но только онъ такой чудесный!

„На другой день я пошла въ церковь. Яркое солнце свѣтило въ окна, дѣти пѣли нѣжными голосами наши трогательныя молитвы. Другіе тѣсной, тихой толпой обступали алтарь. Вышелъ священникъ. Лицо было какъ будто еще добрѣе; глаза ласково обвели молодыя головки, и онъ началъ читать чудеснѣйшую изъ молитвъ. Слезы мѣшали мнѣ видѣть его и его паству, но я слышала, какъ слѣдомъ за нимъ десятки дѣтскихъ голосовъ сдержанно повторяли:

„...Молюся убо Тебѣ, помилуй мя и прости ми прегрѣшенія моя вольныя и невольныя, яже словомъ, яже дѣломъ, яже вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ“...

Черезъ день по кончинѣ отца моего въ „Нов. Времени“ помѣщена была тоже краткая статья его бывшаго ученика ¹⁾. „На своего ученика, говорилось тамъ, покойный смотрѣлъ, какъ на родного сына, и въ бытность законоучителемъ въ первой классической гимназій пользовался самой искренней любовью учениковъ и наставниковъ. Появленіе его въ классѣ, какъ я сейчасъ себѣ представляю, было для насъ общою радостью. Если о. Александръ сердился, онъ оставался хладнокровнымъ, не кричалъ на ученика, и если ставилъ ему плохую отмѣтку, то на слѣдующихъ урокахъ искалъ случая замѣнить ее самой лучшей. Батюшки никто не боялся, но всѣ его любили и слушались: сердечность отношеній, установившаяся между нимъ, и его учениками, была самой искренней, неподдѣльной, и въ этой сердечности заключался залогъ будущихъ успѣховъ молодежи. Когда о. Александръ покидалъ первую гимназію, разставались съ нимъ чуть не со слезами,—такъ сильна была привязанность къ этому симпатичнѣйшему наставнику“.

Въ 90-хъ годахъ „Русскаго Вѣстника“ въ воспоминаніяхъ одного гимназиста есть тоже доброе слово памяти объ отцѣ моемъ и съ этимъ одна юмористическая подробность: рассказывается, какъ ученики, подмѣтивъ его конька—любовь къ церковнымъ напѣвамъ, пользовались этимъ въ случаѣ неприготовленнаго урока, заводили рѣчь о 8-ми гласахъ, и отецъ мой напѣвалъ имъ стихиры. Скажу кстати объ отцовскомъ пѣніи: у него отъ природы музыкальныхъ дарованій не было; онъ самъ рассказывалъ, какъ, готовясь въ семинарію, проходилъ съ отцомъ своимъ гласы и, дойдя до 5-го, дальше не пошелъ,—утонулъ, какъ онъ выражался, въ Черномъ морѣ. Но силою навыка онъ развилъ въ себѣ не только твердое знаніе напѣвовъ, а и церковно-музыкальный вкусъ; голось же у него въ пѣніи былъ очень пріятный.

Здѣсь же скажу про одно совпаденіе, о которомъ рассказывалъ отецъ и которое принималъ, какъ благодатный отвѣтъ на свои мысли. Въ одну изъ годовщинъ своего священства,

¹⁾ „Нов. Вр.“, 25 Мр. 1898 г.

когда исполнилось уже 35 лѣтъ его священнослуженія въ общей сложности, „я за литургіей“, говорилъ онъ, „подумалъ: ну что же я сдѣлалъ за эти 35 лѣтъ? и какъ принялъ Господь мое служеніе?—Послѣ обѣдни, когда я сталъ давать цѣловать крестъ, ко мнѣ подходитъ какой-то господинъ и говоритъ: „Батюшка, вы узнаете меня?“—Я говорю: „Нѣтъ“.—А онъ мнѣ: „Я вашъ ученикъ такой-то,—до сихъ поръ помню я ваши уроки“.—Это принялъ я, сказалъ отецъ, какъ отвѣтъ на мои мысли“.

Что касается самаго преподаванія, отецъ мой цѣнилъ многими осуждаемый, какъ учебникъ, катихизисъ м. Филарета, цѣнилъ за сжатость и догматическую полноту и точность опредѣленій¹⁾, и называлъ превосходной канвой для законоучителя. Онъ указывалъ, что у него—постоянный предметъ жалобъ,—тексты катихизиса и богослужебныя пѣснопѣнія и молитвы не тяготили учениковъ зубрежкой: онъ выписывалъ требуемое къ заученію въ классѣ на доску, разбиралъ съ учениками грамматически, подчеркивалъ подлежащее и сказуемое, — и ученики заучивали у него текстъ или молитву при самомъ разборѣ.

Кромѣ законоучительства отецъ мой былъ и класснымъ наставникомъ, кажется, въ IV классѣ.

Отношенія съ корпораціей сослуживцевъ были у отца, кажется, безоблачно хорошія; съ обоими первыми директорами тоже наилучшія, сердечныя; но длились они недолго: первый директоръ, почтенный Бордовскій скоро умеръ, а преемникъ его симпатичный Л. О. Лавровскій, изъ галичанъ, по болѣзненности перевелся куда-то изъ-за Петроградскаго климата. Третьимъ же директоромъ—Чистяковымъ—отецъ мой возмущался по нравственнымъ причинамъ, такъ что отчасти отъ нежеланія служить съ нимъ оставилъ и гимназію. Преемникъ отца моего въ гимназіи, прот. Михаилъ Ильичъ Соколовъ, многіе годы спустя, при насъ, аудиторіи Педагогическихъ Курсовъ, гдѣ тогда преподавалъ, однажды къ слову тоже высказалъ свое негодованіе на этого начальника, вспоминая и свои съ нимъ столкновенія: оказывается, напримѣръ, что послѣдній считалъ вреднымъ давать ученикамъ Евангеліе въ руки, такъ какъ де оно развиваетъ вольный демократическій духъ.

¹⁾ Только въ 9-мъ членѣ считалъ слабымъ его опредѣленіе Церкви.

Жизнь родителей моихъ за эти годы я помню мало, потому что жила у своей бабушки, у которой училась въ ея школѣ и отъ которой затѣмъ ходила въ гимназію. Домой къ нашимъ приходили мы съ нею только на воскресенье и праздники. Но по тому, что я видѣла, жизнь эта очень отличалась отъ тихой Кронштадтской жизни: столичная жизнь стала захлестывать своею суетою; у насъ, въ довольно тѣсной квартирѣ, гостили и жили то одинъ, то другой, а то и по-двое, — такъ что родители мои въ одной комнатѣ даже устроили антресоли. Такъ, у насъ жилъ дядя Ѳеодоръ Алексѣевичъ, младшій братъ отца, послѣ окончанія семинаріи учившійся въ университетѣ. Много бывало у насъ и гостей, — такъ что мать моя начала даже тяготиться суетливостью жизни; у нея же къ тому, при двухлѣтней малюткѣ, родилась вскорѣ и еще одна. Она стала отставать отъ духовныхъ интересовъ и духовной жизни мужа; отецъ же мой былъ занятъ уроками, имѣлъ ихъ въ недѣлю чуть не до 40 и иногда, возвращаясь домой къ позднему обѣду, не могъ ѣсть отъ утомленія, а ложился сначала протянуться и полежать на диванѣ. Тотъ идеаль супружескаго духовнаго взаимобщенія, къ которому наставлялъ супруговъ еще о. Ѳеодоръ — въ связи, вѣроятно, съ новымъ положеніемъ дѣлъ, — разсѣялся и уже не возвращался; — оставалась только дружная семейственность — общеніе родителей на дѣтяхъ и съ послѣдними.

Зимой 1871 г. у обѣихъ моихъ маленькихъ сестеръ была натуральная оспа; но не смотря на то, что это было въ стѣнахъ учебнаго заведенія, имѣвшаго и пансіонъ, отца моего съ его больными не беспокоили никакими требованіями выселенія или больницы, — онъ только за время карантина не ходилъ на уроки; квартира наша выходила на особую лѣстницу во дворъ, но противъ насъ жилъ еще преподаватель и, кажется, служители внизу.

Изъ отношеній въ гимназіи помню знакомство отца съ владыками на сосѣднемъ Митрофаніевскомъ Подворьѣ, соприкасавшемся тогда съ гимназіей черезъ большіе сады обоихъ учрежденій. На Подворьѣ жилъ сначала епископъ Рязанскій преосвященный Алексій Ржаницынъ, а при немъ гостилъ или жилъ въ Петроградѣ племянникъ Р. П. Ржаницынъ, товарищъ отца, съ женою своею. Къ преосв. Алексію

на Подворье отецъ мой ходилъ не только одинъ, но и съ матерью моею. Послѣ преосв. Алексія жилъ тамъ преосв. Никандръ Тульскій, съ которымъ отецъ мой тоже почему-то близко познакомился, такъ что даже въ одно изъ своихъ путешествій, бывъ въ Серпуховѣ, проѣзжалъ и въ Тулу къ Преосвященному.—едва ли не въ 1883 г.

Лѣта этого періода мы проводили частію въ Харьковѣ, а одно лѣто, 1873 года, въ селѣ Кейкинѣ, подъ Нарвой, гдѣ тогда священствовалъ дядя мой по матери Павелъ Петровичъ Свіязевъ. Впрочемъ и оттуда отецъ мой, помнится, ѣздилъ въ Хотьковъ одинъ.

Въ лѣто 1871 года мы изъ Хотькова ѣздили въ Переяславль на свѣжую могилу Ал. Матв. Бухарева, скончавшагося 2-го апрѣля; вдова его ждала было отца моего на похороны, но его задержали гимназическіе экзамены, — это былъ первый его учебный годъ въ заведеніи. Помню могилу Ал. М—ча, усаженную иванъ-да-марьями, и глубокое горе вдовы.

Перѣздъ въ Прагу. Весною 1874 г. поднялся разговоръ о переходѣ отца моего въ чешскую Прагу въ Австріи. Тамъ на частныя средства устраивалась церковь, по мысли и по чину дѣятелей Славянскаго Благотворительнаго въ Москвѣ и Петроградѣ Общества и при содѣйствіи лицъ сочувствующихъ. Цѣлью ея было духовное общеніе съ чехами. Къ отцу, съ уговорами его поступить туда, сталъ ѣздить извѣстный дѣятель по Западному Краю, бывший попечитель Виленскаго Учебнаго Округа, а въ это время предсѣдатель Славянскаго Комитета Иванъ Петровичъ Корниловъ. Бывалъ онъ по этому дѣлу такъ часто, что прислуга привыкла къ его громкому звонку и говорила: „это Предсѣдатель“. Отецъ мой колебался. Съ одной стороны были данныя для согласія: переутомленіе отъ чрезмѣрнаго числа уроковъ и необходимость служить съ нравственно неодобряемымъ начальникомъ заведенія; съ другой стороны чувствовалась рискованность шага: бросая здѣсь обезпеченное и видное положеніе, ѣхать съ семьей въ чужую страну, на неизвѣстныя условія жизни, на службу частнаго характера. Семьѣ тоже не хотѣлось порывать родственныя связи и привычныя условія жизни и ѣхать на неизвѣстное. Убѣдителямъ пришлось дѣйствовать и на насъ, — и чего только не рассказывали намъ съ раз-

ныхъ сторонѣ! кто-то описывалъ намъ, что тамъ можно будетъ нанять домъ-особнякъ, обвитый дикимъ виноградомъ, держать корову, что дешевизна плодовъ и винограда баснословно. Потомъ мы смѣялись, вспоминая это,—настолько все это, особенно домъ-особнякъ и корова, было далеко отъ дѣйствительности. Но въ концѣ концовъ отецъ мой рѣшился. Начались трудные и сложные сборы—продажа и размѣщеніе по роднымъ обстановки, упаковка сундуковъ и ящичковъ съ книгами и утварью. И вотъ 27-го іюня мы отправились въ путь. Передъ отъѣздомъ отецъ мой былъ произведенъ въ протоіерея и получилъ золотой кабинетскій крестъ.

Путь нашъ направленъ былъ на Москву, — отецъ мой заѣхалъ съ нами въ Хотьковъ проститься съ родителями. Грустно провожала насъ петроградская бабушка оставшаяся одинокою. Грустно было, конечно, и протоіерею Алексѣю Ивановичу въ Хотьковѣ отпускать радовавшаго его сына въ далекіе чужіе края. При прощаньѣ онъ сказалъ мнѣ: „Смотри, не забывай отечества!“ — и оба они съ бабушкой глядѣли на насъ въ окно вагона съ низкой насыпи, пока поѣздъ не тронулся.

Дальше мы отправились по Московско-Брестской желѣзной дорогѣ и остановились по пути въ Смоленскѣ у прежняго кронштадтскаго знакомаго протоіерея І. В. Бѣлкина, жившаго здѣсь, въ родныхъ своихъ краяхъ, въ отставкѣ.

Въ Варшавѣ мы тоже останавливались въ гостинницѣ. Городъ намъ понравился чистотою, садами, молочными, гдѣ можно было пить молоко;—но поляки въ то время выказывали враждебность: въ лавкахъ не хотѣли намъ отвѣчать на русскую рѣчь, — чего при позднѣйшихъ проѣздахъ чувствовать уже не приходилось.

Вообще же путешествіе, хотя и давало много интереснаго, поэтично не было: трудно было ѣхать при незнаніи, можно сказать, языка, при частыхъ тогда пересадкахъ и сопряженныхъ съ ними тревогахъ. Отецъ намѣнялъ въ Россіи австрійскихъ денегъ, но когда по переѣздѣ черезъ границу пришлось въ Ольмюцѣ или Преровѣ заплатить насильщику при пересадкѣ, самую мелкою единицею у отца оказалась 5-тигульденовая бумажка, и ее пришлось отдать ужъ черезъ окно вагона двинувшагося поѣзда. Если чувство тяготы осталось у меня, 12-тилѣтней дѣвочки, то могу себѣ пред-

ставите, какъ тяжело было отцу, на которомъ лежала вся забота и отвѣтственность. Сверхъ всего на всемъ путешествіи лежала грусть по тому дорогому, съ чѣмъ простились. Грусть эта потомъ постепенно перешла въ ясно сознаваемую и въ продолженіе 8 лѣтъ заграничной жизни все усиливавшуюся тоску по родинѣ, по своей родной Россіи,—чувство, котораго не знаютъ веселые заграничные путешественники, вздымающія туда на короткій срокъ срывать цвѣты новыхъ впечатлѣній и удовольствій. Изъ не-поэтической повѣздки исключеніе составилъ только переѣздъ черезъ отроги Саксонскихъ Рудныхъ горъ—совершенно новое зрѣлище горныхъ видовъ поражаало глазъ красотою.

12-го іюля мы пріѣхали въ Прагу. Отецъ еще въ Петроградѣ далъ мнѣ сборникъ стихотвореній Хомякова, — они плѣнили меня сродными душѣ настроеніями, и когда мы подъѣзжали къ Прагѣ, я, глядя въ окно на сливавшіяся уже въ сумракѣ окрестности, твердила про себя стихотвореніе:

Везвѣздная полночь дышала прохладой.
Крутилася Лаба, гремя подъ окномъ;
О Прагѣ я съ грустною думалъ усладой,
О Прагѣ мечталъ, забываясь сномъ...

Это не было внѣшней ассоціаціей по имени Праги, это было сознаніе, что отецъ и мы съ нимъ ѣдемъ по славянскому дѣлу.

Церковь въ Прагѣ была готова, но еще не освящена; она была передѣлана изъ католическаго храма какого-то упраздненнаго монастыря. Но хотя храмъ былъ католическій, чехи съ гордостью отмѣчали, что подъ сводами его не раздавалось латинскаго языка, — это было едва ли не послѣднее убѣжище славянскаго богослуженія, которое на нѣкоторое время отстояли въ прошломъ гуситы. Упраздненный монастырь былъ, должно быть, въ концѣ XVIII в. во времена либеральнаго Іосифа II, отмѣченныя среди прочихъ реформъ и ограниченіемъ числа церквей. Упраздненный храмъ служилъ, кажется, складомъ какихъ-то пустыхъ бочекъ и ящичковъ. Помѣщеніе это не было пріобрѣтено, а снято въ аренду: — отцу моему желалось полного его пріобрѣтенія, и онъ не разъ высказывалъ, что съ теченіемъ времени чехамъ слѣ-

дуетъ пойти навстрѣчу нашимъ усиліямъ и подарить русскимъ отъ лица города это зданіе; — не знаю, состоялся ли позднѣе такой вводъ во владѣніе, но теперь, какъ слышно по газетамъ, католики и австрійское правительство поспѣшили отобрать церковь отъ ненавистнаго для нихъ православія и вновь обратили ее въ костель.

Внѣшній видъ храма былъ, конечно, не привычной, родной нашей архитектуры, но все же и не готической, а подходилъ нѣсколько къ стилю церквей Вильны или вообще Западнаго Края. Внутри же церковь отдѣлана была по православному: одноярусный иконостасъ изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, иконы Сорокинской живописи, прекрасныя мѣдно-золоченыя царскія двери, большая хрустальная люстра-паникадило и отличной работы надъ горнимъ мѣстомъ стѣнное изображеніе Господа Иисуса Христа на престолѣ среди серафимовъ, видимое съ каждаго мѣста храма. Чехамъ храмъ очень нравился, и за обѣдней, въ воскресные дни, они иногда наполняли просторную церковь, причемъ радовались и перешептывались, улавливая изрѣдка понятное славянское слово: „Святый Боже“ и т. под.

Первые шаги въ Прагѣ. Мы были встрѣчены въ Прагѣ радушно. Въ первый же день по пріѣздѣ къ намъ явился со всѣмъ усердіемъ безкорыстно готовый къ услугамъ Адольфъ Осиповичъ Патера¹⁾, бібліотекаръ Музея, неизмѣнный изъ-года въ-годъ путеводитель и руководитель всѣхъ смѣнявшихся поколѣній русскихъ посѣтителей Праги. Позднѣе приходилось слышать высказываемыя сомнѣнія въ полной съ его стороны искренности и подозрѣнія его въ выслуживаніи передъ русскими; но обозрѣвая его неизмѣнное во всѣ долгіе годы радѣніе всѣмъ и каждому изъ русскихъ гостей, невольно задаешь вопросъ: такъ долго выслуживаясь, что рассчитывалъ онъ выслужить и что, наконецъ, выслужилъ себя у насъ!

Отецъ мой немедленно вступилъ въ сферу новыхъ отношеній, — познакомился съ Браунеромъ, главою консервативной партіи старочеховъ, человѣкомъ, убѣжденно преданнымъ славянскому дѣлу и неизмѣннымъ другомъ русскихъ,

¹⁾ Незадолго до войны умершій въ Прагѣ глубокимъ и слѣпымъ уже старцемъ.

сѣзѣдилъ въ Вѣну, и съ новымъ сослуживцемъ своимъ, о. діакономъ П. П. Сперанскимъ, сдѣлалъ официальные визиты къ намѣстнику и бургомистру.

Мы, между тѣмъ, знакомились съ Прагой, разочарованные съ первыхъ же шаговъ въ своихъ радужныхъ мечтаніяхъ: ничего похожаго на особняки съ садами не было; наоборотъ, остатки средневѣковья, — узкія улицы, готическіе храмы, — однотонный сѣрый цвѣтъ зданій, непривычныя черепичныя крыши и на всемъ налетъ каменноугольной копоти — производили впечатлѣніе угрюмости. Поразила насъ и неожиданная дороговизна припасовъ, а затѣмъ еще мелочная размѣнянность мѣстнаго хозяйства: полное отсутствіе при домахъ и квартирахъ не только ледниковъ и погребовъ, но и какихъ бы-то ни было кладовыхъ и сѣстныхъ шкаповъ, — заставляло обывателей жить однимъ днемъ, а это въ связи съ дороговизной побуждало дробить припасы до предѣловъ, дикихъ на нашъ взглядъ: не только можно было купить въ магазинѣ ломтикъ сыру и ветчины на тарелку для одного лица, но на рынкѣ продавались для желающихъ отдѣльно бѣлки и желтки яицъ, цедра и облущенные отъ нея лимоны.

Впрочемъ, рядомъ съ этимъ общимъ впечатлѣніемъ отрицательнаго характера, мы, конечно, оцѣнили и красоты Праги, своеобразныя и, можно сказать, единственныя въ своемъ родѣ среди другихъ Западно-европейскихъ городовъ, — Градчаны, этотъ Пражскій кремль съ его соборомъ св. Вита, съ навѣвавшими настроеніе старинными крѣпостными стѣнами и ступенями широкой каменной лѣстницы, — высокоій зеленый Петринъ въ зарѣчной части города съ церковкой наверху и съ перекинутой черезъ гору зубчатой стѣной, Молдаву или по-чешски Волтаву съ зелеными на ней островами и перекинутыми мостами; — рѣка на сѣверѣ дѣлала поворотъ, загражденная зеленымъ отрогомъ Градчанскаго холма — Бельведеромъ или по чешски Лѣтноу.

При любезномъ руководствѣ пана Патеры, мы перѣехали изъ первой, Саксонской, гостинницы въ болѣе подходящую гостинницу эрцгерцога или по-чешски воеводы Стефана. Гостинница эта находилась на широкой улицѣ, носившей названіе площади; площадь дальнимъ своимъ краемъ слегка подымалась и упиралась тогда въ городскую валъ съ разбитымъ по нему садомъ; подъ валомъ проходили ворота,

въ которыхъ брали городскую пошлину съ съѣстныхъ припасовъ, привозимыхъ въ городъ. Помню, какъ разъ въ послѣдствіи, купивъ въ городѣ топленого масла, я пошла съ нимъ за ворота къ знакомымъ; на обратномъ пути меня остановили требованіемъ за него пошлыны и еле-еле согласились меня пропустить, когда я объяснила, въ чемъ дѣло и назвала лавку, гдѣ масло было куплено. Посреди улицы-площади на равныхъ отъ концовъ разстояній стояли два старинныхъ изваянія—св. Вячеслава Чешскаго на конѣ и въ коронѣ, и Іоанна Непомуцкаго, избобрѣннаго іезуитами святого для замѣны въ памяти народной мученическаго имени Іоанна Гуса. Отъ памятника св. Вячеслава и площадь называлась Вацлавскою. Въ дни празднованія этимъ святымъ ихъ статуи обстраивались досчатымъ кіоскомъ съ разноцвѣтными шкаликами вокругъ глядѣвшей изъ него статуи, передъ послѣднею устраивался родъ алтарика, и съ него патерь проносилъ нараспѣвъ литанію, а народъ хоромъ пѣлъ каждый стихъ,—нѣчто напоминающее наши акаѣисты.

Недѣли двѣ прожили мы въ гостинницѣ Стефана, питаясь въ экономическихъ расчетахъ кое-чѣмъ закусочнымъ, стараясь брать изъ гостинницы только горячее, которое отличалось непривычною для насъ скудостью мясного навара¹⁾: преобладали два супа—бѣлая „поливка“ съ манной крупой и „гнѣдая поливка“ съ чечевицей; онѣ наскучили намъ почти до отвращенія, и когда наконецъ мы наняли квартиру, мать моя первымъ дѣломъ раскрыла ящикъ съ посудой и сварила въ кастрюлѣ къ общему нашему восторгу родныя свѣжія щи.

Освященіе церкви въ Прагѣ. Между тѣмъ насталъ день освященія церкви—4-ое августа 1874 г. Помню, какъ мы сначала стояли съ почетными гостями изъ чеховъ въ алтарѣ, а потомъ намъ нужно было удалиться оттуда. Церковь освящена была во имя Святителя Николая Чудотворца. Съѣздъ на освященіе былъ, помнится, большой,—съѣхалось сосѣднее заграничное духовенство, во главѣ былъ, должно быть, выдающійся по своей дѣятельности Вѣнскій протоіерей Мих. Фед. Раевскій; церковь была полна народу. Потомъ былъ

¹⁾ Потомъ чехи про наши 3—4 фунта, которые мы брали на семью, говорили, что мы беремъ мясо какъ на 10 человекъ.

обѣдъ для всѣхъ гостей и участниковъ торжества; но мы, дѣти, оставались дома, и освященіе вообще оставило на мнѣ мало впечатлѣнія, пройдя какъ бы въ сторонѣ отъ меня.

Но зато ярко запечатлѣлось дальнѣйшее.—По освященіи церкви полагается служить ежедневно всю недѣлю. Службы начались и продолжались три дня; сосѣдніе участники и гости разъѣхались, — какъ вдругъ послѣдовало распоряженіе мѣстной власти приостановить отправленіе богослуженій, такъ какъ де отправители ихъ—иностранные подданные, въ глазахъ власти — лица частныя, правоспособность коихъ на отправленіе общественныхъ церемоній ничѣмъ не удостовѣрена и никѣмъ не утверждена.

Возможно, что юридически австрійскія власти и имѣли за собою основаніе, но отецъ возмущался на ихъ австрійское коварство: онъ и о. діаконъ являлись рекомендоваться, излагали цѣль своего прибытія, были приняты и выслушаны, по видимому, благосклонно, безъ малѣйшаго какого бы-то ни было замѣчанія;—но, значить, власти принимали ихъ уже съ намѣреніемъ нанести непріятному для нихъ начинанію въ благопріятный для скандала моментъ заранѣе рассчитанный ударъ.

Помню, какъ взволновался мой отецъ, какъ взволновалась вся небольшая колонія бывшихъ тамъ русскихъ;—говорили, что Австрійское правительство поставитъ, быть можетъ, условіемъ существованія церкви принятіе ея священнослужителями австрійскаго подданства. Помню, какой кошмарный ужасъ охватилъ душу при мысли о возможности исполненія нами этого требованія, — это была какая-то, накрывшая всю перспективу жизни, беспросвѣтная, унылая тьма! Отецъ мой съ жившимъ тогда въ Прагѣ славистомъ проф. А. А. Котляревскимъ составляли какія-то бумаги, а затѣмъ рѣшено было безъ всякаго шума продолжать въ храмѣ прерванное богослуженіе.

Каковы были составленныя бумаги, отчетливо не знаю.—кажется, это было сообщеніе о случившемся нашему послу въ Вѣнѣ Евг. Петр. Новикову, а по адресу мѣстныхъ властей какая-нибудь благоприличная отвѣдь, отсылавшая и ихъ туда же. Послѣ такой отвѣди и сочтено было возможнымъ возобновить богослуженіе, чтобы посмотреть, не удовлетворятся ли австрійскія власти сдѣланнымъ отношеніемъ.

Повидимому, онѣ и удовлетворились;—и богослуженіе стало правильно совершаться по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Такъ дѣло шло съ полгода; какъ вдругъ вначалѣ Великаго поста послѣдовало уже опредѣленное официальное распоряженіе о закрытіи церкви.—Отецъ мой тотчасъ же отправился самъ въ Вѣну; мать съ тревогой провожала его туда;—намъ рисовалась даже возможность заключенія его въ тюрьму. Было это, помнится, на 2-ой недѣлѣ Великаго поста, и отлучка отца продолжалась довольно долго, такъ что мы и Благовѣщеніе были безъ богослуженія.

Но что другое, а заключеніе въ тюрьму было, конечно невозможностью;—какъ ни злобились австрійцы, въ Вѣнѣ все же былъ нашъ посоль, а при немъ протоіерей Раевскій, участвовавшій тоже въ освященіи церкви. Посоль нашъ Евг. П. Новиковъ относился къ отцу моему за все время заграничнаго служенія очень хорошо; дружественныя отношенія личнаго знакомства сохранились и позднѣе, когда отецъ мой былъ уже въ Петроградѣ, а Е. П. Новиковъ уже, кажется, оставилъ свой постъ;—но изъ слышаннаго тогда вокругъ себя я сохранила впечатлѣніе, что онъ держалъ себя въ обычномъ тонѣ и духѣ нашей дипломатіи, т. е. не преслѣдуя особыхъ задачъ и идеаловъ, блюлъ только равновѣсіе политическихъ вѣсовъ, а потому съ нѣкоторымъ раздраженіемъ притоптывалъ ногой на разныя, столь безпокойныя для дипломатіи „славянофильскія затѣи“¹⁾. Но тутъ онъ, хотя и ругнулъ, кажется, простодушное легкомысліе устроителей Пражской церкви, однако сѣмѣлъ отстоять ее и устроилъ такъ, что положеніе ея впредь оставалось упроченнымъ.—Однако это было сопряжено съ ограниченіями: отецъ мой не могъ присоединять австрійскихъ подданныхъ къ православію, не могъ вообще вести метрикъ, т. е. ни крестить, ни вѣнчать съ юридическимъ для Австріи значеніемъ; также не дозволены были какія бы-то ни было процессіи за предѣлами храма,—такъ что пасхальный крестный ходъ выходилъ у насъ только въ притворѣ за стеклянныя двери.

Послѣ этого служеніе Пражское потекло ровно и мирно. Правда, австрійское правительство не теряло изъ виду „опас-

¹⁾ Передавая все это, какъ личное впечатлѣніе, я, по малой моей тогда освѣдомленности, на вѣрности его не настаиваю.

наго панславистическаго“ пункта,—уже года три-четыре спустя старикъ церковный сторожъ, изъ рижскихъ нѣмцевъ, но трогательно преданный отцу моему и всему нашему семейству, сообщилъ отцу, что его призывали въ полицію и давали ему денегъ, чтобы онъ доносилъ, гдѣ отецъ мой бываетъ и съ кѣмъ водится. Отецъ принялъ это къ свѣдѣнію.

Отношенія Но вообще австрійской полиціи трудно было поспѣвать къ моему отцу, — искренній и открытый характеръ его, а съ другой стороны спокойное благоразуміе, исключали въ немъ возможность какой-нибудь тайной интриги или заговора. Когда, отвѣзжая въ Прагу, отецъ мой былъ въ Москвѣ у Ив. С. Аксакова, послѣдній отпустилъ его съ завѣтомъ „крестить чеховъ направо и налево“. Отецъ мой, при всемъ уваженіи своемъ къ И. С. Аксакову, удивлялся на этотъ совѣтъ, считалъ его и неблагоразумнымъ, и по существу недостойнымъ православія, которое не можетъ представлять духовную благодать на службу политическимъ, хотя бы и высокими интересамъ. Если православіе по существу чуждо духу пропаганды, то отецъ мой, сверхъ того, былъ чуждъ ему и по натурѣ своей.

Чехи принимали насъ, какъ сказано, очень радушно. Отецъ мой говаривалъ, что чувствуетъ себя въ Прагѣ, какъ гдѣ-нибудь дома въ Россіи въ провинціи. Много народу посѣщало наши богослуженія, которыя имъ нравились, и кто-то пустилъ въ оборотъ игру словъ: „Гуся сожгли, а Лебеда имъ не съесть“.—У Чеховъ въ то время было двѣ политическихъ партіи—консервативная и либеральная, старочехи и младочехи. Во главѣ первой стоялъ Ригеръ, зять историка Палацкаго, и рядомъ съ нимъ Браунеръ; предводителемъ младочеховъ былъ Сладковскій, и еще былъ выдававшийся дѣятель ихъ — Вашатыш. Отцу моему ставили въ заслугу, что онъ сумѣлъ равнымъ отношеніемъ своимъ стать выше партій,—съ нимъ дружны были представители и той, и другой.

Особенно близки были во все время сношенія съ глубокопочтеннымъ паномъ Браунеромъ; это былъ человѣкъ, вышедшій изъ народа (сынъ мельника), какъ и вообще всѣ чешскіе представители: чешское дворянство давно отошло отъ народа и было по духу онемчено. Панъ Браунеръ былъ такъ извѣстенъ и популяренъ, что случалось, старшій кондукторъ въ Ростокахъ подъ Прагой, гдѣ была дача Браунеровъ, за-

держивалъ послѣдній свистокъ, если видѣлъ пана Браунера, довольно грузнаго на подъемъ, подходящаго съ опозданіемъ на поѣздъ. Говорили, будто прежняя его фамилія была Гнѣдый, но нѣмцы, при отбываніи имъ въ молодости воинской повинности, перемѣнили ее ему на Браунера, какъ дѣлали нерѣдко въ видахъ овѣмеченія народа. Браунеръ женатъ былъ на нѣмкѣ, но это сказывалось только въ ея плохомъ чешскомъ выговорѣ, душою же она была преданною сторонницею интересовъ мужа. Двери дома ихъ были раскрыты для русскихъ гостей—славистовъ и славянофильскихъ посѣтителей Праги, что было едва ли не единственнымъ исключеніемъ для замкнутости Пражской семейной жизни вообще. Трудныя экономическія условія давно загнали тамъ семейную жизнь въ тѣсныя стѣны кухни и спальни, — друзья друзей и семья семью приглашали для общенія за общій столъ въ рестораны, гдѣ обыкновенно и платили каждый за себя. Насколько семейное гостепримство было тамъ въ рѣдкость, можетъ показать примѣръ: одинъ чехъ-учитель изъ Россіи — привелъ къ намъ съ собою родственника своего, тоже учителя изъ чешскаго города Бероуна. У насъ былъ чай, обиліе печенья и апельсины; мать налила гостямъ по стакану и угощаетъ прочимъ,—чешскій учитель отказывается отъ всего и отъ второго стакана и что-то незамѣтно шепчетъ своему товарищу изъ Россіи. Тотъ со смѣхомъ выдаетъ его хозяевамъ: оказывается, тотъ спросилъ его, сколько стоитъ стаканъ чаю.

Съ Браунеромъ отецъ видался часто и часами бесѣдовалъ съ нимъ о текущихъ политическихъ событіяхъ. Разговаривали они на какомъ-то панславистскомъ языкѣ;—отецъ, литературно овладѣвшій чешскимъ языкомъ, говорилъ на немъ плохо; такъ же плохо говорилъ и Браунеръ по-русски; чехи слыша отцовскую чешскую рѣчь, удивлялись, какъ легко понимать русской языкъ,—тоже самое думали и русскіе о „русской“ рѣчи Браунера.

Дѣвицы Браунеровы, съ которыми была знакома я, выдавались среди чешскихъ барышень своимъ образованіемъ и развитіемъ; лично ко мнѣ онѣ относились радушно, но я быстро ощутила въ ихъ разговорахъ оттѣнокъ высокомерія по отношенію къ „недостаточно-культурной“ Россіи и ея „безграмотному“ народу. Я хотѣла высказать имъ, что гра-

мощность сама по себѣ не есть еще развитіе, что въ нашемъ народѣ есть духовная глубина, что наоборотъ, здѣсь у нихъ и при грамотности встрѣчается духовная ограниченность и тупость, но я была передъ ними дѣвочкой и къ тому же не свободно объяснялась для такихъ разговоровъ, какъ по-французски, такъ потомъ и по-чешски. И какъ же я была довольна, когда разъ была свидѣтельницею, какъ молодой проф. А. С. Будиловичъ славно разбивалъ старшую дочь Браунера, о чемъ-то съ нимъ спорившую. — Эгого налетъ культурнаго высокомерія чувствовался, говорили, и у Ригера, и у Палацкаго;—у самого Браунера не было его и тѣни; не было и у прочихъ чешскихъ друзей нашихъ.

Панъ Вашатый былъ сравнительно еще молодъ,—лѣтъ 35,—онъ, помню, производилъ на меня впечатлѣніе романтическаго средневѣковья своею національною одеждою — родъ сюртука или кафтава, застегнутаго вплоть до ворота частыми пуговицами съ переплетомъ мелкихъ шнуровыхъ петель. Онъ не былъ такъ близокъ къ отцу, какъ Браунеръ, но бывалъ непремѣннымъ членомъ всякихъ славянофильскихъ собраній.

Съ паномъ Сладковскимъ отецъ мой сошелся позднѣе. Это былъ еще не старый, но болѣзненный человекъ, подвижникъ идеи, утратившій свое здоровье въ австрійскихъ тюрьмахъ, гдѣ часто и подолгу, говорили, сидѣлъ, какъ издатель народнаго литературнаго органа,—едва ли не газеты „Народни Листы“. Преданный славянской идеѣ, онъ ради нея перешелъ въ православіе, для присоединенія ѣздилъ въ Вѣну къ греческому священнику и явился къ отцу моему прихожаниномъ. Отецъ мой очень уважалъ его, и это было взаимно. Сладковскій не разъ обѣдывалъ у насъ, и мать готовила ему любимую его цвѣтную капусту,—ему по его здоровью предписанъ былъ вегетаріанскій столъ. Но при такомъ близкомъ дружественномъ общеніи отецъ мой въ горе приходилъ отъ его религіознаго состоянія: присоединеніе его къ православію было чисто политическое, и всѣ старанія отца привлечь его къ религіознымъ интересамъ оставались безплодными;—онъ не былъ враждебнымъ вѣрѣ атеистомъ, ничуть,—но отецъ мой съ горемъ отмѣчалъ совершенную въ немъ неразвитость религіознаго чувства,—онъ могъ говорить съ интересомъ обо всемъ, а религіозные вопросы его не затрагивали.—Поэтому, когда Сладковскій умеръ, отецъ мой

ничего не могъ сказать чехамъ при отпѣваніи надъ его гробомъ,—онъ сказалъ только такъ: „лежащій здѣсь рабъ Божій Карлъ принадлежитъ равно вамъ и намъ, помолимся о немъ“.— Въ газетахъ потомъ было ироническое замѣчаніе о словѣ о. Лебедева, „поразительномъ своею краткостью“,—чехи, очевидно, ждали прославленія своего народнаго дѣятеля, одобренія его принятія православія;—отецъ не могъ удовлетворить ихъ: онъ не признавалъ политики на церковной каѳедрѣ, а для церковной проповѣди не было въ усомнемъ желаемыхъ данныхъ.

Помню еще пана Коляра, — высокаго, худого, съ сильной просѣдью курчавыхъ волосъ и съ сосредоточеннымъ взглядомъ голубыхъ глазъ, тоже борца за славянскую идею и едва ли тоже не пострадавшаго за нее; онъ почему-то мало у насъ бывалъ, — кажется, онъ погруженъ былъ въ ученныя занятія и вель жизнь уединенную.

Объ Ад. Ос. Патерѣ сказано было выше. Остается сказать еще объ особенно близкомъ къ отцу Осипѣ Вячеславовичѣ Ранкѣ ¹⁾. Это былъ своеобразный, удивительный типъ: скромный чиновникъ-труженикъ въ мѣстной ратушѣ; всю жизнь добросовѣстный съ пунктуальностью, онъ какъ будто приобрѣлъ отъ стариннаго зданія и самъ что-то средневѣковое въ характерѣ; невысокій ростомъ, коренастый, съ толстыми очками на близорукихъ отъ усидчивости глазахъ, нѣсколько медлительный въ рѣчи и вообще флегматическаго склада, онъ держался какимъ-то незамѣтнымъ и смиреннымъ; но это былъ какъ бы крѣпкій дубъ по беззавѣтной и цѣльной преданности своей славянской идеѣ; съ нею онъ преданъ былъ и Россіи, и русскимъ, и намъ, русской колоніи, въ частности. Къ отцу моему онъ питалъ какое-то молчаливое почитаніе;—при послѣднемъ съ нами прощаньѣ онъ, характеру коего несвойственно было изліяніе чувствъ, былъ видимо разстроень разлукой съ отцомъ моимъ, и я, кажется, видѣла на глазахъ его слезы. Отецъ мой сказалъ ему въ послѣдней бесѣдѣ: „Жаль мнѣ васъ, чеховъ,—у васъ двойственность и въ политической, и въ религіозной жизни: австрійскій патриотизмъ и славянское народное чувство тамъ, римское ка-

¹⁾ Тоже умершемъ въ глубокой старости незадолго передъ нынѣшней войной.

толичество и Иоаннъ Гусъ здѣсь“. Ранкъ, какъ бы вздохнувъ, отвѣтилъ, что это совершенно вѣрно;—онъ, по благородному своему характеру, былъ человѣкомъ вполне лояльнымъ и человѣкомъ вѣрующимъ въ церкви своей, и вѣрно въ немъ особенно и уловилъ отецъ мой этотъ внутренній трагизмъ.—Когда отецъ мой померъ, Ранкъ прислалъ матери моей трогательное по сочувствію письмо.

О. В. Ранкъ извѣстенъ своими словарями,—онъ составилъ русско-чешскій и обратный, и чешско-нѣмецкій и обратный, еще словарь какихъ то специальныхъ именъ или названій;—надъ всѣмъ этимъ онъ кропотливо работалъ всю жизнь въ остававшееся отъ службы время. Не смотря на полную его политическую лояльность и безобидность, враждебный лагерь не преминулъ и его задѣть нареканіями о катящихся будто бы къ нему русскихъ рубляхъ. Но наши славянскіе дѣятели еле-еле выхлопывали ему пособія на печатаніе его словарей, а позднѣе выхлопотали ему, кажется, какой то нашъ орденъ; жилъ же онъ всегда крайне небогато, сначала одинъ, а потомъ обремененный семьей.

Еще было у отца трогательное знакомство: 90-лѣтній католическій патеръ панъ Марекъ, съ трудомъ уже ходившій,—его приводила къ намъ пожилая прислуга. Но ослабленіе физическихъ силъ не ослабило жившей въ немъ славянской идеи, которая и привела его въ домъ отца моего,—онъ былъ уже въ отставкѣ, много пострадавъ въ свое время за преподаваніе русскаго языка. Отецъ мой принималъ его съ чувствомъ, близкимъ къ благоговѣнію.—Вообще же католическое духовенство, если кто и не былъ фанатически враждебенъ, естественно сторонилось отъ отца.

Какъ контрастъ знакомству съ Мареккомъ, приведу посѣщеніе отца моего русскимъ іезуитомъ Мартыновымъ. Чего искалъ у отца моего хитрый отщепенецъ, не знаю,—вѣроятно, приходилъ щупать почву. Я попросила у отца позволенія слушать ихъ бесѣду изъ сосѣдней комнаты, и сердце мое разрывалось отъ негодованія на вкрадчивую рѣчь іезуита, такую благоприличную и съ тонкой струйкой влитаго яда. Воспринятый іезуитизмъ на самую наружность его наложилъ типичную печать,—на безцвѣтномъ бритомъ лицѣ безпокойно бѣгали маленькіе глазки, уклоняясь отъ прямой встрѣчи съ глазами собесѣдника. Отецъ мой возмущался потомъ нечест-

ными клеветническими приемами іезуита въ собесѣдованіи: отецъ мой въ чемъ-то сослался на Хомякова, — да онъ вѣдь былъ послѣдователь Тюбингенской школы“, бросилъ іезуитъ. вмѣсто возраженія на предметъ спора. Не знаю, въ какихъ словахъ опровергъ его отецъ мой, но іезуитъ не нуждался въ опроверженіи, — въ другомъ мѣствѣ при такомъ же случаѣ онъ, конечно, продолжалъ бросать ту же свою клеветническую инсинуацію.

У отца моего было и еще одно своеобразное отношеніе къ чехамъ: Министерство Народн. Просвѣщенія сдѣлало его посредникомъ въ дѣлѣ приглашенія чеховъ въ Россію на классическіе языки, каковое въ то время практиковалось довольно часто: желавшіе поступать въ Россію являлись къ отцу моему, онъ намѣчалъ имъ отрывки для переводовъ изъ положенныхъ къ тому книгъ, — они садились у него въ кабинетѣ, на глазахъ его писали этотъ extempore, и отецъ мой тутъ же запечатывалъ его и отсылалъ въ Министерство, — должно быть, при прошеніи претедента.

Въ дѣлѣ взаимообшенія чехи пошли къ намъ навстрѣчу, — ими основанъ былъ нѣсколько позднѣе Кружокъ любителей русскаго языка, собиравшійся въ помѣщеніи Художественнаго Клуба (Умѣлецкой Бесѣды). Время отъ времени стали тамъ устраиваться литературные вечера семейнаго характера, въ которыхъ мы всѣ принимали широкое участіе: отъ насъ приносились туда самовары, чай, печенье, и мы — я съ маленькими сестрами и даже наша русская прислуга, одѣтая въ сарафаны и бусы съ повязками на головѣ въ видѣ кокошниковъ, угощали чеховъ чаемъ, который разливала М. Ѳ. Апраксина, жена псаломщика, — между тѣмъ какъ на эстрадѣ разыгрывалась членами-любителями какая-нибудь русская пьеса, говорились стихи, или исполнялись хоромъ русскія пѣсни, игрались русскія музыкальныя произведенія. Помню, какъ разъ какой-то искусникъ-чехъ подь звуки музыки быстро нарисовалъ на глазахъ зрителей углемъ на полотнѣ Московскій Кремль, а надъ нимъ въ небесахъ портретъ отца моего; — отецъ мой запротестовалъ противъ такой неподходящей апофеозы, и художникъ замѣнилъ изображеніе облаками. — Чехамъ очень нравились эти вечера; — необычно для нихъ было и широкое русское угощеніе. Захотѣлось намъ показать имъ наши калачи, и мы попросили

одну даму прислать ихъ намъ изъ Петрограда на образецъ. Она съ усердіемъ прислала намъ на Рождествѣ цѣлый ящикъ; но калачи, проѣхавши дней пять или недѣлю, конечно, не годились,—мы только дали одинъ на образецъ въ булочную. Тамъ выпекли нѣчто совсѣмъ другое—сладкія булки, вродѣ выборгскаго тѣста, имѣвшія форму не калачей, а замковъ. И вотъ въ газетахъ при описаніи нашего вечера была развита мысль, что де печенья эти имѣютъ у русскихъ символическое значеніе, это — замокъ, замыкающій старый годъ при наступленіи новаго. — При преемникѣ моего отца эти литературные вечера тоже продолжались съ усиліемъ, но ужъ не знаю, были ли они съ самоварами.

Пріѣздъ м. г. Круинымъ событіемъ въ нашей Пражской жизни **Черняева.** былъ пріѣздъ генерала М. Г. Черняева. Это было помнится мнѣ, 1-го января 1877 г. Пріѣздъ славнаго героя Сербской войны за освобожденіе потрясъ всю Прагу,—все всколебалось энтузіазмомъ, молодежь-студенты встрѣтили его оваціями. Всѣ эти оваціи и энтузіазмъ были совершенно безобидны по младенческой, можно сказать, непосредственности и простодушію ихъ участниковъ; но не такъ пожелало на это взглянуть Австрійское правительство. — Наканунѣ отецъ мой былъ у Мих. Гр—ча Черняева, а на другой день послѣ обѣдни онъ, приглашенный отцомъ моимъ, долженъ былъ пріѣхать къ намъ обѣдать. Позваны были знакомые чешскіе представители, — мы усердно готовились къ этому чрезвычайному приему. Церковь была полна народу,—это было море головъ. Изъ церкви я поскорѣе вернулась домой помогать по столу, собрались гости, вернулся отецъ, а виновника торжества нѣтъ. Тутъ пришелъ взволнованный панъ Коляръ и объявилъ, что Черняевъ арестованъ. Отецъ мой, не смотря на страхи матери, пошелъ къ нему опять въ гостиницу Стефана, гдѣ онъ остановился. У дверей его номера стояло два полицейскихъ, при немъ былъ австрійскій офицеръ. Мих. Гр—чу приказано было въ 24 часа оставить Прагу. Отца моего пропустили къ нему, и онъ посидѣлъ у него. По Вацлавской площади ходили волнами толпы народа. Черняевъ спросилъ шампанскаго и, наливъ себѣ и австріяку,—противъ открытаго окна или балкона ¹⁾ провозгласилъ

¹⁾ Окна въ Прагѣ не вставляются.

вслухъ возмущеннаго народа тостъ за Франца-Іосифа,—австріякъ-офицеръ вынужденъ былъ въ виду всѣхъ принять ироническій тостъ. Черняевъ уѣхалъ, конвой проводилъ его въ куле до германской границы и на границѣ съ нимъ раскланялся. — Помню горькое чувство оскорбленія русскаго имени, русской чести.

Пражская жизнь. Во все остальное время жизнь въ Прагѣ текла мирно, ровно, а для насъ, семьи, и довольно скучно. Церковная служба у отца моего была только по воскресеньямъ и праздникамъ. Вначалѣ отецъ мой, надѣвшій при переѣздѣ за-границу длиннополый сюртукъ, хотѣлъ сохранить рясу хотя бы для хожденія въ церковь. Такъ и было въ первую зиму. Но скоро это оказалось неподходящимъ,—народъ смотрѣлъ на невиданное одѣяніе, какъ на церковное облаченіе,—и отношеніе было такое, какое было бы у насъ, если бы священникъ въ ризѣ пошелъ по улицѣ,—за отцомъ почтительно слѣдовали разсѣянные толпы зрителей, и разъ я, ходившая въ церковь съ нимъ поодаль, видѣла, какъ одна старая женщина подошла и, взявъ, поцѣловала край его широкаго рукава.

Позднѣе отецъ мой по зимамъ сталъ служить въ церкви только обѣдню, всенощное же, сберегая топливо и освѣщеніе, служилъ у насъ на дому;—для чеховъ позднее вечернее богослуженіе было все равно непривычно, русскихъ же въ Прагѣ можно было перечесть по пальцамъ, а желавшіе изъ нихъ приходили къ намъ. Помню я эти всенощныя,—онѣ были какія-то задушевно-умилительныя: у отца въ кабинетѣ висѣла освященная въ икону художественная гравюра Неффовскаго Воскресенія Христова съ лампадой передъ нею, и отецъ мой со вторымъ Пражскимъ о. діакономъ Е. С. Морозовымъ и псаломщикомъ Н. П. Апраксинымъ пѣли втроемъ, держа передъ собою октоихъ, воскресныя стихиры по гласамъ; у всѣхъ троихъ голоса—баритонъ, басъ и теноръ—были очень пріятные, Н. П. Апраксинъ, кромѣ того, былъ музыкаленъ и умѣлъ регентствовать, — и такого, при всей простотѣ, прекраснаго по дѣйствию на душу пѣнія я больше въ жизни моей не запомню.

Въ церкви пѣлъ хоръ изъ 7—8 голосовъ мужскихъ и женскихъ, и былъ сначала регентъ, потомъ регентствовалъ Н. П. Апраксинъ. Пѣвчіе были чехи и пѣли съ усердіемъ славян-

скій текстъ, написанный для нихъ латиницей; — оттънокъ выговора былъ замѣтенъ, хотя и незначительно; особенно не удавалось имъ справиться со словомъ смерть, которое у чеховъ не имѣетъ гласной (smrt) и гортанное *r* замѣняетъ послѣднюю.—Для пѣвчихъ раза два въ годъ дѣлался обѣдъ у насъ на дому. — Просфоры для богослуженія въ Прагѣ пекла мать моя.

Получивъ въ Прагѣ такое обиліе досуга, отецъ мой занялся здѣсь разборкомъ папизма,—обложилъ себя чешскими и нѣмецкими книгами и сталъ знакомиться съ догматическими сочиненіями римско-католичества, подучиваясь одновременно помощью словарей обоимъ этимъ языкамъ. Былъ у насъ въ первые года два и учитель, занимавшійся нѣмецкимъ языкомъ со мною и отцомъ моимъ; это былъ русскій нѣмецъ изъ Прибалтійскаго края г. Рейманъ, типичный и по лицу, и по характеру, бывший въ Россіи гувернеромъ и учителемъ, а теперь на старости лѣтъ слушавшій лекціи университета почему-то именно въ Прагѣ; онъ одно лѣто даже жилъ въ нашей пустой квартирѣ, пока мы были на дачѣ. Помню сцену, какъ мы сидимъ у отца въ кабинетѣ, и онъ, для усвоенія труднаго носогортаннаго звука *nd*, заставляетъ по-очереди отца, мать и меня произносить слово *ausgegangen*, — я, конечно, опережала своихъ родителей.— Нѣмецкій выговоръ отца значительно исправился, по сравненію съ бывшимъ семинарскимъ, но все же для нѣмецкаго уха не былъ удовлетворительнымъ.

Въ Прагѣ, должно быть, познакомился отецъ мой съ богословскими сочиненіями Ал. Ст. Хомякова, и они много дали ему для предпринятаго богословскаго изслѣдованія;—отецъ мой сознательно усвоилъ воззрѣнія Хомякова и его имя поставилъ у себя третьимъ послѣ именъ м. Филарета и о. Ѳ. Бухарева.

Въ этихъ занятіяхъ отецъ мой написалъ и напечаталъ за это время два труда и подготовилъ третій, — представляя ихъ всѣ, какъ изслѣдованіе о разностяхъ Церквей Восточной и Западной—1) въ ученіи о Пресв. Дѣвѣ Маріи Богородицѣ (по поводу латинскаго догмата о Непорочномъ Зачатіи), 2) въ ученіи о любви (о культѣ Сердца Іисусова) и 3) въ ученіи о Церкви (лат. догматъ о Главенствѣ Папы).—Первыя два отецъ мой издалъ, помощью проведенія ихъ че-

резъ Холмско-Варшавскій Вѣстникъ. Книгу о Главенствѣ Папы онъ отпечаталъ уже по возвращеніи въ Россію въ Петроградѣ. — Первое изъ этихъ сочиненій, О лат. догматѣ Непорочнаго Зачатія, отецъ мой представилъ въ родную Академію на магистерскую степень, которая и была присуждена ему въ 1882 г. — По изданіи третьяго — О Главенствѣ Папы, — отецъ получилъ изъ Польскаго Края на ломаномъ русскомъ языкѣ ругательную открытку, въ которой между прочимъ была такая фраза: „Преподобный Батько... ты самъ въ адъ лѣзешь и дочь туда тащишь“, — послѣднее относилось къ моему переводу одной французской противъ папства книги, которая была въ извлеченіи помѣщена отцемъ моимъ среди приложеній ¹⁾; — очевидно, книга отца задѣла папистовъ за живое.

Русскіе въ Прагѣ. Русскихъ въ Прагѣ бывало всегда крайне мало; — заѣзжали туда обыкновенно только доценты-слависты для своихъ работъ, да молодые медики, работавшіе въ клиникахъ; прочіе русскіе поселенцы, если живали тамъ, то вынужденные какими-нибудь особенными стеченіями личныхъ обстоятельствъ.

Только въ первые года полтора, какъ бы въ утѣшеніе нашей оторванности отъ Россіи судьба послала намъ пріятнѣйшихъ знакомыхъ въ лицѣ извѣстнаго, сперва Юрьевского, а потомъ Кіевскаго профессора-слависта А. А. Котляревскаго съ его семьей. Даровитый, съ печатью большаго ума на лицѣ, обладавшій острымъ словомъ и тонкимъ малорусскимъ юморомъ, онъ оживлялъ все общество и, бывало, заставлялъ все застолье разразиться неудержимымъ смѣхомъ, между тѣмъ какъ у самого не дрогнетъ даже улыбка на губахъ. Подъ пару была ему и супруга его, блиставшая тоже умомъ и неподдѣльнымъ оживленіемъ, обаятельная, какъ выразительною наружностью, такъ и живою, интересною бесѣдой своей. Мать мою, всегда стѣснительную и укрывавшуюся отъ новыхъ людей, Е. С. Котляревская взяла, какъ корабль на abordажъ, войдя неожиданно къ намъ еще въ гостинницѣ и сразу плѣнивъ мать непринужденностью своего обращенія

¹⁾ Во второмъ изданіи я эту статью выпустила, какъ болѣе риторическую, чѣмъ научную, и замѣнила ее отцовской статьей „О признакахъ истинной Церкви“.

и рядомъ интересно разсказанныхъ эпизодовъ изъ своихъ путешествій. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ-сынъ ихъ сдружился съ нами, дѣтьми. Дача ихъ подъ самой Прагой, а затѣмъ зимняя въ Прагѣ квартира сдѣлалась центромъ маленькаго кружка,—кромѣ моихъ родителей и Н. П. Апраксина, изъ завсегдатаевъ его я знала славистовъ—А. А. Кочубинскаго изъ Одессы и Снегирева изъ Казани;—но они казались мелкими передъ яркою личностью Котляревскаго. Котляревскій не былъ однихъ убѣжденій съ отцомъ моимъ,—разумѣю убѣжденія церковно-религіозныя,—но какъ человекъ русской души и склада, онъ сошелся съ отцомъ, и у меня осталось впечатлѣніе, что онъ относился къ отцу съ искренне добрымъ расположеніемъ и уваженіемъ;—все же, что могло быть расходящагося, онъ, какъ умный человекъ, умѣлъ, вѣроятно, при взаимообщеніи не затрагивать. Сынъ его, приглашенный отцомъ моимъ, охотно прислуживалъ въ церкви за богослуженіемъ, подавая свѣчу и кадило и, когда М. П. Погодинъ, посѣтивъ Прагу, увидѣлъ это, онъ выразился, что не ожидалъ этого отъ Котляревскаго и что это примиряетъ его съ послѣднимъ.

Изъ другихъ славистовъ помню еще Дринова, А. С. Будиловича и П. А. Кулаковскаго. Пріѣзжалъ почему-то въ Прагу изъ Петроградской Академіи проф. П. С. Якимовъ. Въ послѣдніе годы жизни тамъ отца занимался въ Прагѣ Ив. Савв. Пальмовъ, тоже изъ Петроградской Академіи, и завязавшія тогда дружественныя отношенія сохранялись потомъ въ Петроградѣ неизмѣнно до смерти моего отца.

Были и доктора, сблизившіеся съ нами,—Сперанскій, Любимовъ, а позднѣе изъ Казани М. А. Хомяковъ съ молодою женою,—съ ними мы познакомились семейно.

Изъ гостей, посѣщавшихъ Прагу проѣздомъ, помню—Мих. Петр. Погодина, поразившаго меня своею некрасивою наружностью, и Ал. Ник. Майкова, который наоборотъ поражалъ въ благопріятномъ смыслѣ оживленностью лица и горѣвшимъ огнемъ своихъ выразительныхъ глазъ. И тотъ, и другой пріѣзжали къ намъ на дачу.—У Погодина съ отцомъ оказалось и отношеніе личнаго характера: у него былъ сынъ, личность и семья котораго запечатлѣны были какими-то отрицательными чертами,—въ чемъ было дѣло, я не знаю, только Погодину пришлось помѣстить двухъ старшихъ

внуковъ для педагогическаго исправленія куда то за-границу; тамъ тоже отъ нихъ отказались. Тогда второго изъ нихъ Погодинъ помѣстилъ въ Прагу къ одному чеху на хлѣба, и мальчикъ тамъ учился, приходя на уроки Закона Божія къ отцу моему;—онъ постепенно привязался къ нашей семьѣ, почиталъ и любилъ отца моего, неровности его поведенія съ сознательными годами и вдали отъ вліянія старшаго брата исправились, но какая-то горечь озлобленности въ немъ въ глубинѣ все же оставалась, какъ невыполотый до конца корень, и позднѣе онъ все же кончилъ печально,—вступилъ въ неподходящій бракъ и вскорѣ лишилъ себя жизни.

Въ болѣе поздніе годы у отца моего былъ подобный же питомецъ,—Ф. Ф. Тютчевъ, побочный сынъ поэта, уже 18-лѣтній, кажется, юноша. Это была исторія вродѣ Погодинскихъ внучатъ; но юноша, необузданный по внѣшнимъ манерамъ, былъ добрѣе и, должно быть, чище по душѣ, чѣмъ тѣ;—его тоже, затертаго и засованнаго по угламъ въ домѣ родныхъ, отравили въ педагогическихъ цѣляхъ въ Лейпцигъ; тамъ, почти произвольно, былъ онъ зятянутъ въ русскій революціонный кружокъ, и отецъ мой, по письму или даже по телеграммѣ отъ И. С. Аксакова, приходившагося молодому человѣку дядей по женѣ, ѣздилъ выручать послѣдняго и привезъ его къ себѣ. Молодой человѣкъ такъ и жилъ у насъ и занимался, должно быть, около года; онъ потомъ вполне выровнялся, служилъ, былъ, кажется, прекраснымъ семьяниномъ, выступалъ въ печати небольшими повѣстями и доблестно кончилъ жизнь свою, кажется, полковникомъ въ нынѣшней войнѣ,—въ газетахъ отзывъ одного его сотоварища далъ ему весьма симпатичную характеристику.

Помнится мнѣ еще посѣщеніе Плевако, привозившаго въ Пражскую церковь какіе то дорогіе пожертвованные сосуды; первое впечатлѣніе онъ производилъ какого-нибудь московскаго купца; но некрасивое лицо его было выразительное, умное, рѣчь интересная, и въ бесѣдѣ съ отцомъ моимъ онъ производилъ впечатлѣніе вѣрующаго русскаго человѣка ¹⁾).

Въ первые наши годы въ Прагѣ пріѣзжалъ въ Прагу

¹⁾ Не знаю, не смѣшиваю ли я только это посѣщеніе съ посѣщеніемъ уже въ Петроградѣ.

К. П. Побѣдоносцевъ съ молодою супругою,—едва ли не бывший тогда еще Московскимъ профессоромъ;—они, помнится, разъ обѣдали у насъ. Не знаю, тогда ли именно отецъ мой сошелся съ нимъ, но сближеніе совершилось, конечно, на почвѣ единства религиозныхъ убѣжденій и русскаго духа. К. П. Побѣдоносцевъ оцѣнилъ въ отцѣ моемъ православнаго русскаго священника, а отецъ въ немъ вѣрующаго и русскаго по духу ученаго и дѣятеля. Доброе расположеніе К. П.—ча къ отцу моему сохранилось неизмѣнно и черезъ все время оберъ-прокурорства послѣдняго до самой смерти отца.

Въ тѣ же годы заѣзжалъ въ Прагу и былъ у насъ на дачѣ о. В. В. Лаврскій съ супругой и сыномъ;—это былъ отзвукъ дорогихъ отношеній изъ прежнихъ годовъ: о. Лаврскій былъ ближайшимъ ученикомъ и вѣрнымъ почитателемъ покойнаго арх. Феодора Бухарева ¹⁾.

Нѣкоторое время жила въ Прагѣ глубоко почтенная и благородная личность У. В. Козлова, сестра Н. В. Зиновьева, воспитателя въ дѣтствѣ Государя Александра III;—она жила изъ-за душевно-больного сына, помѣщавшагося отдѣльно; сынъ этотъ ходилъ къ намъ съ своимъ приставникомъ студентомъ-чехомъ, обѣдывалъ у насъ, присутствовалъ на все-нощныхъ, и отецъ мой читалъ надъ нимъ молитвы;—мать его не могла ему показываться, потому что это раздражало больного,—она приходила, чтобы хотя изъ сосѣдней комнаты украдкой взглянуть на сына. Въ Петроградѣ отношенія съ г-жей Козловой возобновились,—она оставалась трогательно расположенной къ нашей семьѣ и преданной духовной дочерью моего отца до свѣтлой кончины своей въ 90-хъ годахъ въ 83-лѣтнемъ возрастѣ.

Кромѣ такихъ гостей, случались въ Прагѣ люди, избѣгавшіе отца, надо полагать, по разности убѣжденій; появлялись люди съ какой-нибудь тайной въ своихъ обстоятельствахъ, неудачники, просители и, наконецъ, прямые аферисты-мошенники. Помню имя одного—нѣкоего Чернядьева, повидимому, крещенаго еврея, принявшаго по крестному отцу извѣстную въ Сибири купеческую фамилію. Онъ ду-

¹⁾ Письма къ нему арх. Феодора (А. М. Бухарева) см. далѣе въ настоящей книжкѣ „В. В.“

малъ произвести на отца впечатлѣніе множествомъ акцій и процентныхъ бумагъ, которыя небрежно выбрасывалъ передъ нимъ на столъ, но возбудилъ этимъ только подозрѣніе, и дѣйствительно, вскорѣ оказался въ Вѣнѣ въ тюрьмѣ за мошенничество.

Въ серединѣ нашего Пражскаго пребыванія переѣхала изъ Вѣны въ Прагу и даже жила одно время у пась на квартирѣ А. В. Жандрѣ;—это была личность, запутавшаяся въ своихъ дѣлахъ; изъ хорошей фамиліи, талавтливая, еще не старая, она въ это время почти не владѣла ногами и съ трудомъ передвигалась на костыляхъ; она жила работой корреспондентки Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостей, но, принадлежа къ безнадежному типу людей, не умѣющихъ соразмѣрять жизнь со средствами, вѣчно бѣдствовала, кругомъ должала, и отцу моему съ трудомъ удалось наконецъ устроить ея возвращеніе въ Россію.

Всѣхъ этихъ русскихъ посѣтителей кажется много, но они здѣсь собраны со всѣхъ восьми лѣтъ отцовскаго пребыванія въ Прагѣ, на самомъ же дѣлѣ число ихъ было всегда крайне скудно, и скучно было по русской рѣчи. Помню разъ мы съ М. Ѳ. Апраксиной зашли въ одинъ магазинъ и заговорили между собою по-русски; покупавшій что-то господинъ оглянулся и быстро спросилъ чисто по-русски: „вы русскія?“—Мы, обрадованныя, отвѣчали: „Да!—и вы русскій?“ Онъ отвѣтилъ: „почти русскій, я—полякъ“. Пріятно было, что и полякъ изъ Россіи чувствовалъ себя, значитъ, на чужбинѣ и обрадовался намъ, какъ землякамъ.—Впрочемъ позднѣе, уже безъ меня общество нашей православной колоніи стало богаче, и сестра моя рассказываетъ, что въ пасхальное разговѣнье у насъ бывало, въ послѣдніе годы, большое застолье.

Члены
причта. Но за неимѣніемъ русскаго общества мы, по крайней мѣрѣ, тѣсно сошлись внутри нашей крошечной колоніи—съ сослуживцемъ отца псаломщикомъ Н. П. Апраксинымъ и его женою. Н. П. Апраксинъ кончилъ магистромъ Петроградскую Дух. Академію, поступилъ въ псаломщики съ самаго начала, какъ и отецъ мой, а черезъ годъ вызвалъ изъ Петрограда свою сговоренную невѣсту, и они тутъ же въ Прагѣ и повѣнчались. Н. П. Апраксинъ, оставшійся потомъ и преемникомъ отца въ Прагѣ, былъ че-

ловѣкъ недюжинный—цѣльная натура, прямолинейный, горячій равно и въ симпатіяхъ, и въ антипатіяхъ, открытаго великорусскаго облика, ставшаго потомъ въ священствѣ даже выдающимся по своей благообразной красотѣ; онъ былъ исполнителемъ въ своихъ обязанностяхъ до послѣдней мелочи, велъ книги и денежные отчеты съ такою точностью, что отецъ мой, и самъ любившій порядокъ, могъ считать себя за нимъ, какъ за каменной стѣной; магистръ-академикъ не гнушался никакой по храму работы,—передъ праздникомъ онъ самъ, снявъ сюртукъ, протиралъ и чистилъ мѣломъ вмѣстѣ со сторожемъ иконы и подсвѣчники. Впоследствии у него были постоянныя столкновения со своими псаломщиками, отъ которыхъ онъ требовалъ такого же отношенія къ службѣ. Къ отцу моему онъ относился прямо съ сыновними чувствами, не садился въ его присутствіи безъ приглашенія, хотя по характеру вовсе не былъ смиреннаго и кроткаго типа;—помню обычную картину: отца моего, сидящаго слегка откинувшись въ креслѣ у письменнаго стола, и стоящаго надъ нимъ Николая Петровича, докладывающаго ему пониженнымъ голосомъ, почти на ухо, все дѣловое и нужное, и все, что узналъ интереснаго въ текущей печати или по слухамъ. Съ женою своею Н. П., послѣ неизбѣжныхъ вспышекъ изъ періода перваго года сживанія, жили душа въ душу, дѣтей не имѣли, и оба привязались къ нашимъ дѣтямъ, какъ къ своимъ. Мы стали съ ними совершенно, какъ родные. Личность М. Ѳ. Апраксиной по судьбѣ своей была очень своеобразная,—отецъ ея былъ полякъ, мать нѣмка, мѣщане по положенію; дѣтство ея прошло въ бѣдности и подъ тяжелымъ гнетомъ отца, который между прочимъ и жену свою насильно перевелъ въ католичество; выросши, М. Ѳ. пробилась въ городскія учительницы и въ домъ начальницы одного пріюта познакомилась съ будущимъ мужемъ своимъ. Передъ поѣздкой въ Прагу для бракосочетанія она приняла православіе, но была и раньше обрусѣло до неузнаваемости;—потомъ она уже совсѣмъ оторвалась духовно отъ своихъ семейныхъ и говорила намъ, что чувствуетъ насъ болѣе себѣ близкими; она была прямого и честнаго нрава, обладала природнымъ умомъ, пополнила свое развитіе обильнымъ литературнымъ чтеніемъ и, представительная по самой наружности своей, съ достоинствомъ

потомъ занимала свое общественное положеніе рядомъ съ мужемъ-протоіереемъ.

Ставъ преемникомъ отца, Н. П. Апраксинъ совершилъ великое дѣло—перевода на чешскій языкъ Новаго Завѣта съ греческаго (вмѣсто ихъ неудовлетворительнаго перевода съ латыни), затѣмъ литургіи и еще нѣсколькихъ богослужебныхъ вещей;—сдѣлалъ онъ его со всею присущею ему тщательностью и добросовѣстностью, въ сотрудничествѣ съ нѣкоторыми чехами-знатоками дѣла. Потомъ онъ въ Карлсбадѣ, на мѣсто прежней домовою, построилъ прекрасную по архитектурѣ и по избранному мѣстоположенію новую церковь. Но ему ставили въ упрекъ, что онъ, въ противоположность отцу моему, вмѣшался въ чешскія партіи; были у него непріятности и съ причтомъ, и онъ ушелъ сначала въ Женеву, а потомъ въ Бадень-Бадень, гдѣ потерялъ супругу, а потомъ и самъ, осиротѣвшій и безпомощный въ жизни безъ ея заботъ и попеченія, въ ближайшіе годы послѣдовалъ за нею. Онъ оставилъ по себѣ память въ многочисленныхъ за все время духовныхъ дѣтяхъ и почитателяхъ, высоко цѣнившихъ и любившихъ его.

О.о. діаконъ въ Прагѣ смѣнялись. Первый, поѣхавшій съ отцомъ П. П. Сперанскій изъ Кронштадта, вдовецъ съ малолѣтними дѣтьми, вскорѣ соскучился и вернулся въ Россію. Да и въ денежномъ отношеніи семейному было трудно: священникъ получалъ 3000 руб. въ годъ, діаконъ и псаломщикъ по 1000 р., и это бумажками, а не золотомъ, значитъ, въ зависимости отъ курса,—при необходимости нанимать квартиру и при дороговизнѣ жизни; курсъ же нашъ только одно время оказался высокимъ, и мы на нашу единицу получили полторы—4500 гульденовъ, а то стоимость гульдена вращалась больше около 80 коп., и значитъ, мы получали 3750 гульд., бывало же, что и того меньше. Намъ жить было можно безъ стѣсненія, хотя и скромно, но Апраксины, въ первые годы выславшіе каждый своимъ родителямъ по 10 р. въ мѣсяцъ, пробавлялись нерѣдко одними яйцами и самоварами. Съ семьєю же жить было трудно.

Второй о. діаконъ Ег. С. Морозовъ, тоже окончившій Петроградскую Академію, гармонично подошелъ подъ Пражскія условія,—благообразнаго вида, съ пріятнымъ голосомъ и служеніемъ, равный по образованію, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ

вдовъ и одинокъ. Вначалѣ все и шло отлично. Но онъ былъ какъ-то болѣзненно самолюбивъ, и на этой почвѣ разыгралась драма въ видѣ серьезной и крупной ссоры. Виноваты были женскіе члены причта, отозвавшіяся какъ-то разъ пренебрежительно объ его академическомъ образованіи, которое онъ прошелъ, уже будучи вдовцомъ-діакономъ, — и это, по сравненію, именно съ Апраксинымъ. Какъ узналъ объ этомъ о. Морозовъ, не знаю,—буря разразилась въ мою бытность въ Россіи,—но только онъ страшно оскорбился;—непримиримая вражда раздѣлила его съ Н. П. Апраксинымъ; досталось отъ него и моему отцу, кажется, даже и неприсутствовавшему при оскорбительномъ разговорѣ. Съ отцомъ моимъ онъ потомъ помирился, хотя по письмамъ видно, что больное мѣсто все не заживало; съ Апраксинымъ же онъ разошелся совсѣмъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что онъ перешелъ священникомъ куда-то тоже за-границу; потомъ онъ скончался протоіереемъ одной изъ видныхъ Петроградскихъ церквей.

Третій о. діаконъ М. В. Тополевъ пріѣхалъ въ Прагу съ молодой женою; съ нимъ у отца моего добрыя отношенія сохранились до конца нашего тамъ пребыванія; дружественно возобновилось потомъ семейное знакомство въ Петроградѣ. **Православные дру-** Кромѣ русскихъ, въ Прагѣ бывали и другіе **гнхъ народностей.** православные. Въ первый годъ нашего тамъ пребыванія, въ Прагѣ жилъ румынъ-профессоръ изъ Бухареста Г. Точилеску съ женою; — у нихъ родился сынъ, и отецъ мой крестилъ его, а меня поставили въ крестныя матери.

Года черезъ два, въ Прагу пріѣхали герцеговинки изъ Сараева; ихъ было въ первый годъ пять, во второй прибавились еще двѣ. Боснія и Герцеговина были еще тогда подъ Турціей, и одна благотворительница-англичанка устроила въ Сараевѣ школу; для подготовленія мѣстныхъ учительницъ къ этой школѣ и были отправлены въ Прагу упомянутыя дѣвушки; онѣ поступили въ чешскую школу, а по Закону Божію занимался съ ними отецъ мой. При нихъ были три англичанки; двѣ изъ нихъ, родныя сестры, жившія прежде гувернантками въ Россіи, хотя по-русски и не говорили, но встрѣтились съ нами, чуть не какъ землячки, и сошлись въ чувствахъ самага неподдѣльнаго расположенія; уже пожилыя, онѣ были веселаго, открытаго характера, уважали мо-

его отца и съ удовольствіемъ сами провожали дѣвушекъ въ нашу церковь, любя наше пѣніе и вообще нашу службу. Въ строѣ жизни ихъ питомицъ были нѣкоторыя протестантскія черты,—по стѣнамъ, надъ дверями помѣщены были въ расцвѣченныхъ буквахъ евангельскія изреченія, молились онѣ передъ обѣдомъ и послѣ, вставъ вокругъ стола со своихъ мѣстъ, какъ сидѣли, и читали молитву, опутивъ глаза передъ собою;—но это былъ естественно введенный англичанками англійскій порядокъ жизни, а вовсе не пропаганда протестантства, каковой не замѣтно было и тѣни въ этомъ, повидимому, чисто-благодѣтельномъ англійскомъ предпріятіи.

Съ этими дѣвушками я быстро и душевно сдружилась. Передъ этимъ я около полугода училась въ Высшей чешской школѣ, соученицъ было много, отношенія съ ними были хорошія, одна считалась даже близкой моею подругой и бывала у насъ. Но это все было не то. Когда же я въ первый разъ увидѣлась съ моими герцеговинками, мы даже плохо понимали другъ друга, такъ какъ онѣ говорили по-сербски, а все же сразу почувствовалось что-то родное, — единство вѣры сразу просказалось въ сродствѣ душъ.—Потомъ, когда онѣ научились по-чешски, мы безъ конца болтали съ ними о всевозможныхъ предметахъ; онѣ съ любовію рассказывали о родномъ городѣ, о родныхъ горахъ и красотѣ родныхъ видовъ, по которымъ видимо тосковали, и помню, съ какою силою онѣ говорили: „Только бы не достаться намъ Австріи, только бы не достаться Австріи,—противная Австрія!“ и онѣ ударяли кулакомъ по столу.—Съ какимъ горькимъ чувствомъ была я позднѣе свидѣтельницею сперва оккупациі, а потомъ и безсовѣстнаго захвата Австріей этихъ земель себѣ въ духовное рабство.

Бѣдныя дѣвушки не всѣ вернулись домой, — Пражскій климатъ — климатъ котловины съ застаивающимися въ ней угольной копотью и испареніями, — былъ по плечу только намъ, закаленнымъ Петроградскою атмосферою, — онѣ же, южанки, не вынесли его; три изъ нихъ таяли на глазахъ, и отецъ мой одну за другой похоронилъ всѣхъ трехъ на Пражскомъ кладбищѣ; у четвертой тоже пошла было горломя кровь, но ихъ увезли, и дома она какъ будто оправилась.

Еще были у отца ученики—Славко сербъ, славный маль-

чикъ, и болгарки Цвѣта и Петрана, тоже хорошія дѣвочки-подростки.

Заграничные Къ числу новыхъ отношеній, завязавшихся у священника: отца за-границей, принадлежитъ его знакомство съ заграничными священниками. Со многими познакомился онъ на освященіи Пражской церкви; нѣкоторые потомъ навѣщали его,—помню о. Тачалова изъ Висбадена, о. Ладни-скаго изъ Веймара, почтеннаго и симпатичнаго о. Никиту Богословскаго, пріѣзжавшаго съ дочкой изъ Гаги. Изъ мѣстечка Ироме подъ Будапештомъ, гдѣ погребена наша великая княгиня Александра Павловна, бывшая замужемъ за Венгерскимъ палатиномъ, пріѣзжалъ симпатичный и умный батюшка о. К. Л. Кустодіевъ,—отецъ мой любилъ его. Преемникомъ о. Кустодіева былъ позднѣе о. Теофилъ Кардасевичъ, навѣщавшій отца моего даже потомъ въ Петроградѣ, а теперь, судя по газетамъ, томящійся у австрійцевъ въ плѣну и даже подъ судомъ и арестомъ. — Ближе другихъ былъ отецъ мой съ Алекс. Фед. Розановымъ, Дрезденскимъ протоіереемъ; это былъ батюшка, кажется, семинарскаго образованія, простой, подвижной, веселый,—отецъ мой ѣздилъ къ нему исповѣдываться, и они видимо взаимно любили одинъ другого; пріѣзжалъ и о. Розановъ въ Прагу, и у него исповѣдывался причтъ.—Въ первые два года мать моя и я исповѣдывались у отца, хотя онъ не любилъ исповѣдывать даже домашней своей прислуги; впоследствии мать моя и М. Ф. Апраксина говѣли при благопріятныхъ случаяхъ,—напримѣръ, лѣтомъ въ Карлсбадѣ у случавшихся тамъ сербскихъ священниковъ.

Но наибольшая близость и самая тѣсная дружба образовались съ теченіемъ времени у отца моего съ протоіереемъ Вѣнскимъ—Мих. Фед. Раевскимъ. Это былъ выдающійся человекъ, значительно старше отца, такъ какъ у него въ это время всѣ дѣти были взрослыя и даже была взрослая внучка. Южанинъ по типу, черныи съ просѣдью, съ черными огненными, умными глазами, онъ былъ быстръ и властенъ въ осанкѣ и движеніяхъ своихъ. Какова была дѣятельность его въ Вѣнѣ, я знать тогда не могла, но мнѣ пришлось разъ прочесть фельетонъ одной нѣмецкой газеты, посвященный ему: тамъ говорилось о домѣ прот. Раевскаго, какъ о сборномъ пунктѣ для бывавшихъ или проживавшихъ въ Вѣнѣ

славянъ и о самоварѣ его, какъ объ опасномъ проводникѣ панславизма;—по раздраженному тону статьи выходило, что австрійцы считали его дѣятельность вредоносною, но формально придратъся не могли ни къ чему. Священствовалъ онъ въ Вѣнѣ очень долго, пріѣхавъ туда съ семьей еще до желѣзныхъ дорогъ въ омнибусѣ, и я не слыхала, чтобы у него были когда-нибудь столкновения съ дипломатическимъ своимъ начальствомъ,—такъ, значить, умно и осторожно онъ себя держалъ.

Отецъ мой ѣздилъ въ Вѣну довольно часто,—не знаю, не исповѣдывался ли даже у него о Раевскій или его супруга,—но по крайней мѣрѣ отецъ былъ въ Вѣнѣ семейно близокъ; ему пришлось улаживать тамъ нѣкоторыя семейныя нестроения, и онъ вѣнчалъ одну изъ дочерей о. Раевского съ докторомъ Нест. Дм. Монастырскимъ, — галичаниномъ, сыномъ священника, человекомъ благороднаго характера и русской идейности;—онъ потомъ профессорствовалъ въ Петроградѣ, былъ директоромъ Еленинской Клиники, много боролся съ нелюбившей его нѣмецкой партіей въ медицинскомъ мірѣ и умеръ, помнится, отъ нефрита, добровольно отдавъ себя передъ смертью на безнадежную операцію ради научнаго опыта. Н. Д. Монастырскій былъ все время близокъ съ отцомъ моимъ, отецъ мой и отпѣвалъ его и сказалъ задушевную проповѣдь, отдававшую честь благородному облику покойнаго и начинавшуюся словами „Христось воскрес!“¹⁾

Особенно же близко сошлись Раевскіе съ отцомъ моимъ семейно въ послѣдніе годы, когда вся ихъ многочисленная семья, устроясь, поразошлась въ разныя стороны и Мих. Ѳед. съ супругой своей остались одни. Они пріѣзжали къ нашимъ въ Прагу, и наши гостили семьей у нихъ, — это было уже безъ меня. Осенью 1882-го г. отецъ мой съ семьей, возвращаясь совсѣмъ въ Россію черезъ Вѣну, задержаны были тамъ болѣзнью, а затѣмъ и кончиной Анны Ѳед. Раевской. Анна Ѳед-вна, кроткая, ровная и спокойная до нѣкоторой медлительности, составляла по характеру контрасть

¹⁾ Или эта проповѣдь была позднѣе на заупокойной обѣдѣ,—сейчасъ точно не помню.

мужа,—и были они въ своемъ долготѣнномъ супружествѣ очень дружны. Въ ближайшіе затѣмъ годы о. Раевскій пріѣзжалъ въ Петроградъ и останавливался у насъ, уже въ бытность отца моего въ Казанскомъ Соборѣ. Онъ разъ сказалъ моей матери: „Смотрите, не сдѣлайте съ вашимъ мужемъ того, что сдѣлала со мной моя Анна Ѳеодоровна“. Послѣ этого онъ вскорѣ скончался и самъ.—О. Раевскій очень хотѣлъ имѣть отца моего своимъ преемникомъ, и отецъ былъ непрочъ отъ этого, но мы, семья, тянули его къ Россіи, и съ Вѣной дѣло не состоялось.

Кромѣ о. Раевского отецъ мой былъ въ добрыхъ отношеніяхъ и съ остальнымъ Вѣнскимъ причтомъ того времени,—съ о. діакономъ Евг. Вас. Соловьевымъ, поступившимъ потомъ священникомъ къ вел. княгинѣ Маріи Александровнѣ Кобургской, и съ псаломщикомъ Адоратскимъ, умершимъ потомъ уже епископомъ Николаемъ гдѣ-то на югѣ,—едва ли не викарнымъ въ Одессѣ.—Былъ еще въ Вѣнѣ одно время вдовый священникъ В. В. Архангельскій, служившій за о. Раевского,—онъ съ какими-то своими личными дѣлами или душевными состояніями много обращался къ отцу моему и читилъ его.

Кромѣ русскаго заграничнаго духовенства, отецъ мой, частію въ Прагѣ, частію въ Карлсбадѣ познакомился съ очень многими священниками изъ славянскихъ странъ—сербскими и далматинскими,—многіе изъ нихъ лечились на Карлсбадскихъ водахъ и ходили тамъ въ своихъ своеобразныхъ черныхъ рясахъ на распахку съ виднѣвшимися подъ ними широкими красными кушаками;—впрочемъ, кушаки эти были, какъ говорили, знакомъ отличія, вродѣ какъ бы протоіерейства.

Изъ славянскихъ священниковъ помню симпатичнаго о. іерея Милана Костича, австрійскаго серба и воспитанника нашей Кіевской Академіи;—онъ одинъ изъ всѣхъ хорошо говорилъ по-русски, и отношенія съ нимъ были задушевно дружественными;—онъ чувствовался своимъ, роднымъ.—Сербы-священники служивали иногда въ Карлсбадской церкви, и радостно было видѣть это единство по общности церковно-славянскаго языка: была только нѣкоторая своеобразность выговора, да еще запутывались они въ поминовеніи именъ нашего Царствующаго Дома.

Лѣта въ Прагѣ. Первые два лѣта Пражской жизни (не считая лѣта прїѣзда), мы провели на дачѣ въ получасѣ ѣзды отъ Праги, въ мѣстечкѣ Ростокахъ. Дача за-границей вещь рѣдкая; обыватели тамъ довольствуются тѣмъ, что чехи называютъ „вылетами“,—короткими поѣздками въ ближайшія окрестности, или просто пѣшимъ путешествіемъ въ какой-нибудь загородный ресторанъ подъ зелень развѣсистыхъ каштановъ. Наша дача была на горѣ, въ единственномъ почти на всемъ этомъ пространствѣ отъ Праги, лѣскѣ, не болѣе версты протяженіемъ. Подъ горой протекала Молдава.— Въ этомъ же мѣстечкѣ внизу, недалеко отъ станціи находилась и дача Браунеровъ, вся увитая дикимъ виноградомъ и окруженная садомъ.—На нашей дачѣ въ Ростокахъ переселились, кажется, всѣ русскіе лѣтніе посѣтители Праги;—отецъ съ воскресной обѣдни изъ города очень часто прїѣзжалъ на дачу съ гостями.—Во второй годъ нашей дачи съ нами жили и Апраксіны. Въ это лѣто у родителей моихъ родился въ Ростокахъ сынъ.

Карлсбадъ. Съ 1877-го г. начинаются лѣта Карлсбадскія. Карлсбадская церковь сначала единовременно, а потомъ и прочно была соединена съ Пражской, которая по малочисленности, или почти отсутствію православныхъ прихожанъ, могла закрываться на лѣто. Въ смыслѣ средствъ къ жизни это соединеніе оказало большое подспорье членамъ причта,—къ ихъ скромному Пражскому жалованью присоединились Карлсбадскія суточные, и этимъ открылась возможность семейнаго существованія и для младшихъ членовъ его. Въ смыслѣ же разнообразія и оживленія жизни мы получили особенно много. Русскихъ гостей въ Карлсбадѣ бывало большое число; мы слышали на самыхъ улицахъ и прогулкахъ дорогую родную рѣчь. А красота природы, видовъ, впечатлѣніе отъ высокихъ горъ и отъ широкихъ съ нихъ кругозоровъ, обиліе прогулокъ, лѣса и воздуха,—все было такъ пріятно.

Смѣнявшіеся въ Карлсбадѣ водные гости дали за 6 лѣтъ отцова лѣтняго тамъ служенія такое обиліе новыхъ отношеній и связей, что затруднительно обозрѣть ихъ: откуда только ни прїѣзжали русскіе люди на Карлсбадскія воды, даже изъ Сибири.

Церковь въ Карлсбадѣ была тогда домовая, и въ ней двѣ

присмежныхъ комнаты внизу для священника и по комнатѣ наверху для діакона и псаломщика. Но почти всѣ эти комнаты были непригодны для жилья отъ сырости,—церковный домъ былъ спиною тѣсно прислоненъ къ скалѣ выше его роста, и оттуда стекала въ него непрсыхавшая сырость. Только позднѣе, когда отецъ мой добился, что скала была выбита на большее пространство и образовался за домомъ болѣе значительный дворикъ, комнаты стали болѣе обитаемы. Однако мы все же жили въ наемномъ помѣщеніи.

Послѣ обѣдни у насъ въ одной изъ нижнихъ церковныхъ комнатъ подавался самоваръ, и отецъ мой приглашалъ бывшихъ въ церкви пить чай. Мать моя, всегда избѣгавшая многлюдства, предоставила мнѣ разливать его, и какихъ только людей не навидалась и рѣчей не наслушалась я тутъ! Къ отцу моему, конечно, приходили люди приблизительно соответственныхъ убѣжденій и настроенія, и разговоры, хотя были, по тону задаваемому хозяиномъ, непринужденные и оживленные, держались все же въ сферахъ болѣе серьезныхъ интересовъ, и для меня разливать этотъ чай было источникомъ умственного и духовнаго наслажденія.—Вообще, глядя теперь назадъ, я удивляюсь, какъ бесѣды, ведшіяся вокругъ отца, никогда не бывали пустыми, а всегда содержательными. И у него самого, о чемъ бы онъ ни говорилъ, хотя бы о самомъ маловажномъ предметѣ, говоримое выходило интереснымъ. Это было, конечно, потому, что съ одной стороны онъ ко всякой, и маловажной, вещи подходилъ съ наличностью въ себѣ самыхъ духовныхъ интересовъ, а съ другой, потому что былъ совершенно чуждъ фразы и выставленія своего я, и потому все, что онъ говорилъ, было свѣжо и жизненно.

Въ Карлсбадѣ отецъ мой не могъ работать надъ своими сочиненіями,—онъ считалъ своимъ долгомъ заниматься своими недугующими прихожанами,—помогалъ имъ, вмѣстѣ съ остальными членами причта, находить квартиру, доктора. ходилъ съ ними на лѣсные и загородныя прогулки, въ каковыхъ иногда участвовали и мы всею семьей, а болѣе трудныхъ больныхъ навѣщаль на дому, проводя у нихъ постели много времени, и даже раскладывалъ имъ единственный знаемый имъ пашьянсъ, однообразный и довольно скучный, но самую механичность своею особенно пригодный для раз-

влеченія людей, неспособныхъ къ большому напряженію. Самъ никогда не лежавшій больнымъ, но всегда понемногу подлечивавшійся, онъ любилъ и другимъ давать совѣты изъ своего опыта, и благодушно смѣясь, рассказывалъ намъ, какъ кто-то изъ больныхъ ему сказалъ: „Ужь вы, батюшка, врачуйте души, а тѣла оставьте“.—Кромѣ этого времяпрепровожденія съ больными, въ Карлсбадѣ и церковныхъ службъ было больше, бывали онѣ и въ нѣкоторые средніе и малые церковные праздники, бывали и заказныя обѣды, и требы.

Въ одинъ изъ первыхъ годовъ лѣтней жизни въ Карлсбадѣ составилъ особенно интересный кружокъ, въ которомъ отецъ мой проводилъ время. Это были—Ап. Ник. Майковъ, В. Неклюдовъ, тоже пожилой господинъ, занимавшій, не знаю, какое, но хорошее общественное положеніе, Елиз. Ник. Карамзина, дочь писателя и фрейлина,—старая и очень умная и интересная дама,—и при ней молоденькая Ел. Ал. Озерова. впоследствии тоже фрейлина при Государынѣ Маріи Феодоровнѣ.

Удивительно интересенъ былъ бесѣдою своею Ап. Ник. Майковъ.—онъ говорилъ умно, рассказывалъ о самой малой вещи такъ, что заслушаешься, превосходно читалъ прозу (его манера читать стихи мнѣ не нравилась) и вообще былъ живей и остроумней.—Помню одну-двѣ загородныхъ съ нимъ прогулки: въ одной изъ нихъ мы взяли на себя заказать скромный обѣдъ въ загородномъ ресторанѣ или скорѣе на фермѣ, верстахъ въ четырехъ пути по нагорнымъ лѣснымъ дорожкамъ: въ условленные часы мы съ отцомъ всею семьей и, кажется, еще Апраксины, подходили туда, не встрѣтивъ его, и уже горевали, что вышло недоразумѣніе, какъ вдругъ онъ всталъ навстрѣчу намъ съ травы у одной лѣсной часовни, гдѣ лежалъ, дожидаясь насъ.

Въ Карлсбадѣ же познакомился отецъ мой и съ Фед. Густ. Тернеромъ, впоследствии нѣкоторое время бывшимъ товарищемъ Министра Финансовъ, а по мѣсту жительства оказавшимся прихожаниномъ отца въ Казанскомъ Соборѣ. Это тоже былъ человѣкъ, выдающійся по уму и благородному характеру, убѣжденно вѣрующій, бывший членомъ Общества Любителей Дух. Просвѣщенія, интересовавшійся богословскими вопросами и самъ написавшій нѣсколько серьезныхъ

богословскихъ книгъ,—между ними одну брошюру по-нѣмецки въ защиту православія и въ отпоръ, кажется, напалкамъ Прибалтійскаго лютеранства.

Въ болѣе поздніе годы помню Ал. Фед. Гусева, Казанскаго профессора, прїѣзжавшаго и жившаго въ Карлсбадѣ, вмѣстѣ съ бывшимъ своимъ товарищемъ по Академіи прот. К. И. Вѣтвеницкимъ.—Съ А. Ф. Гусевымъ у отца моего въ послѣдствіи были постоянныя письменныя сношенія; А. Ф. прїѣзжалъ и въ Петроградъ и былъ съ супругою своею у насъ на дачѣ; и мы въ 1896 г. семейно были у нихъ въ гостяхъ въ Казани и были приняты съ самымъ сердечнымъ радушіемъ. А. Ф. Гусевъ былъ человѣкъ умный, интересный въ бесѣдѣ и съ богословскимъ, такъ сказать, чутьемъ къ чистотѣ православнаго ученія. Помню, какъ разъ, безъ отца, Ник. П. Апраксинъ и я съ нимъ, окрыляемая наличностью компетентнаго союзника, отчаянно спорили съ Ал. Фемъ по одному вопросу: дѣло шло о правѣ проповѣданія міряниномъ христіанства;—А. Ф. утверждалъ, что мірянинъ самъ по себѣ этого права не имѣеть, а я, помню, ссылалась на примѣръ св. Пины, просвѣтительницы Грузіи. Для меня нашъ съ Н. П. Апраксинымъ взглядъ казался само собою разумѣющимся, а взглядъ А. Ф-ча—абсурдомъ, — и только долго спустя поняла я его мысль, оцѣнила и признала себя неправой; онъ защищалъ передъ нами православный догматъ церковности, по которому собственно и нѣтъ вѣрующихъ, какъ обособленныхъ единицъ, а каждый есть членъ своей малой церкви, возглавляемой законнымъ своимъ пастыремъ, отъ котораго благодатно и исходитъ, доходя и до меня, въ случаѣ потребности апостольское право проповѣди, такъ что каждый мірянинъ долженъ дѣйствительно духовно взирать къ этому источнику своей правоспособности и отъ него благословляться,—иначе его миссіонерство будетъ самочиннымъ, протестантскимъ, а потому ведущимъ къ сектантству и даже еретичеству.—Но при всемъ своемъ умѣ и православномъ чутьѣ А. Ф. былъ болѣзненно самолюбивъ и раздражителенъ,—последнее, вѣроятно, не безъ связи съ болѣзью печени, отъ которой лечился;—онъ мѣнялся въ лицѣ, даже если не похвалять сдѣланную имъ покупку или оцѣнять ее ниже того, что онъ заплатилъ; много придирокъ доставалось отъ него и сожителю его, переносившему это

съ невозмутимымъ благодушiемъ.—Позднѣе, при разборкѣ отцовскаго архива, пришлось многія изъ писемъ А. Ѳча уничтожить по желчному тону его жалобъ на всѣхъ и всею вокругъ себя,—жалобъ, выражавшихъ не факты, а почти только настроеніе автора.

Въ 1880 г. у насъ въ Карлсбадѣ, вскорѣ по прїездѣ, совершилось печальное событіе—смерть 11-лѣтней сестры моей отъ дифтерита. Оказалось, что въ Карлсбадѣ и окрестностяхъ его была эта эпидемія на дѣтей, но ее скрыли изъ боязни умаленія числа водныхъ посѣтителей. Сверхъ того въ печальномъ исходѣ болѣзни виновенъ былъ докторъ Шинъ изъ русскихъ евреевъ, отлично владѣвшій русскимъ языкомъ и увивавшійся около отца моего съ видомъ рекомендаціи; онъ былъ типичный водный докторъ, краснорѣчивый, умѣвшій быть и любезнымъ, и задать тонъ и, какъ видно, достаточно невѣжественный или небрежный;—приглашенный къ ребенку, онъ ограничился традиціоннымъ касторовымъ масломъ и просмотрѣлъ причину болѣзни,—на консилиумѣ врачи-коллеги очень на него кричали;—потомъ приходило слышать, что онъ приносилъ вредъ и другимъ больнымъ.—Милая дѣвочка наша, ребенокъ горячей и открытой души подвергшаяся безнадежной операціи, сознательно причастилась, и передъ самою уже смертью, когда ее душило, вставъ на ножкахъ, перекрестилась;—не помню, что служили около нея, не соборовали ли ее,—только мать рассказывала, что не только отецъ мой, а и Н. П. Апраксинъ не могъ удержаться отъ слезъ,—мы же прочіе были въ это время удалены изъ дому.—Болѣзнь и выздоровленіе остальныхъ младшихъ дѣтей, не смотря на удаленіе заразившихся, помогли родителямъ оправиться отъ горя.—Послѣ этого весь церковный домъ подвергся коренной дезинфекціи формалиномъ, службы долго не было, и многіе русскіе боялись ходить мимо самаго дома.

Позднѣе въ Россію. Теперь, возвращаясь снова къ началу заграничной жизни, скажу о нашихъ поѣздкахъ оттуда.—Прежде всего отецъ ѣздилъ на празднованіе 50-лѣтняго юбилея дѣдушки Алексѣя Ивановича, бывшее 29 ноябр.: 1874 г.

Затѣмъ мы поѣхали всей семьей въ 1877 г.—По прїездѣ въ Прагу меня въ первый же годъ отдали въ чешскую Выс-

шую Дѣвичью Школу; но своеобразность постановки школьнаго дѣла, преобладаніе мѣстныхъ предметовъ обученія,— австрійской географіи, чешскаго и нѣмецкаго языковъ,—заставили родителей черезъ полгода взять меня оттуда и давать мнѣ образованіе дома; закономъ Божиимъ и русскимъ языкомъ занимался со мною отецъ, мы проходили съ нимъ теорію словесности, я писала ему сочиненія, и эти занятія были наслажденіемъ для меня.—И вотъ осенью 1877 г. отецъ мой предпринялъ поѣхать въ Россію, чтобы вмѣстѣ и навѣстить родителей своихъ, и отвести меня въ Кронштадтъ къ дядѣ и тетѣ Преображенскимъ для поступленія въ старшіе классы Кронштадтской гимназіи.—Намъ было печально глядѣть на семьи другихъ заграничныхъ священниковъ,—въ Дрезденѣ у о. Розанова сами родители вынуждены были говорить съ дѣтьми по-нѣмецки, потому что дѣти съ нѣмецкими нянями научались сначала этому языку; я знала еще одну дочь заграничнаго священника, очень симпатичную,—но выговоръ ея—ми, ви,—тяжело было слушать: она такъ потомъ и вышла за австрійскаго офицера. Только въ семьѣ Раевскихъ слышалась чистая русская рѣчь.—Мы, по счастью, прѣѣхали за-границу съ русскою нянею, была у насъ потомъ и вторая русская дѣвушка, такъ что малолѣтнія дѣти наши были охранены отъ утраты роднаго языка.

Поѣхавъ, мы направили путь на Москву и Хотьковъ. Были, конечно, и у Троицы. Въ Хотьковѣ дѣдушка Ал. Ив. любовался на годового, уже бѣгавшаго внука, и очень просилъ отца остаться дольше; мы же, семья, торопили его въ Петроградъ. Это было послѣднее наше свиданіе съ дѣдушкой. и какъ было жаль потомъ, что не удѣлили ему еще хоть одного дня.

Въ слѣдующемъ 1878 г. отецъ мой ѣздилъ на похороны дѣдушки,—проѣхалъ потомъ и въ Петроградъ, навѣстилъ и меня въ Кронштадтъ.—Въ 1880-мъ, кажется, году скончалась Хотьковская бабушка, и отецъ мой ѣздилъ, должно быть, опять.

Я училась въ Кронштадтѣ двѣ зимы, въ двухъ послѣднихъ классахъ гимназіи, а на лѣто уѣзжала къ своимъ въ Карлсбадъ. Въ 1881 г. меня передъ весной отпустили гостить въ Кронштадтъ, а осенью того же года—въ Петроградъ на Педагогическіе курсы. Весною 1882 г. отецъ мой

опять ѣздилъ съ семьей получать въ Московской Академіи магистерство, и возвращаясь оттуда черезъ Петроградъ, они захватили и меня съ собою.—Такъ мы были въ самыхъ живыхъ сношеніяхъ съ Россіей. Но это, кажется, еще разжигло нарастающую тоску по родинѣ,—и мы убѣждали отца торопиться переходомъ. Онъ тоже, имѣя въ виду необходимость давать образованіе остальнымъ подроставшимъ дѣтямъ, желалъ перейти; но его манила и Вѣна, куда звалъ его о. Раевскій: онъ зналъ, что въ Россіи уже не останется у него времени для ученыхъ трудовъ и общая намъ желанное возвращеніе, предупреждалъ насъ, что тамъ онъ мало будетъ принадлежать семьѣ. Но насъ въ желаніи вернуться поддерживала еще старѣвшая бабушка, мать моей матери;—и переходъ въ Петроградъ наконецъ состоялся: осенью 1882 г. отецъ мой поступилъ къ церкви Вознесенія Господня.

Служба въ Вознесенской третьимъ, но почти сряду сталъ вторымъ, потому что второй священникъ о. Предтеченскій, безнадёжно больной, вскорѣ померъ.—Сдѣланный настоятелемъ о. І. Соболевъ, одинокій вдовецъ, не захотѣлъ перемѣщаться изъ своей квартиры и отдалъ намъ настоятельскую, къ которой прилегалъ—такая рѣдкость въ Петроградѣ,—довольно порядочный садикъ и даже съ яблонями.—Ежедневное въ церкви служеніе въ чередную недѣлю не затрудняло отца; но потомъ онъ говорилъ, что ему на новомъ мѣстѣ тяжелы были нѣкоторыя требы,—особенно давать молитву родильницамъ гдѣ-нибудь въ чердачномъ помѣщеніи 5-ти или 6-тиэтажнаго дома, нестерпимо душномъ, особенно послѣ труднаго подъема по лѣстницамъ.

Вскорѣ отецъ былъ назначенъ членомъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ и всегда очень дорожилъ этой дѣятельностью, державшею его въ сферѣ духовныхъ интересовъ и въ курсѣ богословской мысли своего времени;—онъ завѣдовалъ отдѣломъ, по преимуществу, богословскимъ, и оставался здѣсь до конца. Въ позднѣйшіе годы, уже въ бытность свою въ Казанскомъ Соборѣ, при разсмотрѣніи въ Учебномъ Комитетѣ новыхъ программъ и руководствъ по Нравственному Богословію, у него создалась мысль самому написать такое руководство; онъ говорилъ, что Православнаго Нравственнаго Богословія у насъ еще не существуетъ, что все имѣе-

щееся есть ученіе о христіанской нравственности, христіанская этика, но еще не христіанское *нравственное богословіе*: задумавъ свое новое сочиненіе, отецъ мой сталъ съ одушевленіемъ и любовью разрабатывать намѣчавшійся планъ, постоянно думалъ объ этомъ трудѣ своемъ и говаривалъ, что если у него и не выйдетъ руководства по нравств. богословію, то выйдетъ все же хорошая книга. Но заниматься надъ этимъ ему приходилось урывками,—дѣятельность его была въ это время уже очень сложна,—и ему такъ и не удалось написать любимаго труда: отъ послѣдняго осталась только небольшая, отдѣланная начисто вступительная или историческая т. сказ. часть, затѣмъ два-три обдѣланные стрывка и далѣе почти одни наброски плановъ.

Участіе въ Учебн. Комитетѣ, завѣдовавшемъ назначеніемъ наставниковъ въ дух. заведенія, расширилъ кругъ знакомствъ и отношеній отца моего, и это нерѣдко въ нежелательномъ смыслѣ: въ прежнюю сферу личныхъ расположеній и духовныхъ связующихъ интересовъ стали проникать и разные искатели, которые нещрочь бывали и подольститься. Но рядомъ съ этимъ отзывчивость отца моего къ дѣйствительнымъ нуждамъ и стѣсненнымъ обстоятельствамъ начинающей молодежи дала ему, полагаю, за все время очень много случаевъ протянуть съ своего мѣста нуждавшимся благовременную руку помощи и содѣйствія.

При постуПЛеніи отца моего къ Вознесенью, кто-то, поздравляя его съ новымъ мѣстомъ, написалъ: „пятнадцать тысячъ будете получать“. Отецъ, возмущаясь этимъ обычнымъ нареканіемъ на широкіе карманы духовенства, имѣлъ терпѣніе цѣлый годъ до копѣйки записывать всю получку и потомъ показавъ запись этому господину,—сумма была, помнится, какъ разъ вчетверо меньше.

Лѣтомъ 1883 г. мы ѣздили въ Москву, къ Троицѣ и оттуда на ящицкой тройкѣ въ Переяславль, гдѣ посѣтили А. С. Бухареву и были у глубокоуважаемой игуменіи Евгеніи въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ, тогда еще тихомъ и бѣдномъ, не имѣвшемъ обшежитія, съ убогими деревянными избушками-кельями; по травѣ двора лежали разостланныя полотна, которыми между прочимъ монахини добывали себѣ пропитаніе. При нашемъ пріѣздѣ тринадцать лѣтъ спустя, уже нельзя было узнать монастыря,—такъ онъ разросся и благоустроился

благодаря энергіи своей настоятельницы и уваженію, которымъ она пользовалась.—Были мы и на Борисоглѣбскомъ кладбищѣ, гдѣ отецъ служилъ панихиду на могилѣ А. М. Бухарева, и въ Никитскомъ монастырѣ, гдѣ отцу захотѣлось познакомиться съ игуменомъ о. Наумомъ, преемникомъ архимандрита Нифонта, современника о. Теодора Бухарева. **Ждемъ** мы и видимъ приземистаго монаха въ бѣломъ подрясникѣ, съ косичками, идущаго съ пригоршнею просфоръ,—а это и былъ самъ игумень, шедшій изъ просфорной въ церковь вынуть за насъ просфоры,—простой и благодушный. Потомъ онъ надѣлъ рясу и принималъ насъ, рассказывая и показывая все: онъ произвелъ заново ремонтъ монастыря,—все было выбѣлено и выкрашено со вкусомъ; онъ только жаловался на недостатокъ помощниковъ: „не хотятъ, говорилъ, работать, все одному приходится“.—Онъ немного курилъ „въ трубу“ и говорилъ намъ: „вотъ курю, и прощаютъ мнѣ за любовь“.—Его дѣйствительно, слышно было, любили и уважали.

Служеніе въ Казанскомъ Соборѣ. Отецъ мой пробылъ у Вознесенья менѣе полуторыхъ лѣтъ: 1-го января 1884 г. онъ уже отправлялъ первое свое священнослуженіе въ Казанскомъ Соборѣ, куда былъ назначенъ настоятелемъ, гдѣ и оставался до кончины своей.—Когда митрополиту Исидору замѣтили, что отецъ мой еще молодъ для этого поста,—отцу было пятьдесятъ лѣтъ,—митрополитъ отвѣчалъ: „дольше прослужить“.

Назначеніе это было для насъ совершенно неожиданнымъ, и мы даже не хотѣли вѣрить первымъ поздравленіямъ отцовыхъ доброжелателей. Особенно радовалась и торжествовала бабушка, мать моей матери: когда-то ключаремъ въ Казанскомъ Соборѣ былъ протоіерей Андр. Ів. Окуневъ, женатый на сестрѣ ея мужа,—о. Окуневъ являлся почетнѣйшимъ родственникомъ смиреннаго Екатерингофскаго діакона, духовнымъ сановникомъ, къ которому съ благоговѣніемъ ходили на поклонъ,—и вдругъ собственный ея зять назначается настоятелемъ—бабушка даже, необычно для нея, прикрикнула на насъ, когда мы пожалѣли куръ, которыхъ держали у Вознесенья.

При поступленіи отца моего въ Казанскій Соборъ было одно щекотливое обстоятельство: вторымъ священникомъ

былъ тамъ глубокопочтенный протоіерей Константинъ Петр. Стефановичъ, при которомъ отецъ мой въ былые годы служилъ діакономъ. Отецъ мой написалъ ему письмо съ извиненіемъ въ неловкости такого положенія. Отвѣтъ этого благороднаго человѣка, который отецъ мой съ чувствомъ прочелъ вслухъ всѣмъ намъ, былъ сердечно трогателенъ: „Что вы, отецъ протоіерей“, приблизительно такъ успокоивалъ онъ моего отца. „вздумали безпокоиться такими пустяками“.—Благородный, но горячій и крутой по характеру, о. Стефановичъ перѣдко рѣзко противорѣчилъ отцу въ церковныхъ дѣлахъ на собраніяхъ причта, которыя правильно созывалъ мой отецъ; но эти столкновенія не имѣли личнаго характера и не нарушали ихъ чувствъ взаимнаго уваженія и расположенія. О. Константинъ и напутствовалъ отца моего въ день его кончины.

14 лѣтъ служилъ мой отецъ на этомъ послѣднемъ своемъ мѣстѣ, и количество дѣлъ, лицъ, отношеній, интересовъ, стекавшихся и пересѣкавшихся на этомъ новомъ его посту—прямо необозримо. Слова эти я не думаю относить къ одной личности отца;—это стеченіе происходило прежде всего отъ средоточнаго положенія самого Казанскаго Собора не только въ шумной столицѣ, но черезъ столицу стчасти и во всей Россіи; отецъ же мой съ своей стороны съ готовностью откликался на всѣ эти интересы. Сбылось его предсказаніе: мы, живя съ нимъ въ однихъ стѣнахъ, мало видѣли его;—иной разъ ждешь-ждешь минуты сообщить ему что-нибудь или нужное, или душевное,—и за цѣлый день такъ и не найдешь этой минуты. Дорожили мы обѣденнымъ столомъ, за которымъ его увидишь; но и тутъ зачастую, только онъ сядетъ,—звонокъ; а онъ не могъ заставлять себя дожидаться и сейчасъ же выходилъ къ посѣтителю;—только вернется,—второй звонокъ, иногда еще третій; отнесутъ, бывало, горячее обратно на плиту, чтобъ не остыло; а часто мы такъ и не выдержимъ,—пообѣдаемъ безъ него. Онъ, занимавшійся поздними вечерами и даже за-полночь, привыкъ отдыхать послѣ обѣда и вставалъ, благодушный и освѣженный; даже, странное дѣло, волосы у него на головѣ, такіе сѣдые послѣ утомленія, послѣ отдыха возвращали нѣсколько отбѣнокъ прежняго чернаго цвѣта. Только дѣла и посѣтители постоянно нарушали и эти часы покоя, и часто совсѣмъ безъ нужды

и безцеремонно; — тутъ ужъ мы, семейные, вооружались на его защиту и давали неумолимый отпоръ; но, бывало, стоишь его покой, убѣдишь посѣтителя явиться въ другой разъ, а отецъ и выглянетъ самъ изъ двери кабинета, и трудъ пропадетъ даромъ. Разъ прѣхалъ Московскій митрополитъ Леонтій, любившій моего отца и хорошо къ нему относившійся еще со времени своего Варшавскаго архіепископства,—а отворившая прислуга и говоритъ обычно: „нѣтъ дома“. Владыка притоинулъ на нес: „развѣ можно де митрополита обманывать,—иди буди его!“—и прислуга оторопѣла, не зная, улыбнуться ли ей или въ самомъ дѣлѣ испугаться окрика.

Лѣтомъ отецъ, можно сказать, не жилъ съ нами на дачѣ, а только навѣзжалъ къ намъ и съ теченіемъ времени все рѣже и рѣже,—въ послѣдніе годы двусуточная ночевка на дачѣ случалась разъ за лѣто; но и на одну ночь не часто прѣзжалъ онъ.—Иногда меня лѣтомъ на время оставляли хозяйничать при немъ и, совершенно почти неопытная, я на немъ училась, дѣлая промахи и угощая его иногда очень незавидными обѣдами;—и не помню, чтобы онъ хоть разъ подосадовалъ или выговорилъ мнѣ; даже не знаю, замѣчалъ ли онъ что или нѣтъ; — имѣя вкусъ и зная толкъ въ обѣдахъ, онъ въ обыденной жизни довольствовался самымъ скромнымъ столомъ, часто изъ двухъ блюдъ. Помню, какъ разъ къ нему прѣхалъ въ видахъ поставки богатый московскій купецъ, имѣвшій видъ джентльмена, и отецъ привелъ его съ собою изъ собора обѣдать; день былъ постный, обѣдъ у меня былъ въ обрѣзъ, и я не нашлась сдѣлать ничего другого, какъ влить въ двѣ тарелки ухи еще тарелку воды. Московскій гость, конечно, знакомый съ постной гастрономіей, вѣроятно, подивился и поморщился на крайній аскетизмъ трапезы казанскаго настоятеля;—впрочемъ въ этотъ разъ едва ли и отецъ мой не замѣтилъ мнѣ: „Катенька, у тебя сегодня уха что-то жидкая“.—Это временное хозяйничанье у отца, не смотря на ощущаемое лишеніе дачи, прогулокъ, природы, не смотря на трудность хозяйничанья съ неумѣлыми, случайными лѣтними прислугами, чувствовалась какимъ-то счастьемъ и поэзіей: отецъ послѣ обѣдни или сидѣлъ и пилъ чай со мною одинъ, и значить, выдавалась минута говорить ему все, что на душѣ, или

чаще приводилъ кого-нибудь изъ церкви съ собою, и было наслажденіе слушать разнообразныя умныя разговоры и нерѣдко духовныя и богословскія бесѣды.

Кромѣ собора отецъ мой былъ членомъ совѣтовъ Славянскаго, Палестинскаго, Миссіонерскаго Общества и Братства Пресв. Богородицы, и одно время предсѣдателемъ Епархіальнаго Попечительства, гдѣ имѣлъ много неприятностей и вынесъ немало волненій при ремонтѣ и надстройкѣ ветхаго попечительскаго дома, даже грозившаго опасностью рабочимъ.—Когда отецъ мой поступилъ въ Казанскій Соборъ, преосв. Алексій Литовскій совѣтовалъ ему оставить Учебный Комитетъ и отдаться всецѣло приходу; но отецъ мой возражалъ, что ему все равно дадутъ тогда другую должность менѣе по душѣ, наприм. присутствіе въ консисторіи, и сохранилъ за собою эту духовно-пріятную для него службу.

Прихожане полюбили новаго настоятеля, а изъ любившихъ его служителей есть и доннынѣ хранящіе о немъ добрую память. Голосъ въ служеніи былъ у него пріятный, и самъ по себѣ не очень громкій, онъ слышался явственно на всю церковь, такъ что евангеліе за всенощной, которое читалось тогда въ алтарѣ (откуда лучшій резонансъ), слышно бывало у самыхъ западныхъ дверей храма. Мнѣ лично грустно было послѣ него въ великія службы Крещенскаго сочельника, Двѣнадцати евангелій и Троицына Дня,—ничье уже чтеніе не замѣняло мнѣ его возвышеннаго и умилительнаго произнесенія молитвы на освященіе воды, Прощальной Бесѣды Господа и колѣнопреклоненныхъ молитвъ Пятидесятницы.—Относительно служенія онъ говорилъ, что служить литургію для него никогда не тягостно, но обиліе слѣдующихъ одинъ за другимъ молебновъ тяготило его, такъ какъ переходило въ механичность,—разъ пришлось ему безъ передышки отслужить 14 молебновъ подрядъ.—Регентъ хора зналъ, что о. настоятель просить пѣнія „попроще“;—отецъ мой, дѣйствительно, говорилъ, что оперное пѣніе мѣшаетъ ему за совершеніемъ литургіи;—но имѣя практически развитый вкусъ и пониманіе въ дѣлѣ церковнаго пѣнія, онъ съ удовольствіемъ посѣщалъ духовныя концерты и интересовался ими.—Много заботился онъ объ явственномъ чтеніи, и псаломщиковъ въ сослужители своей очереди выбиралъ съ прекрасною манерою читать. Завелъ было онъ на воскресныхъ всенощныхъ

тѣвнѣ стихирь съ канонархомъ,—очень онъ это любилъ, а, можетъ, и считалъ это болѣе понятнымъ для народа,—но, кажется, сослужители сѣтовали, что это очень затягивало службу.

У отца было много преданныхъ духовныхъ дѣтей. На его похоронахъ насъ, шедшихъ за гробомъ, все оттирали какія-то двѣ женщины въ платкахъ. И съ досадой сказала имъ, чтобы онѣ намъ не мѣшали, что мы—дочери покойнаго. Онѣ отвѣтили: „Мы тоже его духовныя дочери“, и продолжали идти;—и я получила урокъ, что священникъ, дѣйствительно, не есть принадлежность семьи своей по плоти, а сообразно слову Господа: „Кто мать Моя и братья Мои“, и онъ, пастырь, принадлежитъ прежде всего узамъ родства духовно-благодатнаго.—Есть брошюрка недавно скончавшейся Е. А. Вороновой, автора ряда духовно-психологическихъ повѣстей и очерковъ, подъ заглавіемъ „Воскресеніе души“¹⁾;—авторъ вспоминаетъ тамъ возвращеніе къ вѣрѣ одного душевно близкаго къ ней человѣка: трудно ей было убѣдить его приступить къ причащенію,—онъ поставилъ ей условіемъ найти священника, который удовлетворилъ бы его. Она обратилась „къ настоятелю одного столичнаго, трехпредѣльнаго храма, о. Александру“,—это внѣ сомнѣнія былъ мой отецъ²⁾.—О. Александръ, пишетъ она, сначала долго отказывался отъ такого труднаго дѣла, потомъ согласился,—и духовная опытность, психологическое пониманіе, а также непосредственная простота и мягкость обращенія вмѣстѣ съ должной долей пастырскаго авторитета помогли душѣ, возмущаемой до глубины колебаніями, преодолѣть всѣ духовныя препоны и причаститься послѣ 20 лѣтъ невѣрія.—Но должно быть, отецъ мой вообще избѣгалъ брать на себя чрезвычайные случаи исповѣди,—мнѣ пришлось слышать, какъ онъ кого-то, требовавшаго особаго духовнаго руководства, направилъ къ извѣстному духовнику о. Алексѣю Колоколову.—Будучи мягкимъ и христіански-нисходительнымъ, отецъ, какъ духов-

¹⁾ Петроградъ, 1914 г.

²⁾ Это подтверждается для меня и упоминаемой въ рассказѣ плащаницей посреди храма.—одно время въ Каз. Соборѣ выставлена была для сбора пожертвованій плащаница, предназначавшаяся къ посылкѣ въ Іерусалимъ.

никъ, имѣлъ, очевидно, и необходимую твердость. Такъ я слышала, какъ онъ рассказывалъ одному сопастырю о двухъ людяхъ, отлученныхъ имъ на 3 года отъ причастія;—и онъ сказалъ при этомъ что-то на ухо своему собесѣднику, — „самыя лица“, говорилъ онъ, „были у нихъ звѣрскія, ужасныя; когда же они пришли ко мнѣ черезъ годъ, лица ихъ уже были благообразными“.

Многіе обращались къ отцу съ тяжелыми духовными нуждами, — послѣ его кончины остался, кромѣ списка родныхъ и знакомыхъ, всегда имъ поминавшихся, на такой же узкой полоскѣ папки, заложенный въ молитвенныхъ книгахъ, списокъ лицъ съ чрезвычайными обстоятельствами, очевидно, просившихъ его молитвъ или возбуждавшихъ особенное его духовное участіе;—противъ cadaго имени былъ обозначенъ духовный недугъ или духовная нужда этого лица, но обозначенъ сокращенной помѣткой, понятной въ большинствѣ только писавшему. Всѣ мы, семейные, знали цѣлительную дѣйственность отцовской руки; ярко помню это ощущеніе: при головной боли, иногда нестерпимой, онъ бралъ правую руку болящей въ свою лѣвую, свою же правую клалъ ей на лобъ, — наступало умиряющее, пріятное ощущеніе, боль затихала, и часто кончалась цѣлительнымъ сномъ. Я отнюдь не думаю приписывать этого какой-нибудь святости отца моего, но съ вѣрою полагаю, что это была дѣйствующая благодать благоговѣнно отпращиваемаго священнослуженія, и думаю, что всѣ благоговѣйные іереи въ силу сана своего могутъ имѣть ее.

Были люди, немилосердно отнимавшіе у отца досугъ своими душевными изліяніями. Такъ одна дама, въ домъ которой отецъ мой давалъ уроки еще въ годы гимназической своей службы, пріѣзжая въ Петроградъ изъ Москвы, обыкновенно посылала за отцомъ или пріѣзжала къ намъ сама и сидѣла у него часами. Отецъ мой съ улыбкою говорилъ, что она не даетъ ему вставить слова, а все говорить сама. Она уже была на границѣ ненормальности, очевидно, одержима истеріей, и даже проявлялась у нея манія преслѣдованія, — ей казалось, что родныя дѣти хотятъ ее отравить. Мы страшно на нее возмущались и просили отца, чтобы онъ далъ ей, наконецъ, отпоръ. Но онъ говорилъ, что Господу угодно такое подъятіе тяготы другого, что сами дѣти и близкіе этой

особы благодарятъ его, потому что она, изливши ему всю желчь, возвращается домой умирная и благодушная.

Съ чѣмъ только ни приходили къ отцу моему. Обратился одинъ образованный и еще молодой человѣкъ, нѣкто Юнгеровъ, кажется, изъ военныхъ и по роду нѣмецкаго происхожденія, слушавшій или желавшій слушать въ Духовной академіи, — съ заявленіемъ своей готовности служить Церкви въ монашествѣ. Отецъ посодѣйствовалъ ему, въ чемъ могъ. Потомъ у этого новаго о. архимандрита Анатолія начались неудовольствія въ одной семинаріи, въ другой... Придя къ отцу въ свой пріѣздъ въ Петроградъ и не заставъ его дома, о. Анатолій меня, принимавшую его, просилъ сказать, что говорить объ немъ отецъ мой. Я, думая оказать нравственную услугу, отвѣтила, что отецъ мой находитъ, что ему рано дали начальственную должность (кажется, инспектора). Это ему не понравилось. Потомъ, уже послѣ смерти отца моего онъ оказался настоятелемъ Никитскаго въ Переяславль монастыря, и тамъ рассказывали о немъ такое, что приходила мысль о душевной ненормальности; его пришлось перевести и оттуда, и на слѣдующемъ мѣстѣ онъ, говорили, умеръ. Отецъ мой былъ вообще противъ усиленнаго завлеченія учащейся молодежи въ монашество и говаривалъ: „Дѣти наши будутъ расклебывать это“.... Монашество же онъ высоко чтить. Разъ я, возмущенная нападками на идею монашества въ свѣтской средѣ, написала апологію его и, какъ всегда, пришла прочесть написанное отцу. „Ты забыла главное“, сказалъ онъ, прослушавъ: „подвижники это—молитвенники за міръ и столпы его, — они привлекаютъ на міръ благодать Божію“. Для своего послѣдняго сочиненія онъ со вниманіемъ читалъ Добротолюбіе, — хотя неподготовленныхъ свѣтскихъ людей и вообще молодыхъ остерегалъ отъ чтенія аскетическихъ книгъ.

Объ обширныхъ дѣлахъ церковнаго хозяйства, веденія Собора и объ участіи отца въ приходской благотворительности я говорить не буду, — скажу только, — что вообще онъ былъ предпріимчивъ, искалъ новыхъ путей и дѣлалъ много опытовъ на свой засчетъ, — принимая и поддерживая разныхъ художниковъ, фотографовъ, изобрѣтателей и т. под. Въ немъ какъ бы сокрытъ былъ родникъ неиссякаемой жизненной энергіи; помню, какъ разъ послѣ отдыха, прохаживаясь по

залѣ и приглаживая у зеркала волосы, онъ, благодушный и бодрый, съ улыбкою говорилъ намъ: „ну развѣ я старый, — я молодой“. И было это едва ли не въ годъ передъ кончиной.

За время служенія въ Соборѣ не разъ приходилось ему встрѣчать въ немъ Государя Александра III и членовъ Августѣйшаго Дома. Особенно же торжественно и радостно было посѣщеніе Государемъ и Августѣйшей Семейю собора 23 октября 1888 года послѣ извѣстной катастрофы въ Боркахъ; публики въ соборъ не пускали, но онъ былъ наполненъ, были, кажется, институты и еще какія-то учебныя заведенія; отъ насъ же были — старицы нашей богадѣльни, пріютъ-школа, пустили и насъ, семейныхъ членовъ причта.

Среди массы разнообразныхъ знакомствъ и отношеній упомяну только наиболѣе мнѣ извѣстныя и въ памяти моей яркія. Такъ, возобновилось у отца моего знакомство съ Ап. Ник. Майковымъ; послѣдній обратился къ отцу моему съ дѣломъ присоединенія къ православію супруги своей; она была по происхожденію лютеранка-нѣмка, но обрусѣлая до неузнаваемости; присоединиться же хотѣла въ виду почтенныхъ уже лѣтъ ихъ обоихъ, не желая умереть въ духовной розни съ мужемъ и дѣтьми, составлявшими тѣсно-дружную семью. Отецъ мой, принимая ее на предварительную бесѣду, съ улыбкою сказалъ ей: „у васъ мужъ — наилучшій пастырь, могущій васъ подготовить“.—такъ какъ Ап. Ник. былъ, дѣйствительно, настоящій русскій православный человѣкъ, хорошо освѣдомленный въ вопросахъ вѣры и Церкви. Еще отецъ мой сказалъ ей, что уважаетъ въ протестанствѣ развиваемую тамъ дѣятельную сторону христіанской жизни и обществѣнности, что въ нашей русской Церкви высоко развитъ аскетическій идеаль, а развитія тѣхъ не хватаетъ, — когда же въ будущемъ протестантскіе теперь народы вольются въ единое русло Православной Церкви, то они уравниваются эту односторонность.

Совсѣмъ иное отношеніе оказалось у отца съ домомъ поэта Я. Полонскаго, — жена послѣдняго была по происхожденію полька и католичка, и отецъ мой, нѣкоторое время принимавшій любезныя приглашенія самого Полонскаго на его собранія, черезъ нѣкоторое время, при всей своей довѣрчивости къ людямъ, замѣтилъ, что онъ, какъ православный

священникъ, непріятный гость для хозяйки дома, и пересталъ бывать.

Изъ людей литературнаго міра помню еще у отца романиста Всева Серг. Соловьева, который интересно рассказывалъ про свою бывшую близость къ теософическому кружку Блаватской и свой разрывъ съ этимъ направлеіемъ; онъ утверждалъ, что въ чрезвычайныхъ явленіяхъ, которыя тамъ происходили, много было и обманнаго, что вообще въ этой области легко по уклону придти къ послѣднему, что сама Блаватская, для убѣжденія адептовъ, не чужда была и фокусныхъ приѣмовъ.

Ө. Г. Тернеръ оказался прихожаниномъ отца по собору, неизмѣннымъ членомъ и одно время предсѣдателемъ благотворительнаго приходскаго при соборѣ Общества. Знакомство, начатое за границей, здѣсь окрѣпло въ благородную дружественную связь,—Ө. Г. Тернеръ совѣтовался съ отцомъ моимъ въ своихъ богословскихъ трудахъ и приходилъ читать ихъ. Онъ очень цѣнилъ отца моего и занесъ впечатлѣнія отъ знакомства съ нимъ въ свои Воспоминанія,¹⁾ изданія уже послѣ его кончины. Въ одномъ отзывѣ объ отцѣ моемъ, послѣ смерти послѣдняго, онъ отмѣтилъ, что отецъ мой былъ совершенно равенъ въ обращеніи своемъ, какъ съ высшими себя, такъ и съ низшими.

Ходили къ отцу моему и другіе съ своими писаніями. Про одного отецъ мой съ улыбкой говорилъ: „Не знаю, что съ нимъ дѣлать: просить поправлять, а чуть что скажешь, начинаетъ доказывать, что надо именно такъ, какъ у него“.

Былъ и еще одинъ очень пожилой господинъ, приходившій не очень часто, но зато съ длинной какой-нибудь вещью, которую и читалъ безъ конца. Разъ мы ужасно возмутились на него: было 30-е августа, день ангела отца, день этотъ бывалъ трудный,—длинная служба, крестный ходъ въ Лавру, въ которомъ, помнится, отцу моему приходилось не разъ участвовать. Какъ бы-то ни было, но въ Александровъ день онъ всегда приходилъ домой поздно, и мы этотъ день не справляли, а проводили семейно. Вдругъ пришелъ къ отцу этотъ читатель своихъ писаній; ждемъ-ждемъ мы изъ кабинета своего

¹⁾ Воспоминанія жизни Ө. Т. Тернера. изд. М. Т. Ө. Тернеръ. Спб. 1910—11 г.

именинника, котораго почти не повидали, былъ у насъ кое-кто изъ ближайшихъ родныхъ,—а отца безъ конца зачитываетъ авторъ. Наконецъ онъ кончилъ, ушелъ, и отецъ вышелъ къ намъ къ чайному уже столу. И что же!—несколько позднѣе встрѣчаю я этого господина въ одномъ уважаемомъ домѣ; заходитъ рѣчь объ отцѣ моемъ; господинъ этотъ и говоритъ хозяйкѣ дома: „знаете, я не изъ его почитателей!“ Вижу я, что хозяйка, его родственница, толкаетъ его подъ столомъ ногой, чтобы онъ не распространялся, а потомъ и называетъ ему, кто я. Онъ замаялся, хотѣлъ какъ-то затушевать свои слова,—мнѣ же было смѣшно сопоставить это его „несочувствіе“ моему отцу съ тою безцеремонностью, съ какою онъ отнималъ у послѣдняго время. Отецъ же мой, по поводу всѣхъ подобныхъ доходившихъ до него неблагопріятныхъ отзывовъ или недоброжелательства припоминалъ текстъ: „Горе вамъ, если всѣ будутъ говорить объ васъ хорошо“.

Приходилъ иногда съ какой-нибудь своей статьей Николай Петровичъ Семеновъ, сенаторъ и авторъ большого труда по освобожденію крестьянъ; но его отецъ мой любилъ, и тотъ отца, видимо, также. Еще отецъ мой цѣнилъ свои близко дружественныя отношенія съ сенаторомъ П. Ив. Соломономъ и супругою его,—едва ли не знакомыми ему съ годовъ 1-й гимназіи. Но съ сыномъ ихъ А. Б. С. отецъ мой разошелся изъ-за Вл. С. Соловьева, котораго тотъ былъ крайній почитатель. Дѣло коснулось увлеченія Вл. С. С-ва католичествомъ; отецъ мой былъ возмущенъ вышедшей за-границей книгою послѣдняго *l'a Russie et l' Eglise Universelle* (Paris 1885),—возмущенъ не только самымъ увлеченіемъ его папизмомъ, но и передержками въ цитированіи имъ св. отцовъ. Отецъ мой, всегда терпимый и чуждый фанатизма и по убѣжденію, и по характеру своему, на этотъ разъ возмутился рѣчами Саломона младшаго и счелъ себя вынужденнымъ встать и уйти. Позднѣе, тоже близко знакомый съ отцомъ М. П. Соловьевъ, желая, вѣроятно, примирить его съ именемъ Вл. С. С-ва, принесъ ему одно изъ позднѣйшихъ сочиненій послѣдняго и „Оправданіе Добра“. Отецъ мой, прочитавъ, остался очень доволенъ ¹⁾.

¹⁾ Вл. С. С-ва, какъ пришлось мнѣ слышать отъ непосредственнаго слышателя, отрекался, потомъ отъ папизма; но вина лежитъ на дѣмъ, что онъ не сдѣлалъ этого печатно.

Въ 80-хъ годахъ довольно долго гостилъ у насъ, знакомый тоже изъ старыхъ годовъ, о. Аристархъ Александровичъ Израилевъ, и даже нерѣдко служивалъ за отца. Это былъ замѣчательный батюшка, уже старецъ въ это время, но еще живой и бодрый; совсѣмъ почти лысая голова, довольно окладистая сѣдая борода и какой-то милый взглядъ блестящихъ глазъ съ мелкими вокругъ нихъ лучами морщинокъ. Это знакомство было наслѣдіемъ отъ Ал. Матв. Бухарева, который сблизился съ нимъ въ Ростовѣ, гдѣ о. Аристархъ долго священствовалъ, кажется, въ женскомъ монастырѣ. Въ Петроградѣ о. Аристархъ пріѣхалъ по дѣлу. Едва ли не уроженецъ Ростова, знатнаго своимъ потнымъ колокольнымъ звономъ, о. Аристархъ явился тоже самоучкой-изобрѣтателемъ въ этой области. Обладая изумительно тонкимъ слухомъ, онъ умѣлъ настраивать колокола по гаммѣ и сверхъ того изобрѣлъ физическій приборъ, опредѣлявшій колебанія звука съ точностью, въ десять разъ превосходящему приборъ сирену. Объ этомъ своемъ изобрѣтеніи онъ, по приглашенію, дѣлалъ докладъ въ собраніи специалистовъ въ Соляномъ Городкѣ¹⁾, и нашъ родственникъ, профессоръ математики В. В. Преображенскій²⁾ выражалъ намъ свое сочувственное удивленіе изобрѣтенію и изобрѣтателю. Самъ же изобрѣтатель рассказывалъ о своемъ выступленіи въ научномъ мірѣ съ самою невозмутимою и простодушною скромностью: „вышелъ я, говорить, и мнѣ похлопали; потомъ объяснилъ, показалъ свой приборъ, — и еще похлопали“. Жилъ же онъ долго въ Петроградѣ по другому дѣлу: ему поручено было настроить колокола въ Аничковомъ дворцѣ, — для этого онъ ходилъ въ литейное отдѣленіе арсенала и тамъ рабочіе, по его указаніямъ, обтачивали и стачивали колокола въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ указывалъ о. Аристарху его слухъ. По выполненіи работы онъ долженъ былъ съ своими колоколами представляться Государю. Съ блестящими глазами рассказывалъ онъ намъ потомъ объ этомъ представленіи. „Я, — говорить, — когда они вошли, видѣлъ, что рядомъ съ Государемъ кто-то невысокій ростомъ и зналъ, что это Государыня, но какъ взглянулъ прямо въ глаза Государю, такъ ужъ не

1) Музей.

2) Одесскаго, а одно время Казанскаго университета.

хотѣлъ оторваться, все время на него одного и смотрѣлъ“. Государь Александръ III пожаловалъ ему дорогой украшенный крестъ, а Государыня—перстень.

Будучи преданнымъ дѣлу членомъ Славянскаго Благотворительнаго Общества, отецъ мой сошелся тамъ со многими его дѣятелями и сочленами, — частью возобновляя старыя отношенія, частью вступая въ новыя. Ив. Петр. Корниловъ нерѣдко приходилъ къ отцу въ наши урочные вечера четверговъ и отецъ мой посѣщалъ его субботнія собранія, гдѣ много бывало людей подходящаго склада и направленія.

Близкія дружественныя отношенія завязались у отца съ бывшимъ довольно продолжительное время предсѣдателемъ Общества графомъ Ник. Павл. Игнатьевымъ, этимъ до мозга костей русскимъ человѣкомъ, славнымъ своею прежнею дѣятельностью въ бытность свою посломъ въ Константинополь; мы за границей были свидѣтелями, какъ грозно было въ свое время его имя для австрійцевъ, головокружительно боявшихся его политики, стойкой за русскіе интересы и за тѣсно связанную съ ними славянскую идею. Братъ Ник. П.—ча П. П. Игнатьевъ состоялъ довольно долго старостой Карлсбадской церкви и черезъ это тоже близко сошелся тогда съ отцомъ моимъ.

Не прекратились у отца моего связи и съ оставленной Прагой;—наѣзжали оттуда иногда чешскіе представители, а главное, преемникомъ отца тамъ былъ столь тѣсно сжившійся съ нимъ Н. П. Апраксинъ; постоянной дѣятельной перепиской о. Апраксинъ освѣдомлялъ отца моего о всѣхъ текущихъ у себя дѣлахъ въ подробности, обращаясь къ нему во многомъ и за содѣйствіемъ, каковое отецъ мой и оказывалъ ему съ полною готовностью. Одинъ разъ Апраксинъ пріѣзжали сами въ Петроградъ.

Были у отца и другіе заграничныя гости,—пріѣзжали изъ Америки и посѣщали отца, по его положенію настоятеля въ Казанскомъ соборѣ, англиканскій пасторъ Хэль (Hale), бывшій потомъ тамъ у себя и епископомъ, а годъ или два спустя — пасторъ Вальтеръ Бэкеръ (Walter Baker). Пасторъ Хэль былъ особенно симпатиченъ и, какъ чувствовалось, болѣе православно настроенъ; онъ относился и къ отцу лично, и ко всему у насъ въ Церкви очень сочувственно; онъ убѣждалъ отца моего согласиться взаимно поминать другъ

друга у св. престола; отецъ мой, относившійся къ нему тоже съ живымъ сочувствіемъ, промолчалъ однако на это предложеніе, не желая, вѣроятно, ни отрицаться такой молитвы въ смыслѣ личнаго сочувствія, ни давать этого взаимнаго обязательства, что было бы уже самовольнымъ вступленіемъ въ общеніе съ инославнымъ духовнымъ лицомъ. Пасторъ Бекеръ былъ болѣе протестантствующимъ, онъ обращался къ отцу моему съ критическими замѣчаніями. Такъ онъ оговорилъ наше причащеніе младенцевъ. Отецъ мой возразилъ, что Господь заповѣдалъ: „Оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ и не возбраняйте имъ“.

Естественно возобновились у отца, въ силу уже дѣловыхъ соприкосновеній, отношенія съ К. П. Побѣдоносцевымъ, причемъ оказавшаяся разница положеній ничѣмъ не омрачила ихъ за все время,—отецъ мой свободно шелъ къ К. П.-чу со всякимъ нужнымъ дѣломъ, съ просьбою, ходатайствомъ, даже разоблаченіемъ иныхъ злоупотребленій, про которыя приходилось узнавать, и К. П. тоже обращался къ нему по разнымъ поводамъ и съ порученіями. Такъ, помню, онъ прислалъ ему на просмотръ одинъ заграничный памфлетъ на наше церковное устройство. Еще одно время было, по какимъ-то доносамъ или инсинуаціямъ, гоненіе на одного профессора нашихъ Курсовъ; К. П., быть можетъ потому, что узналъ отъ отца моего, что дочь его на Курсахъ, поручилъ ему просмотрѣть лекціи профессора; отецъ мой, взявъ ихъ отъ меня, внимательно перечелъ и разубѣдилъ К. П.-ча вполне благопріятнымъ отзывомъ. — Не мнѣ, конечно, оцѣнивать или критиковать личность К. П. Побѣдоносцева, но скажу, что я, такъ сказать, выросла въ уваженіи къ его имени и изъ всего, что объ немъ слышала, составила себѣ представленіе, что это былъ человѣкъ, которому можно было говорить въ глаза правду, а это—несомнѣнная печать благородства духа.

Въ 1893-мъ году расширился и нашъ семейный кругъ новымъ членомъ — зятемъ нашимъ Ал. А. Завьяловымъ, служившимъ тогда секретаремъ въ Синодѣ;—дорогой этотъ человѣкъ сразу вошелъ въ семью, какъ свой, и отецъ мой очень полюбилъ его и цѣнилъ его талантливость. Бывало, сестра моя, шутя, обижалась, когда отецъ, видя ее, пришедшую одну, встрѣчалъ ее вопросомъ: „А что же Алексѣй?“

Съ своей стороны А. А., кажется, даже не помнившій матери и давно уже потерявшій отца, относился къ тестю съ самыми сердечными сыновними чувствами.

По званію настоятеля собора отецъ мой приглашалъ послѣ обѣдни къ чаю служившихъ въ храмѣ архіереевъ. Въ храмовые же оба праздника въ нашей квартирѣ устраивалась трапеза отъ Собора. Поэтому онъ знакомъ былъ съ очень многими архіереями. Особенно близкія отношенія завязались у него съ высокопреосв. Веніаминомъ Иркутскимъ. Преосв. Веніаминъ былъ глубоко почтенный старецъ, еще въ бодрыхъ силахъ; одно время онъ часто заходилъ къ намъ, потому что въ церковномъ домѣ надъ нами жилъ художникъ И. А. Тюринъ, писавшій съ него портретъ. Преосв. Веніаминъ былъ съ отцомъ откровененъ въ бесѣдахъ и письмахъ, но насъ, семейныхъ, стѣснялся и сторонился. Дѣятельная переписка была съ нимъ у отца моего по дѣлу росписи Иркутскаго собора,—владыка черезъ него заказывалъ запрестольную и мѣстныя иконы у художника И. К. Макарова; съ этимъ заказомъ отцу не мало было безпокойства, потому что хотя И. К. Макаровъ былъ художникъ хорошій и человѣкъ почтенный, но обремененный громадною семьей, онъ вѣчно нуждался въ деньгахъ, бралъ ихъ впередъ, а изъ Иркутска отцу посылались пени за замедленіе работъ. И въ итогъ это стоило отцу значительной суммы, такъ и оставшейся въ долгу.

Помню, какъ былъ у отца Одесскій архіепископъ Никаноръ (Бровковичъ) и далъ ему свою противокатолическую брошюру со словами или чуть ли не съ надписью: „твоя отъ твоихъ“,—выражая этимъ, что пользовался отцовскими сочиненіями по этимъ вопросамъ.

Удивительно сердечно относился къ отцу и ко всѣмъ намъ семейнымъ, ректоръ Академіи преосв. Іоаннъ (Кратировъ), знакомый съ отцомъ по Московской Академіи.

Преосвященный Антонинъ Псковской, бывшій товарищемъ по Академіи преосв. Алексія Литовскаго, глубоко почтенный сѣдовласый старецъ, радушно принималъ насъ семьей, кажется въ 1893 г., у себя въ Псковѣ на дачѣ — на Снятной горѣ, рѣдко живописной, на отвѣсно падающемъ глубоко внизъ нагорномъ берегу рѣки Великой. Мы ночевали у него тамъ ночей пять и сдѣлали для него открытіе въ его

саду роскошнаго малинника, чуть не въ ростъ человѣка. Послѣ этого и онъ пошелъ туда съ отцомъ моимъ и, углубившись въ кусты, они срывали ягоды и бесѣдовали между собою. Владыка и гулялъ съ нами разъ по дорогѣ—по нагорному берегу Великой, мимо деревни, — въ свѣтлой лѣтней одеждѣ и широкополой соломенной шляпѣ, онъ имѣлъ величавый видъ сѣдовласаго патріарха во всемъ бѣломъ. — Кухню велъ у него поварь, пережившій пятерыхъ архіереевъ; владыка называлъ его не иначе, какъ „Яковъ Ѳеодорычъ“. Поварь этотъ угощалъ насъ, гостей, городской кухней, и на вопросъ владыки что-то о столѣ, мы съ матерью разъ высказали, что для насъ не надо беспокоиться, что мы любимъ все простое—творогъ, яйца, кашу. „И я все это люблю“, какъ бы съ сожалѣніемъ высказалъ преосвященный, „а вотъ Яковъ Ѳеодорычъ ужъ готовить что знаетъ“. — Видно было, что поварь, пережившій пятерыхъ архіереевъ, полагалъ, что лучше владыки понимаетъ, что приличествуетъ архіерейскому столу, и не допускалъ вольностей.—За столомъ разъ къ слову отецъ мой обмолвился: „охъ ужъ эти мнѣ архіерейскія службы!“ разумѣя всю суету, сопряженную въ Соборѣ съ ихъ парадомъ,—обмолвился и сейчасъ же спохватился: „Ахъ, извините, Владыко!“—Преосвященный благодушно промолчалъ.

У преосвященнаго Антонина отецъ познакомился съ почтеннымъ Псково-Иечерскимъ архимандритомъ Меѳодіемъ, котораго, какъ я узнала уже послѣ, многіе почитали, какъ благочестиваго и святаго, и вѣрили въ силу его молитвъ. О. архимандритъ пригласилъ насъ посѣтить монастырь, а когда мы пріѣхали, певалъ отцу, что тотъ не предупредилъ телеграммой, что у него ничего не приготовлено для угощенія. Но радушно предложенная трапеза оказалась такою преизобильною сельскими неподдѣльными яствами, что отецъ только качалъ головой, глядя, какъ мы поддались непредвидѣнному искушенію.—О. Архимандритъ ходилъ показывать намъ монастырь, интересный и исторически, и замѣчательный по своему положенію—какъ бы въ щели или котловинѣ, пробитой въ песчаникѣ глубокимъ ручьемъ.

Въ архивѣ отца моего остались письма нѣсколькихъ архіереевъ,—иныя случайныя; но съ писавшимъ къ нимъ преосв. Саввою Тверскимъ, отецъ былъ, кажется, болѣе близко знакомъ.

Какъ-то въ 90-хъ г.г. митрополитъ Московскій Сергій, бывшій начальникъ отца по Академіи, звалъ было его въ Москву протопресвитеромъ въ Успенскій Соборъ; отецъ мой соглашался и даже говорилъ, что, можетъ быть, ему, москвичу, слѣдуетъ въ Москвѣ и окончить службу и жизньъ свою. Но стороною онъ узналъ, что тамъ предполагаются реформы въ положеніи соборнаго причта и настоятеля его, огорчился скрытностью дѣла и отказался. Кажется, и митрополитъ Сергій послѣ этого отказа былъ холоденъ къ отцу.

Путешествія съ отцомъ продолжали быть для всѣхъ насъ поэтическими страницами жизни;—ими онъ, какъ бы восполнялъ себѣ отсутствіе лѣтняго ваката. Многія изъ нашихъ поѣздокъ онъ приурочивалъ ко дню своего рожденія 4-го августа.—Такъ въ 1886 г. мы ѣздили съ нимъ дней на пять въ Новгородъ, гдѣ останавливались въ Юрьевомъ монастырѣ у почтеннаго архимандрита Исаи, бывшаго, кажется, старшимъ курсами товарищемъ отца по Виѣанской семинаріи;—интересна была бесѣда о. Исаи о разныхъ достопамятныхъ случаяхъ изъ жизни своей и другихъ.—Въ верхнихъ покояхъ монастыря хранились вещи графа Орлова-Чесменскаго, оставшіяся отъ дочери его графини Анны, умершей въ самой церкви монастыря;—отецъ мой, увидавъ тамъ подзорную трубу, вытащилъ ее на балкончикъ и наводилъ на одну звѣзду, все убѣгавшую изъ поля зрѣнія, и на луну; о. Исаія, взглянувъ на луну, подшутилъ надъ нашимъ увлеченіемъ: „вонъ говоритъ, поле, и коровушка пасется“.

Въ началѣ 90-хъ годовъ мы такія же пятидневныя путешествія совершили на Иматру, а въ слѣдующій годъ — на Валаамъ.—На эти короткія поѣздки отецъ не бралъ формальнаго отпуска, а сказывался только, кому слѣдуетъ. — Нерѣдко онъ колебался оставлять Соборъ, и тогда бросалъ жребій, — что дѣлалъ и въ другихъ серьезныхъ случаяхъ: онъ писалъ на двухъ бумажкахъ—ѣхать—не ѣхать — полагалъ ихъ къ иконамъ и, помолясь, вынималъ.

Но болѣе всего отецъ поддерживалъ сношенія съ бывшими мѣстами служенія и ѣздилъ въ Карлсбадъ, — какъ для отдыха, такъ и для пользованія водами въ видахъ обозначившагося въ организмѣ излишняго процента сахара;—бывая же въ Карлсбадѣ, непременно заѣзжалъ и въ Прагу. За-границу онъ ѣздилъ въ годы 1885, 87, 89, 91, 95 и 97.

Въ 1887 г. на обратномъ, кажется, пути изъ - за границы онъ проѣхалъ на Волынь въ чешскія поселенія, гдѣ передъ тѣмъ было движеніе чеховъ къ православію, чему, изъ бѣзны вѣроятна новаго дѣла и новыхъ хлопотъ, препятствовали мѣстныя полицейскія власти. Отецъ мой вернувшись, дѣлалъ докладъ и начальству, и въ Славянскомъ Обществѣ. На Волыни онъ познакомился съ нѣсколькими лицами мѣстнаго духовенства и семьями принявшихъ православіе чеховъ, — въ иныхъ его пригласили въ воспріемники ихъ дѣтей, — и у отца были потомъ записаны имена этихъ крестниковъ для постояннаго поминовенія. На пути въ Волынь или обратномъ отецъ останавливался въ Кіевѣ, гдѣ былъ у него знакомый по Карлсбаду протоіерей о. Петръ Лебединскій.

Въ 1891 г. отецъ изъ Карлсбада и Праги проѣхалъ въ Бѣлградъ къ преосвящ. митрополиту Сербскому Михаилу, котораго очень чтилъ за его исповѣдничество. Преосв. Михаилъ пострадалъ при королѣ Миланѣ, защищая неприкосновенность канонныхъ церковныхъ отъ посягательствъ послѣдняго; онъ былъ изгнанъ, или вынужденъ самъ уѣхать въ изгнаніе; — онъ уѣхалъ въ Россію. — Относительно пребыванія его въ Россіи отецъ мой горько сѣтовалъ на нашихъ іерарховъ, изъ которыхъ многіе принимали митрополита Михаила пренебрежительно, ставили въ сослуженіи низко, обращались, какъ съ просителемъ, ищущимъ милости, между тѣмъ какъ онъ былъ доблестнымъ страдальцемъ за свободу церкви. — Описывая свой пріѣздъ въ Бѣлградъ, отецъ мой рассказывалъ о простотѣ жизни митроп. Михаила; „пришелъ я“, говоритъ, въ приходжую, — никого нѣтъ, и доложить некому, а потомъ онъ самъ, въ подрясникѣ, и выглянулъ изъ своего кабинета, слыша, что кто-то пришелъ. „А!“ говоритъ: „отецъ протоіерей!“ — и принялъ отца съ сердечнымъ радушіемъ.

Въ 1886 г. отецъ съ нами совершилъ большую поѣздку — въ Нижній-Новгородъ, Казань, Переяславль, Троице Сергіевскій Посадъ, Хотьковъ и Москву. — Въ Нижнемъ мы осматривали ярмарку. — Въ Казань отецъ мой поѣхалъ для свиданія съ профессоромъ П. В. Знаменскимъ, послѣ того какъ тотъ прислалъ ему свою статью объ о. Теодорѣ — А. М. Бухаревѣ, по случаю исполнившагося 25 - лѣтія памяти послѣдняго. Отцу моему статья такъ понравилась, что ему непремѣнно захотѣлось познакомиться лично съ ея авторомъ,

Отецъ мой вмѣстѣ со мною былъ въ домѣ проф. Знаменскаго, и ихъ бесѣда, и вся обстановка, и привѣтъ гостеприимной хозяйки, тоже интересовавшейся предметомъ бесѣды,—оставили во мнѣ самое поэтическое воспоминаніе.—Въ слѣдующемъ году проф. Знаменскій навѣстилъ отца моего въ Петроградъ.

Заграничная поѣздка 1897-го года была у отца знаменательною и вмѣстѣ послѣднею;—знаменательною, потому что онъ предстоятельствствовалъ въ Карлсбадѣ на освященіи прекраснаго новаго русскаго храма, построеннаго тамъ стараніями о. Н. П. Апраксина; — отецъ мой только что недавно получилъ митру и въ ней совершилъ торжественное освященіе въ сослуженіи большого числа заграничнаго духовенства. Это было весной, а въ концѣ года онъ уже захворалъ послѣднею своею болѣзнию.

Болѣзнь и кончина. Болѣзнь открылась какъ-то въ декабрѣ сильнымъ сердцебіеніемъ, заставившимъ отца моего лечь и пригласить врача. Первый, случайно приглашенный докторъ, выслушавъ больного, ушелъ и больше не явился,—испуганный тѣмъ, что онъ открылъ. Еще три гола назадъ нашъ домашній врачъ, выслушивая отца, говорилъ: „у васъ сердце, какъ у юноши“,—за этотъ срокъ все измѣнилось до неузнаваемости. Отецъ говорилъ: „не труды насъ убиваютъ, а неприятности“, и это отчасти сбылось надъ нимъ: обиліе дѣловыхъ отношеній по разнымъ его должностямъ, большая сложность церковнаго соборнаго хозяйства, все это соединялось съ неизбѣжными волненіями, столкновеніями, разногласіями; были, конечно, и разныя обстоятельства частной жизни, оставлявшія послѣ себя слѣды.

Когда у отца припадокъ сердцебіенія прошелъ, онъ продолжалъ свое служеніе, и пришлось ему пойти причащать въ высокой этажъ; запыхавшись и распахнувши шубу, онъ, на почвѣ ослабленнаго сердца, захватилъ крупозное воспаленіе легкихъ. Приглашенные на консилиумъ профессора сразу же сказали намъ, семейнымъ, что состояніе сердца безнадежно. Отецъ мой такъ и не узналъ этого приговора, но будучи еще полонъ жизненныхъ силъ и ясности сознанія, сказалъ намъ, что на каждую болѣзнь надо смотрѣть, какъ на послѣднюю, пожелалъ пригласить своего духовника—о. іеромонаха изъ часовни,—исповѣдался и приобщился;—это было передъ самымъ Рождествомъ.

Наступила длительная, трехмѣсячная болѣзнь съ колебаніями;—положеніе больного было тягостно не отъ боли, а отъ полной невозможности лечь и уснуть,—потому что при сильномъ утомленіи и желаніи спать кашель и одышка не позволяли этого. Но отецъ мой переносилъ болѣзнь удивительно терпѣливо;—мы не слыхали отъ него и слова жалобы. Сначала отецъ занимался—и церковными дѣлами, и своимъ планомъ Нравственнаго Богословія, и мы съ братомъ читали ему вслухъ относящіяся къ предмету сочиненія; но постепенно силы его слабѣли, бессонница отнимала свѣжесть мысли, и наконецъ онъ, при полномъ сознаніи оказался не въ состояніи сосредоточиваться на умственной работѣ.—Два раза, кажется, за время болѣзни посѣтилъ отца моего о. Іоаннъ Кронштадтскій, по возстановленіе прежнихъ силъ, по очевидному опредѣленію Божію, было невозможно, продленіе же жизни при необходимости идти въ отставку, „за-штатъ“, было бы для отца крайне тяжело;—онъ и то страдалъ во время болѣзни, что отлученъ былъ отъ службы и церкви, и мы рады были, что онъ въ такомъ состояніи не дожилъ до великихъ дней Страстной и Пасхи.

2 февраля у отца было еще такое улучшение, что онъ вышелъ въ соборъ; но этимъ, кажется, онъ повредилъ себѣ.—На 1-ой недѣлѣ Великаго поста мы убѣдили его еще причаститься. Наконецъ, на 6-ой недѣлѣ тяжелое его дыханіе, слышное за нѣсколько комнатъ, побудило насъ предложить отцу пособороваться. Онъ настолько не сознавалъ серьезности своего положенія (что, говорятъ врачи, свойственно больнымъ, умирающимъ отъ удушья), что возразилъ намъ: „Прихожане подумаютъ, что я умираю“.—Однако онъ потомъ принялъ эту мысль, и сталъ говорить, что надо все это хорошо обдумать, кого пригласить, и назначилъ совершить это въ Благовѣщеніе. Но 23-го утромъ его дыханіе было такъ тяжело, что мы съ зятемъ рѣшили предложить ему еще причаститься. Въ 4 ч. утра подошли мы къ нему съ этимъ. Онъ спросилъ у насъ: „Развѣ я такъ плохъ?“—Мы отвѣчали: „Да“. Онъ замолчалъ и отвернулся.—Въ половинѣ шестого мы всѣ рѣшили сами отъ себя пригласить со св. Дарами дверь объ дверь жившаго съ нами рядомъ о. Константина Стефановича. Онъ пришелъ, а отецъ сталъ отказываться. Стало жутко,—

впечатлѣніе было такое, словно кто, пользуясь болѣзненной удрученностью сознанія, хочет похитить у умирающаго поблѣднее причастіе;—отецъ, все же не сознавая такой близости конца, говорилъ, что ему къ причастію надо приготовиться,—разумѣя, что его все время питали—кефиромъ, ветчиной, яицами. Горячій о. Константинъ воскликнулъ: „Разъ онъ не хочетъ, не надо“, и повернулся уходить. Но отцу стало, очевидно, жалко отсылать св. Дары, и онъ согласился причаститься. Онъ выслушалъ всѣ молитвы передъ и послѣ причастія, прочитанныя ему зятемъ, причастился, стоя,—и сразу же на глазахъ нашихъ наступила радостная перемяна: онъ спросилъ чаю, благодушно выпилъ небольшую чашку его съ краснымъ виномъ, взялъ кусочекъ блага хлѣба, потомъ сказалъ: „Теперь я лягу“; — и въ первый разъ легъ прямо на спину и протянулся; по его желанію, мы развязали и сняли съ груди его всѣ компрессы и вату, и онъ сказалъ: „Вотъ теперь мнѣ хорошо!“ и закрылъ глаза. Лежа, онъ попросилъ насъ прочесть какія-то стихиры; мы не разобрали,—голосъ былъ слабъ,—и сказали, что зять вернется (онъ ухалъ по дѣламъ), онъ ему и скажетъ. Еще отецъ сказалъ разъ: „Дѣти мои духовныя пришли“—что это было,—встававшие-ли образы полусна, или, дѣйствительно, какъ есть повѣрье, отходящую душу пришли встрѣчать души обязанныхъ ему духовныхъ дѣтей, — Господь знаетъ! Потомъ отецъ началъ, (и все съ закрытыми глазами), говорить Богородичный молебень, рѣдко, отдѣльными словами, дошелъ до евангелія которое прочелъ все болѣе и болѣе прерывавшимся голосомъ и послѣднія слова повторилъ два раза: „И возвратися въ домъ свой... И возвратися въ домъ свой“. Дыханіе у него уже приостанавливалось. Я побѣжала опять за о. Константиномъ просить отходную. Тотъ такъ и всплеснулъ руками, едва повѣря,—такимъ еще крѣпкимъ видѣлъ онъ отца моего во время причащенія. Отецъ, сдѣлавъ два-три рѣдкихъ вдоха, скончался — такъ, какъ и былъ, съ закрытыми глазами, и лицо его было такое мирное и дѣтски-спокойное, и кончина такая прекрасная, что мы даже не могли чувствовать въ эту минуту горечи утраты. Отецъ мой скончался въ половинѣ десятаго,—часа черезъ три послѣ св. Причастія. Его кончинѣ не хотѣлъ вѣрить и пришедшій за порученіями

церковный сторожъ, который видѣлъ, какъ въ это же утро отецъ мой вставалъ и шелъ съ помощью посоха и какъ умылъ лицо въ поданной ему чашкѣ.

Въ большихъ залахъ настоятельской квартиры нашей, душно было отъ множества свѣчей на панихидахъ и сотень, и сотень молящихся; отъ духоты тѣло стало портиться уже на другой день, а мы не знали тогда средствъ, которыя принимаютъ въ этихъ случаяхъ; но въ этомъ была и успокоительная сторона: мы могли не сомнѣваться въ кончинѣ. Вечеромъ въ самое Благовѣщеніе былъ выносъ, и бывший на немъ Влад. Карл. Саблеръ, знакомый съ отцомъ еще со времени веденія дѣлъ Карлсбадской церкви, указалъ намъ, дѣтямъ, въ утѣшеніе на то, какими радостными словами заключилось передъ выносомъ надгробное чтеніе евангелія. „И се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка“.

Не мнѣ оцѣнивать и восхвалять моего отца, скажу только, что я чувствовала себя за нимъ въ духовной безопасности, какъ за твердою стѣною-оплотомъ,—послѣ же него съ грустью стала озираться кругомъ,—и вижу много благоговѣйныхъ, хорошихъ священнослужителей, но все какъ-то не найду себѣ мелаго удовлетворенія, не встрѣчаю такого гармоничнаго воплощенія образа русскаго православнаго пастыря-священника, какимъ былъ въ глазахъ моихъ отецъ,

Е. Лебедева.